

Наум Вайман
НОВАЯ ЭРА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ



Наум Вайман

Новая эра. Часть первая

«Издательские решения»

Вайман Н.

Новая эра. Часть первая / Н. Вайман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851400-5

Наум Вайман, известный писатель, поэт, журналист, переводчик и исследователь творчества Мандельштама, автор нашумевших книг «Ханаанские хроники» (ИНАПРЕСС, 2000), «Ямка, полная птичьих перьев» (НЛО, 2008), «Черное солнце Мандельштама» (Аграф, 2013), представляет третий том эпопеи «Ханаанские хроники» (второй том — «Щель обетованья» — был издан НЛО в 2013 году), интимный и интеллектуальный дневник за 2000—2001 год. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-851400-5

© Вайман Н.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Новая эра Часть первая

Наум Вайман

Иллюстратор Михаил Яковлевич Гробман

© Наум Вайман, 2019

© Михаил Яковлевич Гробман, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4485-1400-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Новая эра

Третий том «Ханаанских хроник»

Постепенно книга меня завершит

Эдмон Жабё

Часть первая

1.1. 2000. На новогодней вечеринке у Додика я влюбился. Ее муж – скрипач, лет чуть за сорок, пытается продолжить карьеру – Ленинградская консерватория, недавно приехали. Она – тоже скрипачка, моложе его, но на карьеру не рассчитывает: преподавание, частные уроки. Понравилась сразу, каким-то флером грусти, легким и естественным, врожденным. Пригласил танцевать. Почти не смотрела на меня, но улыбалась. Разговорились. Зовут Полиной. Очень мила. Но телефон не попросил, думал, еще будет возможность, однако танцы вдруг прекратили и затеяли импровизированный концерт, муж ее урезал какой-то лихой фокстрот, все столпились около него и вздрагивали, кто в такт, кто не очень, а потом они уехали.

Это друзья М, я мог бы взять у него телефон, но мне показалось, что и он на нее глаз положил...

2.1. Обещают дождливую неделю, резкое похолодание. С утра туман. Позвонила Л, еще не оклемалась после перелета, но голос бодрый, радостный. И так мне хотелось разобрать все завалы и побежать навстречу... Стал объяснять, что сегодня не получится. Сказала: «Понятно». И тоска взяла, что не получается неомраченной встречи. Почему я не мог отменить случку с Р? А в последний раз с Ф, опустошенный, как всегда после схватки с ней, стертый, как компьютерная память, я впал в полудрему и стал вдруг полуживым голосом вспоминать пионерлагерь, как уезжал на все лето семь лет подряд, и всегда тосковал первое время, потом привыкал, про свой авторитет рассказчика: никто в палате не спал, когда я плел выдуманные истории про разбойников и пиратов, как уже стал в последние годы «дедом», и мне было смешно, когда новенький вожатый, из евреев, предупредил меня, что отряд хочет сделать мне темную, потому что я заносчивый, а мне было смешно и ничуть не страшно, я знал абсолютно точно, что эта бунтующая мелюзга не решится, потому что они, хоть и злюки, но – трусы. Да, я всегда был «заводилой», но при этом держался в стороне, не сближался «с народом». Она сказала, что я и теперь «притягиваю к себе и тут же отталкиваю», будто не хочу, или боюсь, чтобы ко мне чересчур приближались, и вместе с «удивительной нежностью» я бываю жесток и раню неожиданно, когда все панцири скинуты... Кстати, уже три дня не пишет, для нее это много. А отменить сегодняшнюю встречу с Р я не мог, неделю до этого не «общались», и еще неделю, а то и две, даст Бог, не увидимся, и если и сегодня отменить, то она от меня «отвыкнет»...

Рассказываю Л:

– Сегодня кошмар приснился, и вообще спал ужасно, что мы с тобой гостиницу ищем и не находим, и вроде пришли на место, а я смотрю, нет надписи «ОТЕЛЬ», идем по каким-то лестницам, ты становишься в какую-то очередь (она хмыкает), а я бегаю по этажам и никак не могу понять, где-же тут можно...

3.1.2000. Приехали с Р в гостинцу в начале второго, а вылезли около девяти вечера. Ебля в дым. Похлопала ладошкой по моей распростертой руке: «Моцарт, ты превзошел сам себя!»

Сползла к ногам, стала рассматривать: «Посмотри, какой красивый! Ну, чего ты смеешься? Посмотри, ну посмотри!» Глаза сияют. Как пьяная.

... – Скажи мне, а когда ты сидишь, куда яйца деваешь? Разве не мешают? Больно же сидеть на них? Или когда между ног сжимаешь? Ну, чего ты смеешься?

Когда прощались, сказал, что в следующее воскресенье, наверное, не получится, я ей позвоню.

– Что, подруга приезжает?

– Она собственно уже приехала...

– Понятно.

Ну вот, и тут обида. Но мне уже наплевать. После такого марафона... Рекорд поставлен, все остальное неинтересно.

Обещал принести ей книгу о китайских воззрениях на секс. Она некоторые из этих воззрений оспаривает:

– Во-первых, мне не так важно, чтобы ты долго не кончал, лучше короче, но чаще. ... Беречь сперму? А ее, как и деньги, на тот свет не возьмешь. ... И где же тогда удовольствие мужчины? В удовольствии женщины? Ну, вообще-то я это приветствую, но, это какая-то обязателька, трудовая повинность. ... Ты знаешь, а твои ромашки еще живы. Вчера муж решил меня сфотографировать, для нового тысячелетия, долго устанавливал аппаратуру, и вдруг ему пришла в голову мысль сфотографировать меня с цветами, взял твои ромашки из вазы и с ними сфотографировал. А я держала их и... мне было так стыдно... но вместе с тем... я была рада (загадочно улыбается)...

А еще вспоминала, как мы познакомились, и как было в первый раз – любимая пластинка. И как ее напугало «когда ты в машине сказал, что стихи пишешь. Ну думаю, еще один... А ты еще добавил, что „на профессиональном уровне“, ну, думаю, вообще пиздец!»

... – А у нас уже есть прошлое, да? Вот с одной стороны ты уже мне такой родной..., а с другой – я чувствую, что плохо тебя знаю. ... А можно потрогать? Можно?! Я так люблю, когда он в руке оживает... Все-таки... можно я тебе это скажу? Я тебя немножко люблю. Да, люблю, ты не боишься? ... Все-таки важно вместе. Даже когда я несколько раз кончаю, если не вместе, это не то. Ты мне дай знать, когда ты уже... Знаешь, сегодня я чувствовала себя так... Только один раз я так чувствовала, с тем человеком. Он мне подарил это. Это выше оргазма, это что-то невероятное. И совсем необязательно... это может быть просто от поцелуя...

А Ф мне не пишет. Будто чувствует, что не до нее.

4.1.2000. Сильный дождь весь день. Заехал за Л.

– Как это ты решился приехать? А вдруг тебя заметил бы кто-нибудь? – подкалывает.

Но была рада. Вообще встреча получилась радостной. Мы оба ее хотели. И плевать уже на дешевый номер. Такой же марафон, как и за день до этого, но прошел даже легче. А я боялся, что сил уже не осталось. Дождь царапал жалюзи, то изредка, то настойчиво шурша, то как пес, рвущийся погулять. В простеньком номере было сумрачно и холодно (об отоплении в такого сорта гостиницах не беспокоятся). В промежутках мы тянули «из горла» виски и закусывали хлебом и сыром. Ну, и болтали.

– Рассказывай, на какие подвиги я тебя толкнула? Рассказывай, рассказывай.

Я и рассказывал.

А домой пришел, и супругу возжаждал, да так все прошло, что и она меня похвалила (что бывает крайне редко): «Ой, как здорово! Как мне понравилось!»

Портос звонит:

– Соломоныч, как дела?

– Да, чего-то... кашель...

– Старый триппер дает о себе знать?

5.1.2000. Верник сказал, что вечер Бобышева был неинтересный. Мой рассказ в «Сплетении» ему не понравился. Да, говорит, живо. Но грубо.

Грубостей они не любят.

Вечером, в дикий дождь, потащился с Л в Тель-Авив на «Империю чувств», но вместо «Империи» давали «Экзистенс» Кроуненберга, о войне игровой виртуальной реальности с дей-

ствительностью. Виртуальная берет верх. Под утро приснилось: песок в доме, и из него вдруг волнами прут муравьи, орды муравьев...

6.1. То ли довела эта мотня по дорогам в грозу и потоп, то ли... В общем, всё, мой «завод» вдруг кончился. Но вроде обещал, и вроде притащилась через моря и океаны... Заехал за ней и подались в Латрун. Дождя не было, хотя тучи наступали из-за холмов, как армия вторжения. Воздух – легкий дым, но именно на фоне этого пепла так радуется яркая зелень свежей травы, неожиданная ржавчина куста у дороги, пыльно-зеленые молодые оливы. Даже солнышко иногда выглядывало. По «нашей» тропе поднялись на холм. Темные стены монастыря и бурая черепица виднелись за соснами, воздух непривычно холодный, сырой, пахнет какими-то цветами, хвоей, подгнившей листвой. Посидели наверху, на камнях крепости. Здесь хорошо, духовно. С одной стороны равнина внизу, поля, пленки парников кажутся прудами, а с другой – горы: серые, бурые, зеленые, в низких тучах.

Захотела поехать в «ту гостиницу», что на обрыве. «Поехали», – говорю. А потом, уже по дороге:

- Знаешь что, не хочу я в гостиницу.
- Ну, не поедем. Я на самом деле тоже не хочу.
- А зачем же предлагаешь?
- Не знаю. Потянуло к обрыву...

Поехали в Ерушалаим. Закатили обед в «Мишкенот Шаананим». В ресторане только три столика занято: четверо русских с короткими шеями – в дальнем углу, в центре Дан Меридор¹ с каким-то американцем, а мы в другой угол забились. Слышали каждое слово. Русские говорили о каких-то заводах, Меридор – о Бараке². А я – о бабах. Но она мои жалобы на «запутанность» отменяла, считает ситуацию банальной. Обижаешь, говорю. Тут стараешься, стараешься, и на тебе – банально.

- А чего ты все стараешься?

Потом погуляли по каменным улочкам, зашли в недавно обновленный квартал «Ямин Моше», славное место, мавританские дома в ограде голых ветвей, садики с апельсиновыми деревьями, апельсины висят гроздьями, рыжие, среди зеленых листьев и серо-желтых стен. В одном садике её вдруг поразила ярко-красная ветка. «Рябина?! Нет, правда, рябина!» Потом: «Монпарнас! ... Нет, красивее, чем Монпарнас!»

Спросила про книгу, ответила ли мне Аня? Я пустился в рассуждения: с Аней не получается: много обещает, а толку нет. Может, и не по ее вине, но... И с этой любовью своей вдруг пристала, если бы она не полезла ко мне со своей дурацкой любовью, я бы ей до сих пор деньги посылал.

Она расхохоталась.

- Вот это обязательно запиши!

Когда отвез ее, остановился на обратном пути и стал вдруг набирать номер Р, но передумал. Поздно уже, вдруг муж дома...

От Ф: *У меня переставляли win2000, после чего все перестало работать*

Рада, что ты вернулся, а не исчез с 12-м ударом часов, как исчезли все подарки феи у бедной Золушки.

Новый год? Было детское ожидание чуда, а все было достаточно обыденно и скучно. Встречала не с теми людьми, кто мне по-настоящему дорог.

целую

¹ Известный израильский политик, министр во многих правительствах

² Бывший начальник Генштаба и видный политический деятель

7.1.2000. Все. Сегодня разгрузочный день. От всех четырех. Хотел утром поиграть в теннис, но стал накрапывать дождь, да и холодный ветер...

От Л: *Какая чудесная была веточка рябины!*

От Ф: *Я проснулась утром, рядом нелюбимый муж, надо идти на нелюбимую работу, и стала мечтать, что бы я хотела в жизни. И представила себе маленький домик, ты пишешь свой роман, а я сижу рядом... И вдруг пронзила мысль, что это уже было, и даже роман был о том же. Ну вот. Встала и пошла на работу целую*

9.1. Договорились с Л на Бейт-Дагане. Я опоздал, она уже ждала.

– Ну что, поедем для начала в гостиницу? – ухмыляюсь.

Посмотрела на меня с некоторым недоумением, подумала.

– Поехали, коли не шутишь.

Да какие уж тут шутки.

Предложение шикануть (взять номер в самой дорогой гостинице Тель-Авива, на самом верхнем этаже, с видом на море) я отклонил. И Бат-Ям сойдет. С видом на то же море. Без энтузиазма, но согласилась. Небо было дождливым, синоптики обещали грозу и ливни. С видом на море не дали, то есть можно было подождать, но ждать не хотелось, хотелось спрятаться. Спрятались. По жалюзям били большие редкие капли. «По мозгам бьет...» Потом все-таки пошел дождь, но не сильный, и снова капли, и стихло...

Сжимает пальцами локоть, как раз там, где болевая точка – исцеляет. Долго сжимает. И боль уходит.

– А у меня тоже есть «поле»? – спрашиваю.

– Есть, есть. Поле чудес.

– И я тоже могу лечить?

– А чем ты еще всю жизнь занимаешься?

И мы рассмеялись.

Поехали в Яффо, к «Бени-рыбаку». Абсолютно пустой зал ресторана. Допиваем кофе. День прояснился, даже солнце выглянуло. Сейчас выйдем, погуляем по молу. Отлегло от сердца. Стал благодушен.

– Ты на меня иногда злишься? – спрашиваю.

– Иногда?!

Смеемся.

Прогулялись вдоль моря, по шербатым камням мола. Со злым упорством волны били в бетон.

– А вон там был наш ресторанчик, «Соф аолам»!³

– Ага...

– Мы с тобой на краю Ойкумены, в ресторанчике «Соф аолам», за плетнем два синдбада-нацмена конопатят свой сказочный хлам!⁴ – цитирует.

Криво усмехаюсь. Однако приятно: и меня вот цитируют...

10.1. После работы позвонил Р.

– Я ужасно соскучился.

³ Конец света (ивр.)

⁴ Из стихотворения Н. Ваймана «Старая Яффа» (Провонявшая рыбою гавань...)

– Я тоже.

Договорились на следующий понедельник.

– Я тебе еще позвоню на неделе, – говорю.

– Можешь не звонить, потому что вряд ли застанешь.

Защемила ревность. Почему так больно? Может, и к лучшему, будет повод расстаться, давно пора. Но всё равно больно...

11.1. Оля Морозова прислала открыточку с новогодними поздравлениями, тронут.

12.1. В перемену позвонил Л.

– Я собственно хочу пожелать тебе счастливо долететь...

– Ага.

– А чо это у тебя голос такой малорадостный?

– А чего радоваться?

– Ну... Весна скоро...

– Это у вас скоро, а у нас еще...

– Опять же Испания ждет...

– Да, – хмыкнула не без горечи, – Испания...

– И вообще, живем, блин...

– Мне этого мало (с вызовом).

– Аа.

– Хочешь сказать, что большего дать мне не можешь?

Помолчали.

– Ладно, – прерываю тягостное молчание. – Тем не менее, я желаю тебе благополучно долететь.

– Спасибо, дорогой.

– Ну, пока, целую тебя.

– Пока.

А после работы позвонил Р.

– Привет! А грозила, что не застану.

– Случайно! (Смеется) Вообще-то я сегодня дома. Уже третий день, взяла больничный, по программе выживания я теперь раз в месяц беру три дня.

– И чего ж ты делала?

– Проводила мероприятия по выживанию.

– Для меня ты ни разу дней не берешь.

– А ты не просишь. Хочешь, возьму? Но теперь уж только через месяц. (Смеется) Но я ужасно рада, что ты позвонил, правда. Ну, скажи что-нибудь хорошее.

– Хорошее? Вот, скучаю по тебе...

– Хорошо!

– Думаю о тебе все время...

– Очень хорошо! Слушай, я ужасно соскучилась! А вот ты мне скажи, во что ты сейчас одет?

– Синие брюки...

– Эти вельветовые?

– Ага. Черный «гольф», пиджак коричневый, вельветовый.

– Аа, значит ты весь такой вельветовый, мягкий, хорошенький... Ой, как я соскучилась!

– Так что, снимать брюки-то?

Смеется.

– Нет, я не люблю секс по телефону.

Спросила про подругу.

– Сегодня ночью уезжает.

– Ну, как было?

– Перевел отношения в статус дружбы.

– Ну-ну.

– Скажи мне, – любопытствую, – у тебя бывает так, что ты не хочешь, но поддаешься, зная, что человеку это важно? Как бы отдаешь себя..., женское такое качество, отдаваться...

– Нет, не бывает.

– То есть если ты не хочешь...

– То сразу на хуй посылаю.

13.1. От Ф:

Анализ немного ухудшился, и хотя прилично за пределами нормы, но терпимо. Тенденция настораживает.

Увидеть тебя для меня всегда – радость. Но сегодня – врач, а потом я иду на пробный урок рисования. На следующей неделе?

Целую, дорогой

После нашего разговора меня захлестнуло волной тоски по тебе.

От Зуса: *В Норвегии вовсе не холодно, но очень дорого*

Моя японочка пожелала Северное Сияние и фьорды, то и другое было показано.

Мы почти доплыли до Мурманска

z

15.1

Ездили в лес вчетвером, с Мироном и Надей. Холодно, но солнечно, в лесу никого, тихо. Гуляли, потом девушки отстали и сели на камень, а мы продолжили вглубь леса.

Я: Интересно, о чем они...

М: Либо об одежде, либо на нас жалуются друг другу. Надя, кажется, стала что-то подозревать, возникла напряженка...

Я: Ты вообще неосторожен...

М: Просто ленив... Женщины, вопреки общепринятому мнению, гораздо меньше мужчин склонны прощать всякие похождения... И это при том, что она никогда меня не любила, я был любящей стороной, я был влюблен, я и сейчас ее люблю, я к ней очень эмоционально привязан, но мужчине это не мешает...

Я: Есть и женщины, которым это не мешает...

М: Ну, это самые замечательные женщины...

Я: Да...

М: Хотя и принято считать, что жизнь женщины это секс, но на самом деле мужчины более сексуальны.

Был холодный солнечный день, дорожка в лесу вела на холм, но мы развернулись, едва начав подниматься.

16.1.2000. Встречались с Р.

... – А знаешь, ты мне снился... как будто я дома, и у меня маленькая девочка, около годика, такая хорошенькая, светлые волосы, голубые глаза, прелесть... и тут вдруг тыходишь, и говоришь: это наша дочка?, а я себе думаю, что он не видит: совсем на него не похожа... странный сон. ... Я ужасно люблю «сумо», нравятся мне эти толстяки, они такие быстрые, грациозные, и эти их церемонии. ... Внук тоже, когда попросишь его, ну сделай, как борец сумо,

он так присядет и ножкой топ, как они... Я и борьбу люблю, и бокс... Нет, не хочу кушать, я лучше голодная еще рядом с тобой полежу... вот так вот... а я слышу, как сердце твое стучит... Ты вздремнул? Я тоже почти, как будто провалилась куда-то... про все забыла, какие-то воспоминания странные поплыли. ... Доре уже за девяносто. У нее был пес Догги, тоже очень старый, хромой на все четыре лапы, еле ковылял, и вдруг однажды мы идем мимо ветеринарной поликлиники, и тетка выводит огромную такую собаку, красивую, и – я забыть этого не могу! – Догги этот вдруг выпрямляется, уже не хромает, на прямых ногах, хвост трубой, голову кверху, и тянет Дору к этой собаке, а Дора отцепила поводок и говорит: «Иди, Догги, может тебе повезет», представляешь?! Иди, говорит, Доги, может тебе повезет... В тот ём ришон⁵, когда я кончила работу, а я обычно в этот день минуты считаю, сколько осталось до встречи, а тут вышла, и мне было радостно! – я вдруг почувствовала себя свободной! Никуда не надо бежать... это плохо, что я тебе это рассказываю?... А у тебя так бывает?

– Бывает...

... – Ты мне еще давно, в начале, сказал: «Я хочу тебе купить что-нибудь, пойдем в „Гольф“, у меня там скидка есть», ха-ха-ха!

– Так прям и сказал? (ржем) Ты меня заставляешь краснеть... Но я не из жадности, ей Богу...

– Ну да, по простоте душевной!

– Ага!

Хохочем.

От Л:

Вот я и «дома», ударили морозы и ужасно грустно.... Полет в Израиль кажется сном по сравнению с обратной дорогой. Так было ужасно тяжело расставаться с родителями... и так здорово повидаться с тобой... Мама спросила на прощанье: когда они с папой умрут, к кому же я буду приезжать?

18.1. От Ф: *Мне так жаль, но завтра мы не сможем встретиться... Может, в хамиши⁶ получится?*

Я соскучилась

Сильный ветер, дождь, переходящий в град. Но тучи не черные, а пепельные, будто просвеченные солнцем...

Озрик окрестил русских: «народ-жидоносец»

19.1

Позвонил Ф. Она в машине, едет на работу...

– Так что, мы успеем увидеться?

– Знаешь, я даже предпочла бы сейчас, до работы...

– Давай.

– Тогда я разворачиваюсь и еду на наше место?

– Окей. Я буду в полдесятого. Раньше не успею.

⁵ ём ришон – день первый (ивр.), воскресенье, в Израиле рабочий день

⁶ день пятый, четверг

... – Мне на работе одна говорит: у тебя что, хавер⁷?, ты такая красивая стала... Какой ветер! Знаешь, он сначала пугает, хочется так съежиться, спрятаться, а когдапустишь его в сердце, то вдруг радостно...

– Пустить ветер в сердце... Это хорошо...

– Ну что, в голове он уже гуляет.

И мы рассмеялись

В этом деле с ней мне нравится оперативность. Через час с четвертью она уже отправилась на работу.

С работы прислала:

Я пропитана твоим запахом и сияю так, что должно быть сразу видно, что я после встречи с любимым человеком.

А Р говорит: «Сразу видно, что из-под мужика». Видно у них это числится достижением, знаком победы. Хотя чем тут хвалиться: мужику только подмигни.

22.1

Позвонил Озрик:

– Читал в «Вестях» беседу Гольдштейна с Гробманом?

– Нет.

– Этот твой Гробман очень не любит Бродского...

– Ну да, Бродский его заслоняет.

Озрик хихикнул и продолжил:

– Он там утверждает, что все это происки американских империалистов, мол, им было выгодно выдвинуть Бродского, служил их интересам.

– Вот как? Доносик? Это я люблю.

– Он еще говорит, что Бродский удовлетворял массовым вкусам итеэровской интеллигенции.

– Вот уж и нет, вначале он был для большинства достаточно непонятен, а когда уж прославился... славу все признают, все хотят приобщиться к понимающим...

– Он там еще «сезанистов» уделал, ну знаешь, была в Москве такая группа...

– Ну да, соперников надо уничтожать...

23.1. Прочитал по наводке Озрика беседу Гольдштейна с Гробманом, «Три жертвы» называется. Главная тема: как разыграть «биографическую партию», попросту: как прославиться. Гольдштейн предлагает глубоко отрефлексированное «оправдание тщеславию»: *XX столетие явило яркие образы артистов, акцентировавших свои усилия на зарабатывании успеха и приписывавших этой деятельности художественное содержание*. Но Гробману жалкий лепет оправдания не нужен, он откровенен и нагл, как ребенок: *слава «осознается лишь в том случае, если принадлежит кому-то другому»*. То есть жажда славы – функция зависти. Честно. А вот еще признание: *Меня слава интересует лишь постольку, поскольку к обладателю ее прислушиваются, а так – не дозвонишься, не достучишься*. Что верно, то верно. *Сами по себе слава и деньги – херня, но они придают твоему голосу силу, вот в чем их смысл*. Но зачем тебе «сила голоса»? О чем поведать собираешься? Оказывается – для борьбы с пошлостью: *Миром правит пошлость, хочется выкрикнуть против нее резкие слова*. Гольдштейн тут же ловит его за хвост

– *Что вы подразумеваете под пошлостью?*

⁷ друг, часто в смысле любовной связи (ивр.)

– Это стремление к благополучию и комфорту любой ценой, это невыносимо раздутые репутации...

Так-так, подходим к опровержению авторитетов, к главному стимулу жизни – зависти. Гольдштейн продолжает допрос.

– Будем называть имена?

– Безмерно преувеличенной фигурой был Иосиф Бродский, сумевший найти путь к уму и сердцу среднего стихотворца, среднего инженера, а раз он такой великий русский поэт, то и Запад, нуждавшийся в заполнении соответствующей ниши, короновал его премией, тем более что и там он, в переводе на латинские буквы, идеально отвечал вкусам усредненного доктора и профессора.

Гольдштейн однако решительно встает на защиту Бродского.

– Очевидный факт, что он нашел этот путь к коллективному сердцу, подтверждает как раз незаурядную крупность фигуры Бродского.

Тут в «разговоре» явный обрыв, видимо, при последующем согласовании они ответ Гробмана убрали. И дальше разговор перескакивает уже на «технологию» славы в области художественного творчества: выставки, кураторы, всякого рода «оценщики» – это малоинтересно. Но по ходу дела Миша пытается опустить «конкурентов»: Лимонова (*на Западе Эдик не жил, он обитал на самом низу этого мира*, и пусть, мол, не строит из себя эксперта), Сезанна (*Ну что такое Сезанн?*).

Затем Миша начинает вещать о смысле жизни и искусства:

«У человека, во-первых, должно быть несколько близких людей, ради которых он готов в любую секунду умереть... Во-вторых, он должен обладать чем-то, во имя чего он готов воевать, взяв винтовку и отправившись добровольцем на фронт. Этим чем-то будет культура. В-третьих, у человека должно быть то, на что он готов тратить свои тяжким трудом заработанные деньги. Перед нами три жертвы, определяющие смысл существования, и искусство оказывается важным для других, если художнику удастся сделать зримой фундаментальную жертвенную составляющую его человеческого опыта.

«Жертвенная составляющая» – это верное направление мысли, но развитие оно не получило.

Мише мало быть художником, да еще и поэтом, хочется быть теоретиком, мудрецом, властителем дум. На худой конец просто властителем.

24.1.2000. От Ф: Я простыла и посижу пару дней дома. Ты давно не писал...

Посылаю цитатки из Кастанеды, удовольствие получила, переписывая.

Длинный набор цитат. О войнах (*Быть воином – это самый эффективный способ жить*), о смерти (*Мысль о смерти – единственное, что способно закалить наш дух*), о мире (*Мы никогда не сможем понять его. Мы никогда не разгадаем его тайну. Поэтому мы должны принимать его таким, как он есть – чудесной загадкой.*)

По сути – набор пафосных банальностей. А ведь им весь мир увлекался, у меня стоят три тома, слава Богу, что так их и не раскрыл.

Воин сомневается и размышляет до того, как принимает решение. Но когда оно принято, он действует, не отвлекаясь на сомнения, опасения и колебания.

<...> Мы – люди, и наша судьба, наше предназначение – учиться ради открытия все новых и новых непостижимых миров.

<...> Основное различие между воином и человеком заключается в том, что воин все принимает как вызов, когда как обычный человек воспринимает все как благословение или проклятие.

По-моему, Кастанеда просто переписал «Путь самурая»...

Ее письма неприятно напоминают мне собственные литературные опыты: она любит рассуждать, цитировать, восхищаться прочитанным, как хорошая, увлеченная ученица. Ничего в этом плохого нет, но... два «умника» это скучно.

От Л:

сейчас накатала тебе длинное письмо, но оно стерлось, почему? С утра снег, снежинки пушистые, падают парашютиком, но пока мало еще, м.б. попозже м.б. на лыжах пройтись лыжню проложить... очень бы хотелось...

Для Л:

Скажи мне, а ты с мужем проявляешь иногда инициативу?

25.1. «Вынес», наконец, кабана с корта, два-ноль. Потом поплавал, в джакузи посидел, в баньке попарился. Спина все равно болит.

Вчера целый день звонил Р, но не застал. Загуляла.

26.1. Наконец, дозвонился до нее.

– Я тебе запись оставил...

– Да, только я не поняла: «ешивот – зе ло аколь» /педсоветы – это еще не всё/?

– Книга была такая у Дана Бен-Амоца... Не важно, был такой известный писатель, он написал книгу: «Зиюним – зе ло аколь» /ебля – это еще не всё/.

– Аа!!

Расхохоталась.

– На это я всегда говорила: вся моя жизнь – хуйня! Ха-ха-ха!

Матвей, отвечаю сразу, что б ты знал, что связь работает. Начинается новая технологическая эпоха! И главное вовремя!

Сначала о делах. Книга уже выходит. Где-то в середине февраля, а может и раньше (я, конечно, сообщу), будет в Москве, как сказано, «на Сухаревской площади», видно, у них там склад. Надо полагать, что не за горами и время расплаты с издателем. В связи с этим позвони насчет денег Альперовичу (ты уже у них был). С ним все согласовано. Теперь такой важный момент: на этой «Сухаревской» будет 450 моих книжечек, личных, которые я хотел бы использовать здесь. Есть проблемы с пересылкой, как выясняется, пересылка такого груза (килограмм двести) стоит непомерно, причем именно из-за всяких бюрократических расходов типа таможни. Видимо, самое простое – переслать книжечками посылками. Но это муравьиный труд. Мог бы ты взяться за такое мероприятие, скажем на тех же условиях, что и сейчас? Это не обязательно делать сразу, можно и постепенно, по мере отправления и других книжных посылок. Другое дело, что эти книги должны где-то лежать. Сколько они согласятся держать это на складе бесплатно, черт его знает. Так что это еще может быть связано с временным хранением всего груза у тебя. Это весьма неудобно. Так что если все это слишком хлопотно, скажи, – никаких, что называется, «обид». Кроме этого я хотел бы оставить тебе несколько десятков экземпляров (я думал 50, но если это слишком много, тоже скажи) для раздачи друзьям и знакомым, как нашим общим, так и твоим, по твоему выбору, ну и для моих немного (десяток) оставить, когда приеду...

27.1. Дожди. Сегодня даже снег обещают. Вышел в парк с собакой. Лужи, воздух холодный, хорошо дышится. Черная, блестящая шерсть Клёпы мелькает в мокрой ярко-зеленой

траве. Расцвело дерево, которое я зову «крокодил Гена» (*Chorisia insignis*, его еще называют «шелковым», и почему-то – «пьяным»), оно снизу толстое, почти брюхатое, а вверх утоньшается, и все покрыто острыми пупырышками, ветви голые, кое-где еще желтые листья держаться. А плоды у «крокодила Гены» похожи по форме на большие груши, только кожура плотная и зеленая, как у авокадо, а внутри, когда кожура лопается, белый шелковистый хлопок. И цветы пышные, с карими, фиолетовыми и белыми лепестками.

От Матвея

Поздравляю с выходом книги. По части книг я, конечно, согласен сделать все, что в моих силах, типа забрать их или даже заскладировать у себя (но на какой-то все же ограниченный срок и с учетом накладных расходов, например, на перевозку). Что касается их отправки по почте (при 25% от пересылки мне), то я и это с радостью бы исполнил, но боюсь, как бы на почте не возникло трудностей: пачку одинаковых книг они могут посчитать коммерческой посылкой со всеми вытекающими последствиями, а если добавлять по одной к посылке, то это затянется на несколько лет. Впрочем, я все это могу узнать точно на почте, когда буду посылать следующую бандероль. Что касается 50 книг для раздачи, то это я выполнил бы даже с большим удовольствием.

Поехали с Р, как и планировали, на аукцион «еврейской живописи» в Бейт Ционей Америка. Сразу углядела «Мимозы» Кислинга.

– Подари мне.

Там было еще три его натюрморта с цветами. Каждый по сто, сто двадцать тысяч долларов. Но «Мимозы» были лучше всех, они и стоили двести. Попадались и израильские «классики»: Безем, Гутман, Рубин, Мане-Кац, Стемацкий. Потом решили перекусить в тутошнем ресторане, взяли антрекот, но мясо было ужасным, резина, я пожаловался, дали другую порцию, кое-как разжевал. По бокальчику красного выпили.

– Вот если бы у тебя был миллион в банке, ты бы мне купил «Мимозы»? Ага, задумался!

– Нет, не купил бы.

– А если бы три было? Ну не три, десять? Купил бы?

– Десять – купил бы.

– Значит ты меня ценишь на два процента от капитала...

Быстро считает.

Шли под дождем. В машине я поцеловал ее в холодные щеки и теплые губы и вдруг вспомнил, как хорошо было целоваться зимой, на морозе, теплота губ особенно обжигает...

В «деревне» долго сидели в машине, лил дождь, целовались.

– Можно я тебя потрогаю...

Долго мучалась, но в конце концов высосала. Думал, сплюнет, нет, проглотила. А когда выпрямилась – насытившийся вампир: рот весь мокрый, даже волосы мокрые слиплись, глаза безумные, распахнутые, и хохочет...

– Все-таки я тебя изнасиловала, ха-ха-ха!

Потом несколько раз спрашивала: «Ты на меня не сердишься?»

А дождь все лил, не переставая, как из ведра. Я смотрел на ее сияющие в темноте глаза, на залитое водой ветровое стекло за ее головой.

Хорошо зимой в деревне...

28.1. В Иерусалиме снег выпал. День, как всегда, начинается с почты.

Ох, Николай, чувствую, любовь наша кончается, теперь у вас другие авторы на уме, так вот и транзит, эта самая gloria mundi. Но как на свете без любви прожить... Мне будет

скучно, ей богу. А я ведь еще хотел за литературу поговорить, вот даже не поблагодарил за так обрадовавшую меня цитату Кузмина...

Кстати о музыке, Вагнер-то, оно конечно, римская империя да и только, а я вот вчера был на замечательном концерте джаза, Шифрин, пианист и дирижер, Морисон, трубач (ай-йй-йй, что выделывал!), Питер Кинг, саксафон, и негр в черных очках на контробасе, ну и ударник классный, Гамильтон, и все это с Тель-Авивским симфоническим оркестром, зажигательно прошел концерт. Даже ко всему привыкшие и обычно скучающие оркестранты показывались в такт, широко улыбались и одобрительно стучали смычками по пюпитрам. Ну а в зале – визг.

Ваши, теперь уже навсегда

Наум

29.1. Суббота. Почти морозно.

Для Л:

Я спросил про инициативу, потому что пытаюсь понять поведение жены, то есть полное отсутствие инициативы. Оно и раньше было не так уж бурно, но я восполнял со своей стороны, а сейчас и у меня все «ушло». Но как-то непривычно лежать в постели с женициной... как с другом. Климаксом тоже не объяснишь, тем более что когда «они хотят» то инициативы – хоть отбавляй.

30.1.2000. От Л: А у вас тоже снег шел?

Собираешься ли ехать в Италию?

В Италию еду 11.2

Снег был только в Ерушалаиме

Матвей – Науму

Меня совершенно не пугает необходимость стоять в очереди, тащить что-нибудь тяжелое, перевозить с места на место и т. п. – я в этом отношении неутомим и даже, смею сказать, незаменим. Но выполнить какую-нибудь более сложную, «умственную» операцию, где надо что-то узнавать, звонить неизвестно куда, наводить дополнительные справки, уговаривать и, главное, принимать решение – не могу, и все тут. Одна мысль о том, что мне это предстоит, приводит меня в трепет: в глазах темнеет, члены дрожат, пятки потеют... Мне говорят «нет» – я поворачиваюсь и ухожу. В общем, удобно устроился в этой жизни. Что делать: приходится принимать друзей такими, какие они есть: глядишь, для чего-нибудь и сгодятся.

Вообще-то у меня такое впечатление, что пачки одинаковых книг не примут: смутно помню, что подобный (негативный) прецедент был в пору нашей «коммерческой активности». Мне сдается, что переслать в частно-штучном порядке можно за какое-то обозримое время книг этак сорок, но уж никак не четыреста. Так что, боюсь, тебе все же придется найти альтернативный вариант и выйти на соответствующих людей. Конечно, я все это уточню. При этом, еще раз повторяю, я могу книги принять, засклалировать и хранить их какое-то время, если в этом будет необходимость. Давать мне подобные поручения ты можешь совершенно спокойно, безо всякого зазрения совести, и в этом смысле твои извинения даже как-то обидны...

Что же касается транспортных расходов, то одна полноценная экскурсия с заездом в Олимпийский, три-четыре магазина и на Международный почтамт обходится мне в среднем в 15 руб (примерно 0,5 \$). Поэтому я буду, с твоего позволения, присовокуплять эту сумму

к счету: думаю, это справедливо и не так уж для тебя обременительно, а мне все же облегчение.

Всегда твой

Матвей

Я, к сожалению, малость приболел (обычная простуда) и потому, не желая рисковать, решил съездить к Альперовичу за деньгами где-нибудь в районе вторника; тогда же пошлю книги, разужнаю что смогу на Международном почтамте и тебе напишу.

31.1. От Ф: Как дела, дорогой? Я только сейчас открыла почту, целый день улаживаю всякие дела, накопилось за неделю. За неделю простуды успела продвинуться с подготовкой к лекции – есть польза от простуд. И картинку нарисовала

Целую

Я тоже был «в делах». Одну часть пицциум⁸ мне уже выплатили, вторую, бОльшую, вроде как утвердили, теперь надо выцарапать, знаешь, как Бисмарк говорил: русского солдата мало убить, его надо еще и повалить, вот так и деньги взять у евреев...

Картинка – это замечательно, хотелось бы посмотреть. А лекции свои ты пишешь на иврите или по-русски? Если по-русски, то можешь мне «перекинуть», я почитаю, интересно.

Может, на неделе увидимся? В среду, или четверг, в четверг я не работаю.

целую

От Л:

по поводу записок: а это тот Каневский, который нам ключи давал от своей квартиры? А Золотонос не еврей случаем? Золотой нос? «Читатель вам нужен за тем же, зачем нужна женищина», а помнишь – «такого читателя, как я, тебе еще очень нужно поискать», чем ты и занимаешься, уродуясь до изнеможения, но не останавливаясь на достигнутом – вот и вся наша любовь? Давай, посылай записки дальше, за опасной чертой – я готова, а ты? Мне очень понравилось твое письмо издателью по поводу беседы с Золотоносовым, даже больше чем их беседа.

что готова, это я храбрюсь. Хоть и говорю, что как после ангины, горло больше не болит, но зато осложнение на сердце... и что они, другие буквы алфавита – полоничества, но... они там, с тобой, а я нет... и от этого наши свидания все больше напоминают мне «холодную войну» и злюсь на себя ужасно, что опять не сдержалась, что сколько можно подставляться под холодный душ... но... когда вспоминаю, как лежала на животе, потом, а ты накрыл меня своим телом... чувствую тепло твое на себе и... в каббале есть такой принцип «итхирута дильтата» – «импульс снизу», он позволяет совершать чудеса...

Отвечаю по пунктам

Каневский – тот самый. Мы с ним еще в Неби Муса ездили, помнишь?

Золотонос в еврействе подозревается, но точно не знаю. А у Кононова фамилия вроде Татаринов, он из деревни Похуяровка Саратовской области (недавно написал). Ему, не знаю как Золотоносову, мое «письмо» об их беседе, видно, не понравилось, во всяком случае, он на него вообще не среагировал. А может он, как и я, сомнамбула?

...Знаешь, что мне всегда было крайне важно «в любви»? Дистанция. Вот это боксерское чувство дистанции во мне очень развито (мой тренер, старик Никифоров, он был чемпионом России в 25 году!, колоритный старик, говорил, что у меня реакция классная, но жопа

⁸ Компенсация (ивр.), в данном случае за увольнение

толстовата). Если чуть увеличишь – не достанешь, чуть приблизишься – сам схлопочешь. Женщины в такие игры, как правило, играть не умеют. Вот почему мне с королевой так «легко», потому что у нее подход мужской, любовь, в сущности, это обмен ударами, но потом, после дУша (sis!), обнявшись, можно, хохоча, и по пиву... Хотя в последнее время и она стала проявлять какие-то «женские» признаки, слабинку давать. И тогда я ее чуток отпускаю, пусть побьется с кем-нибудь, восстановит дистанцию.

А насчет того, что «сам схлопочешь»... Здесь, мне кажется, не только пресловутый «страх любви», может это просто «рыбья кровь», ну не нужно мне это, что делать. Не хочу я «сгорать от любви», другие вещи меня сильнее воспаляют... Может, это – климакс... Но, в сущности, так было всегда...

1.2. Постельная болтовня Р:

... – А можно я буду тебя звать «любимый»? Можно? Ты мой любимый. ... Если бы ты был маленький-маленький, я бы тебя носила с собой, положила бы в карман...

Перед встречей купил хлеб, масло, красную икру и чилийское красное, «Мерло». Выпила полбутылки.

– Напиться хочется.

– Чего?

– Не знаю.., ты будешь смеяться... Я все эти дни думала о тебе, и мне вдруг стало страшно... Я боюсь слететь с тормозов... А ты не боишься? Почему?

– Я в тебе уверен.

Расхохоталась.

– Постараюсь оправдать доверие!

Вымазал хлебом банку с икрой.

– Ты бы хером вымазал, а я бы потом слизала, ха-ха-ха!...

Приехали около часа. К шести сгустились сумерки. Слабая полоса света от зазора между шторами легла на ее плечо и грудь. Пошли по третьему кругу.

... – Скажи всем твоим друзьям-импотентам...

– У меня нет друзей-импотентов.

– Они все импотенты по сравнению с тобой, ты им скажи... Ты, когда будешь, лет под семьдесят, знаменитый писатель, и у тебя будут деньги, а значит и красивые женщины вокруг, ты себе выбери молодую, высокую, чем выше женщина, тем больше веса она добавляет мужчине, статную, и чтоб тебе было хорошо с ней...

– Уж не знаю, захочется ли мне под семьдесят...

– А в том что он будет знаменит, он не сомневается, ха-ха-ха! Скромный ты наш! А кто еще? Да, стеснительный, ха-ха-ха! Особенно с женщинами!

На обратном пути взяла мою руку и сунула себе между ног, глубоко.

– Вот, положи руку сюда, вот так, а теперь надо сфотографировать, и написать: скромный и стеснительный с женщинами.

Матвей – Науму

Я позвонил на Международный почтаммт. Сведения благоприятные: все ограничения отменены, приезжайте, высылайте, нет проблем. Это совершенно официальная информация. Стоимость пятикилограммовой бандероли – 147 р + упаковка + 4% налог с продаж, т.е. что-то порядка 160 р. Кроме того, знакомый товаровед Сан Саньч (я ему многократно помогал грузить тиражи), во-первых, подтвердил, что на почте все так и обстоит, без проблем, а во-вторых, сказал, что имел дело с фирмой Алан Карго (за точность названия не ручаюсь, записал по слуху), которая специализируется на пересылках именно в Израиль. Они шлют контейнеры для книжных магазинов, а заодно принимают заказы от частных лиц. По словам

Сан Саныча, они берут недорого; у него под рукой не оказалось телефона представителя этой фирмы, с которым у него контакт, но он пообещал мне его дать в ближайшее время. Так что напрашивается такая схема действий: узнать расценки фирмы, сравнить их со стоимостью пересылки обычным путем и выбрать более дешевый вариант. Единственная проблема состоит в том, что точные цифры и суммы можно будет узнать только тогда, когда я узнаю вес одной книги (т.е. какое количество войдет в пятикилограммовую бандероль). Если есть возможность получить эти сведения у издателя, это ускорило бы выход на точные суммы.

Всегда твой

Матвей

Наум – Матвею

Старик, ты гений! В тебе пропадает еврейский негодник эпохи Возрождения, они и философией занимались, и даже поэзией баловались.

Полагаю, что книга потянет где-то на пол-кило, но я уточню. Так что в 5-килограммовую войдут книг десять, если добавить к стоимости посылки твои проценты то получится где-то 200 р. или 7 долл. за посылку или не больше 300 долларов за 400 книг. Варианты, которые мне предлагают здесь, однозначно дороже: за перевозку 1.5 долл. за кг. (то есть уже около 300 д.), но главные расходы, оказывается – на таможене! В нашем «конце» это около 200 долл. да и ваша таможня не промах. Но ты, конечно, узнай, если не трудно, что за смета у этой фирмы, тогда и решим.

2.2. От Л:

я бы даже сказала, что наши чувства меняются не столько с годами, сколько в одно и то же время, а точнее, когда «дистанция» сокращается.

Оно как бы густеет, как будто хочет все успеть сразу, наше время. И я люблю тебя именно когда «другие вещи воспаляют меня сильнее»...

Забыла, как называется этот монастырь в Испании, про который ты мне говорил? И напости твой адрес, чтобы отослать «Квартет».

Santiago De Compostela, это на западе, «над» Португалией. А когда ты едешь?

Весь «Квартет» прочитала? Как тебе?

Матвей – Науму

Не удержусь и задам тебе выволочку за порчу языка. Доконал ты меня «словом» нахуй (sic!). Ты же, блин, русский писатель. Существительные с предлогами пишиутся отдельно! Вот тебе за это экспромт в стиле «Радионяни» (ее ведь не зря вели два еврея, сочинял третий, а музыку писал четвертый: кому еще было постоять за чистоту русского языка?)

Эпиграмма

Романа русского надежда

Живет в израильской глуши.

Ему совет от всей души:

Прелюбодействуй, пей, греши

Но хуй с предлогами, невежда,

Раздельно всё-таки пиши!

Матвей

еврейский негодник эпохи Возрождения, балующийся поэзией

3.2.2000. Матвею:

Эпиграммкой ты меня порадовал, ей богу. Таких бы бить по рукам, да приговаривать: писать, писать. Только ведь «хуй» скорее «место имения», чем существительное...

У Гольдштейна перемены: подруга разошлась с мужем и последний с квартиры съехал. Так что Гольдштейн скоро переезжает к подруге. Поздравил его. Хорошо, когда желаемое сбывается. «С вас бутылевич!» – гусарю. «Да-да, конечно...» С Барашем у него охлаждение. Сказал, что зря он, Бараш, второй сборник выпустил, очень уж тонкий, «свидетельство маломощности».

Вечером Миша Файнерман позвонил. Заикается чуть сильнее обычного. Якобы над книгой работает. Обещал написать.

Играл с кабаном. На травке за забором молодежь резвилась. Кабан все время посматривал в ту сторону: «Тире, кама цицим... /Смотри, сколько сисек/ Я принял стратегическое решение: раз в месяц ходить к блядам, да, но не к таким за 70 шеклей, а за двести. Да, есть девочки в порядке, у меня друг один...»

От Ф:

Записалась на курс английского на работе, в среду с 3-ч, время надо отвоевывать, правда?

В четверг у нас еженедельная ешива⁹ с 2-ч до 4-ч, так что и этот день для наших встреч вычеркнут. Остается вторник.

Но самое главное, что сегодня сделала ультрасаунд, и он в порядке! Так что у меня три месяца тишины до следующей проверки.

Твоя книга вышла?

Муж через неделю уезжает почти до конца месяца.

Целую

Я рад, что все благополучно. А чего вдруг английский?

Давай наметим на вторник. Я соскучился.

Матвей – Науму

Я рад, что ты не обиделся на эпиграмму; были сомнения: язык мой враг мой.

Конечно, язык портится (в том числе и писателями), но где-то надо стать грудью и сказать: «Ни шагу назад!» Упомянутое слово – это именно то место. Иначе народ потеряет самоидентификацию. Впрочем, туда ему и дорога, и это давно случилось бы, если бы не пара евреев-ригористов...

От Ф:

Можно встретиться в воскресенье утром, часов в 9. Целую

5.2. О похудении: «Милочка, в вашем возрасте приходится выбирать между лицом и фигурой».

⁹ собрание

В «Окнах» – ответы некоторых литературных авторитетов (по выбору Гольдштейна) на заданную тему: лучшие писатели и книги столетия. В результате – джентльменский набор: Мандельштам, Ходасевич, Набоков, «Петербург» Белого, «Сестра моя жизнь» Пастернака. Бараш соригинальничал (Гольдштейн и его причислил к авторитетам, чтоб не обижался), назвал «наиболее дорогой» ему книгой в русской литературе «Тридцатую любовь Марины» Сорокина. А еще «авторитеты» дружно любят Добычина. Гандлевский употребил слово «гемютный». Шо це таке? Запросил русскую Паутину, а она мне ответила: «Тут-то не гемютный жупелок, жвалы обломаются».

6.2. Свидания с Ф сокращаются, всего час заняло. Сгораю от возбуждения. Просто сгораю, куда там три раза, и второй-то представить себе не могу...

... – Вряд ли я еще встречу такого дорогого мне человека, как ты... Это чудо, что ты мне встретился... Мне кажется, что если бы я была мужчиной, я была бы на тебя похожа...

– В каком смысле?

– Ну.., ты как бы моя мужская половина, ты воплощаешь все те качества... силу, ум, мужественность...

7.2. От Ф: *Дорогой, у меня дома пока нет интернета, буду стараться писать с работы. Хорошо мне с тобой, до сих пор чувствую тебя рядом*

Целую

8.2. Обычная болтовня Р после того как:

... – Ни в коем случае не худей, этот животик я обожаю.., много там не ходи по Флоренции, и хорошо кушай, пиццы, спагетти... А можно я твои трусы одену?

Одела на голову. Вроде чепчика. Смеется

... – А со мной знаешь что было..., нет, ты будешь смеяться..., нет, мне стыдно..., только не вздумай это описать в своих этих, ха-ха-ха, обещаешь? Я в тот раз пришла домой, зашла в ванну, стала себя обнюхивать, и не чувствую твоего запаха! Тогда я прокладку сняла и стала ее нюхать. ... У тебя черепушка, как лампочка! Самая красивая черепушка на свете! ... Ты мне (загибает мои пальцы правой руки, левой веду машину) дорог, люб, близок, я тебя обожаю... что еще? Ну что еще, скажи?

Подарила мне маленькую костяную рыбку, которую в Тайланде купила.

Вышли к морю. Холодный ветер. «Ой, из меня потекло! Нет, не отдам!» Встала, скрестив ноги. Смеется.

Глаза у нее светлые-светлые. И вообще она мне иногда кажется девчонкой... А вчера, поцеловал, и вдруг пахнул в лицо ветер юности, то ли вспомнил что чувствовал тогда (с кем?), то ли что мечтал почувствовать?...

Принес почитать книжку стихов Вадика

– Нет, больше не читай, это просто убожество.

От Л:

знаешь, со мной такого никогда раньше не было, во всяком случае не помню, чтобы было... вдруг ничего не хочется, никаких желаний...

а было так: приснилось мне, будто мы на корабле, молодые, как в Друскениках, на верхней палубе, внизу океан свинцовый, сверху небо в тучах и когда ты входил в меня, мы взлетаем и торчим там, между небом и землей и слышим божественной красоты музыку... а потом я брожу по каким-то каютам и ищу тебя долго и глухонемею... потом ты меня находишь в какой-то темной каюте (только редкие лучики света пробиваются через жалюзи) и говоришь-говоришь, а я не слушаю и сказать ничего не могу... и никакой музыки... и просы-

паюсь вот в таком состоянии полной апатии и никак не выхожу из этого... вот написала и чуть отлегло, но...

Эй, подруга, ты это брось. К черту апатию. А вообще кончать надо эти игрища в дневники. Я же пошутил, понимаешь? Может, просто позлить тебя хотел, перестарался, кажись...

9.2. Креститель у Матфея – ярый, сокрушительной воли проповедник

«Змеинное отродье! Кто внушил вам мысль, что избегните возмездия? Только не вздумайте говорить в душе: „Наш отец – Авраам“! Уже лежит наготове топор у кормля дерев: дерево, не приносящее добрых плодов, срубают и бросают в огонь. Я омываю вас водой в знак покаяния, но Тот, кто идет за мной, омоет вас Духом Божиим и огнем. Он провеет зерно на току: пшеницу соберет в закрома, а мякину сожжет в огне неугасимом».

И не про любовь тут сказ, а про огонь для неверных.

Вдруг ясно вспомнил скрипачку, ее смущенную улыбку, ласковый взгляд, и опять защемило. А я даже не попытался достать ее телефон...

10.2. От Л:

а помнишь, как ты порезался, когда лысину брил и приехал с кровавой лысиной? я когда в записках дошла до эпизода в «Бернард Шоу», где ты «счастлив», а она тебе говорит какая у тебя самая красивая лысина в мире, меня такой смех разобрал, что я даже прослезилась...

Ф молчит, не пишет...

Матвей – Науму

По правде говоря, силы мои на исходе (а вера в то, что возможно хоть какое-то понимание, почти полностью иссякла, и я проговорю некоторые мысли просто по инерции, из уважения к количеству исписанных ранее страниц).

Классический Ритуал, инвариантную формулу которого вывел В. Н. Топоров, нацелен на восстановление пошатнувшегося порядка, он «подражает» теогоническому процессу. Его участнику кажется, что, воспроизводя «первоначальные» действия Демиурга, он «помогает» восстановить порядок мироздания, как-то: помогает солнцу – взойти, весне – наступить в положенное время и т. п. Исходя из нашего сегодняшнего «здорового смысла», он занимается ерундой: мы-то знаем, что солнце взойдет независимо от телодвижений раскрашенных дикарей. Однако у ритуала есть другая сторона, скрытая от сознания его участника. В процессе исполнения ритуала переживаются определенные психологические фазы: отождествление себя с «вредителем», борьба с ним, смерть и воскресение. Иными словами, участник ритуала испытывает катартическое переживание. Но сам-то он об этом не подозревает! Его сознание обращено на «внешние» объекты, а не на структуру внутреннего переживания. Обнаруживается фундаментальное различие между тем, что на самом деле имеет значение для выживания (спасение посредством психологического механизма снятия индивидуации), и тем, как понимается (осознается) смысл происходящего его участником («духовно-материальное» воздействие на внешние по отношению к индивиду силы). Ритуал двойственен (двуедин), причем принципиально: это так и должно быть, что его участник не осознает, что «на самом деле» имеет решающее значение. Никто не скажет: пойду-ка я на сеанс сотериологии, сниму накопившуюся индивидуацию. (Этого не мог сказать дикарь, но также не скажет этого и сегодняшний рафинированный посетитель театра: внутренняя, психологическая сторона архетипа является действенной, пока она остается неосознанной). На исходе фазы соте-

риологического синкретизма двуединый ритуал естественным образом распадается на две составляющих. Та его сторона, которая «отвечает» за «внутреннее переживание», превращается в культурный (т.е. игровой, «рампированный») феномен, который отмечает объекты внешней направленности – и, соответственно, ВЕРУ в них. Участник культурного действия вообще не объясняет себе, чем он занимается, он просто испытывает удовлетворение (когда же пытливый ум все же подыскивает «объяснения» типа «воспитательного», «познавательного», «гедонистического», они только затемняют суть происходящего, вплоть до разрушения самого эстетического феномена). Если бы даже и было найдено «правильное» объяснение (твой покорный слуга считает, например, что «ухватил-таки Бога за яйца»), оно ничего бы не добавило к эстетическому переживанию, а вот убавить могло бы... Как видишь, у этого (культурного) продукта распада бывшего ритуального единства нет ничего общего с ВЕРОЙ! Можно «верить» или не «верить» в ту или иную интерпретацию (теорию) данного феномена, но ведь совершенно ясно, что слово «вера» употребляется здесь метафорически; здесь как раз нет места вере, здесь идет соревнование рациональных аргументов, гипотез, идей, то есть идет нормальный познавательный (чтобы не сказать «научный») процесс, противоположный тому, что в точном смысле слова называют ВЕРОЙ. Такая ВЕРА полностью отошла ко второму продукту распада ритуального синкретического единства – к религии. Религия контрсубъективна: она должна убедить своего адепта, что в ее таинствах важно не внутреннее переживание, а буквальное участие в нем потусторонних (трансцендентных) внешних сил. Религия требует ВЕРЫ в них, и в этом отношении ты совершенно прав, говоря, что «верить приходится в то, чего нет». И адепт веры прекрасно осознает, что он не ваньку валяет, не «оттягивается», а именно спасается (чего не должен сознавать участник культурного действия). Итак, противоположность между религией и культурой, между ВЕРОЙ и «эстетическим удовлетворением» (это слово больше подходит, чем «удовольствие») так велика, как только может быть велика противоположность между взаимоисключающими крайностями, и ты по обыкновению превращаешь все во вселенскую смазку и разрушаешь весь смысл того, что мы, как мне казалось (наивный человек!), достигли, когда называем культурные архетипы предметом ВЕРЫ. Я не говорю уже об «эзотеричности» фразы «вера – это психологический механизм выживания, а не сотериологический». Как будто сотериология может действовать как-то иначе, нежели через тот или иной психологический механизм. Весь вопрос в том, что это за механизм; как я пытался показать, в случае культуры и в случае религии действуют совершенно разные, можно сказать, противоположные, сотериологические (и, соответственно, психологические) механизмы.

Если согласиться, что ритуал по природе «двуедин», т.е. обладает разнонаправленными потенциями, то я не понимаю, что мешает выдвинуть такое предположение: «жреческий» потенциал используется преимущественно для обеспечения «мирного течения жизни», а «магический» – в экстремальных ситуациях. Жрец следит, чтобы утром солнце встало и за зимой пришла весна, а Маг ловит человека на пределе его сил, «в минуту жизни трудную». Если не убеждают «примеры из жизни», так вот тебе образчик объективного этнографического наблюдения. Цитирую Малиновского: «представим себе те обстоятельства, в которых мы встречаем магию. Человек, занимающийся разного рода практической деятельностью, попадает в тупиковую ситуацию... Знания отказали, прошлый опыт и технические навыки не помогают – человек чувствует себя беспомощным... Его организм воспроизводит действия, которые предполагает осуществленная надежда... Они (действия) порождают то, что можно назвать распространением эмоции во вне через выражение ее в слове и действии, которыми человек как бы инсценирует желаемое событие. Однако во всем этом взрыве психической активности главенствующее место занимает образ цели и т.п.» (с. 79–80) Думаю, что поведение дикаря, попавшего «в тупиковую ситуацию», не слишком сильно отличается от соответствующего поведения цивилизованного человека «типа я». Я не знаю ни одной эпохи

в истории, которая обходилась бы без магии, и, естественно, признаю это. Всегда «магически предрасположенные» люди находили повод ждать конца света и практиковали магию – и всегда, тем не менее, находились эсхерические силы, поддерживавшие стабильность; не бывает «только мирного» и «только эсхатологического» времени, любое время амбивалентно, хотя и склоняется, в большей или меньшей степени, «в сторону Жреца» или «в сторону Мага». Одним снится покой, а другим конец света и Конь Блед и Сидящий на нем, и имя ему Смерть. Жизнь, тем не менее, продолжается, но поскольку человечество не вечно, у Мага есть неисчерпаемый (до действительного конца света) ресурс воспроизводства, тут ты прав.

На этом кончаю, дабы успеть пожелать, чтобы задумка оттянуться в Италии по полной культурной программе осуществилась на все сто.

Всегда твой

Матвей

Надеюсь, по возвращении поделюсь впечатлениями.

11.2. Милан встретил морозцем. Во Флоренцию отправились поездом, вагон качало, дремал (в самолете спать не могу), за окном, как в фильмах Ангелопулоса, жемчужная пасмурность полей с силуэтами кипарисов, зачуханные предместья с карими пятнами домов – люблю эти застенчивые краски средиземноморской зимы. Внезапно, как в ад, проваливались в долгие, грохочущие туннели.

Старый дом на улице Кавура, гостиница на втором этаже, лифт маленький, дребезжит, портье – негр. «Мистер Касим (хозяин) будет завтра утром». Комната большая, с балкона вид на внутренний двор, за крышами – купол Собора и Компанила Джотто (жена принялась радостно ахать), но в углу двора что-то ремонтируют, отбойный молоток стучит, пыль, и ванной нет, душ неогороженный...

Когда вышли погулять, уже смеркалось. До соборной площади два шага, Дуомо в сумраке кажется малахитовым – сказочный корабль, зашедший в тесную старую гавань, дух захватывает при виде этой ажурной мраморной громады, и вдруг тревоги уходят, душа как бы разглаживается, вздымается грудь в глубочайшем вздохе, и на лице – улыбка, будто любимая поцеловала.

На обратном пути обратил внимание на дворец напротив гостиницы, массивный, строгий, с нависшей крышей – палаццо Медичи-Риккарди. Зашли, никого, тусклые лампочки, потоптались, нашли захудалую кассу, открыто, пожалуйста, только платите денежки за наши сокровища. Большой внутренний двор, на Востоке тоже так строят, всегда есть внутренний двор, так что каждый палаццо – он же и крепость, поднялись по лестнице и вдруг – маленькая комната, дворцовая молельня, то биш капелла, и вся расписана «Поклонением волхвов» Гоццолли.

Фреска – это, доложу я вам, не картина. У нее нет рамок. Нет вот этой самой рампы. Ты как бы перешагиваешь границу, как в фильме Вуди Аллена «Пурпурная роза Каира», и – вступаешь в сказочное действо...

12.2. В семь утра – звон колоколов. Ласковый, далекий. Завтрак: булочки с маслом и вареньем, и кофе. Мистер Касим чуть ли не бросился обниматься – семита встретил. Сам из Сомали, Абу-Бакр его фамилиё, кончал какой-то университет в Италии, лет под пятьдесят. Понравилось ему, что я знаю, что значит для мусульманина Абу-Бакр¹⁰. Чирикал с женой о жизни, о себе: сколько детей, сколько внуков, кто куда улетел из гнезда. Посоветовал, где стоит местной кухни отведать.

На улице морозно и пасмурно, мокрые мостовые, город еще пуст. Суббота. Пошли к реке. По дороге наткнулись на грубоватую флорентийскую готику Орсанмикеле, зашли в пустой, холодный собор. Рассеянный свет витражей и томная белизна затейливого киота и мраморной

¹⁰ первый из четырех праведных халифов

св. Анны, полустертые, погибшие фрески. Напротив церкви музей. Поднялись вверх, в огромном зале трехметровые фигуры апостолов Донателло, которых из церкви повыковыривали, там они, якобы, портились. Все апостолы из потускневшего белого мрамора: работающий, с широченными ладонями Матфей, хмурый Петр, а Креститель – медный, черный, мерцающий. Такой руку поднимет, огнем из глаз полыхнет – поползешь за ним, целуя рубища и избитые пальцы на ногах. А они длинные, тонкие, аристократические! Даже у Иисуса пальцы на ногах не такие породистые, чересчур, пожалуй, крепкие, чересчур правильных пропорций...

Взгляд фиксирует все впопыхах, спеша разглядеть, жадно шарит, заглатывая ненасытно, захлеб: в мешок памяти накидать, а потом, дома, спокойненько осознать, и щелкаешь, щелкаешь фотиком. А вечером записываешь телеграфным стилем...

На площади Сеньерии уже много туристов, в основном япошки. После коллекции дворца Медичи зашли еще в Уфици – очередь была маленькой – таскались по душным залам, в результате зарябило в глазах от всей этой роскоши: ее тут до жути, до тошноты...

Вечером – Баптистерий, золотые, как в венецианском Сен-Марко, мозаики на необъятном куполе, все – чудо, гимн. Сам Дуомо – шкатулка из слоновой кости воздушной резьбы, в сумраке вечера – зеленый мох и водоросли на дне прозрачного потока... Флоренция гуляет. Народ франтоватый.

13.2. Сен-Марко. Келья Саванаролы. Его портрет Бартоломео. Омерзительно кривой нос, да еще замкнут снизу выдвинутым подбородком. Не профиль, а гильотина. Окно кельи, и без того узкое, заколочено...

Вечером, в безлюдном монастыре св. Магдалины Патти (падшей) – фреска Перуджино «Распятие». Старушка у входа, длинные коридоры, в нишах мертвецы, лестницы, полутемень, Риммка испугалась, схватилась за рукав. И вдруг поднялись в большую комнату, где стена, как окно в голубые дали. Вот уж в самом деле улетно...

14.2. Добрались и до Санта Кармины, до «Изгнания из Рая» Мазаччо, как Николай велел. У Адама и Евы глаза – провалы. Жуткое видение. Каноны побоку, свобода жути. Но и тут скольжу взглядом: отметил «особенность» и – дальше. И вдруг понимаешь, что и жизнь – вот такая же туристская беготня. И мало что зажигает. Вот Муратов в «Образах Италии» (пафосность его раздражает) цитирует Данте: «...записываю я только, что говорит во мне». А что во мне говорит? Когда-то я хотел написать «историю», не то чтоб «историю моей жизни», а историю в кристаллике моего глаза. Но если сердце ни на что не откликается, если я не живу, а скольжу по жизни, как мой взгляд по этим шедеврам, то кому это может быть интересно?

На обед – сырое мясо в кафе «Тоскана». Потом еще пошли на выставку Миро во дворце Строцци. Миро мне даже больше понравился, чем эти шедевры кватроченто. Вечером не забыли о магазинах. Купил черное кашемировое пальто. Жена только головой качала: «Зачем тебе? Где ты это будешь носить в Израиле? Любишь ты выпендриваться». Да я и сам уже чувствую, что не нужно было, и дороговато... В Москву одену.

На выставке Миро жена спросила: «Почему люди ходят, платят бешеные деньги, чтобы смотреть на такое? Что они ищут? О чем все это? Я не могу понять, мне это ни о чем не говорит». И вечером, когда сидели на пл. Республики, за столиком праздничного кафе (чай с пироженым), продолжала допытываться: в чем смысл искусства. Я объяснял, как мог. За соседним столиком сидели двое мужчин. Один из них обернулся и посмотрел на нас. Седой, в светло-сером пальто, огненно-черные глаза. Почему он обернулся, что привлекло его внимание? Я, конечно, произнес много имен... А, может, он понимает по-русски?

Жену раздражает, что каждый хочет ее «лидфок»¹¹. Вот, мол, говоришь с человеком, объясняешь ему что-то, и вдруг чувствуешь, что он тебя не слышит, наплевать ему, что ты там говоришь, на твою личность, ему надо только одно. Радоваться должна, говорю. «Ну, вообще-

¹¹ Трахнуть (ивр., сленг)

то я рада, но противно, когда к тебе относятся только как к куску мяса». Уверил ее, что желание «лидфок» относится и к личности тоже.

15.2. Музей Борджо, Санта Кроче, второй заход в Уфицци, «Герцогиня Де Эстрэ с сестрой», держит сестру за сосок двумя пальчиками, «школа Фонтенбло»...

16.2. Капелла Медичи, Академия, монастырь Апполонии. Ну что вам сказать за Микеланджело? «Дышащий мрамор»?

К сумеркам уже были в Милане. Номер – для потрахаться. Зато в самом центре. Одел я новое пальто и – на Виа Данте. У «Ла Скалы» Риммка захныкала: «Вот бы в Ла Скалу попасть!» Билетов нет, даже дешевых, на галерке. Около дверей толпа, кто-то имена выкрикивает, оказывается, с утра люди записываются и два раза в день отмечают, как когда-то в Москве за польскими джинсами. Вдруг слышу русскую речь: «Андрюша, давай билеты» – барышники! «Ребята, – говорю, – может у вас лишний билетик найдется?» Мужик, который Андрюшу звал, лет под сорок, облезлый, оглядел меня: «Пожалуйста. Десятый ряд партера. Вам два? 400 000 (50 долларов). Каждый». «Я так хорошо выгляжу?» – говорю. «Неплохо». Я покачал головой и облезлый отстал. Давали «Ромео и Джульету». «Хоть бы во внутрь зайти, посмотреть, как там!», – мечтала вслух Риммка. Бросилась к Андрюше: «Объясните мне пожалуйста... может, есть только входные, мне бы только посмотреть!» Андрюше лет двадцать с хвостиком, вид помятый, изможденный. «А вы каким бюджетом располагаете?» «50 тысяч». «Мигом организуем». Через минуту Риммка держала в руках два билета, а я расплачивался. «Я не могу поверить! Я не могу поверить!», – причитала вне себя от счастья. Так весь спектакль и сияла. И от балета, конечно же, без ума: декорации – «ожившая Венеция», «танцуют чудесно», Ромео – «вылитый „Давид“ Микеланджело», и «неужели я в Ла Скала?!» и «все, теперь больше ничего не хочу – домой!» Пятый ярус галерки, но первый ряд, все видно, только далеко, нужен морской бинокль, билеты на эти места 10000 стоят, так что свои 250% Андрюша все-таки срубил, и на здоровье, никто не в обиде. Танцевали спортивно, и вообще – хороший областной театр. В номере – визги оргазма, впервые за путешествие. Искусство – страшная сила.

17.2. Спали плохо – окно номера выходит на оживленный перекресток, внизу бар, до утра пьяные крики. Утром солнце. Музей «Брера». Интеллигенция – косяками. В музей современного искусства Риммка идти отказалась. Все, сыта музеями. А как же музей Поццоли? А «Библиотека Амброзиана»? Зря что ли приехали? Ну хорошо, хорошо, но в собор-то миланский надо зайти? Собор все-таки отработали. Медленно, ноги уже протестуют, прогулялись до Санта Мария де Грезие, там тоже «сумасшедший дом», как вчерашний Андрюша выразился (жена его, благодетеля, забыть не может), очередь по записи. Риммка отступилась от Леонардо, села на площади под деревом, устала, а я вспомнил, как в отрочестве в кино «на протырку» ходили, в родной «Форум» на Сухаревке, в общем, протырился, купил два билета, пошел смотреть «Тайную вечерю», около нее толпа, фреска полуутрачена, краски блеклые, а на противоположной стене гигантской трапезной «Распятие» Донато, даже большее впечатление произвел – и никого... Вышел, отдал второй билет Риммке, и она сбегала. А от небольшой площади перед церковью уходила вверх, в небо, улица, обычная вроде улица, ну красивая, старые дома, деревья еще голые, хотя кое-где уже опушились почками, нет, не в этом дело, свет?, да, странный свет ранних сумерек, голова чуть кружится, остановился я перед ней, как у калитки в страну чудес. И улица позвала меня, улыбнулась мне. И я вдруг испугался. Если бы я вошел в нее, в эту счастливую, блаженную, весеннюю галерею, уже не смог бы вернуться...

18.2. Гуляли по замку Сфорца. Похож на Кремль. Полутемные пустые залы забиты скульптурой, как мусором, прошли какой-то дворик, внизу шумел фонтан, мраморная чаша бассейна заросла мхом... Уже у выхода я заглянул за ширму (а чего это они там отгородили?) и увидел странную, недоделанную пьету из белого мрамора: Христос не держался на руках матери, выскальзывал, опадал. И какая-то странная рука сбоку, чья... А рядом бюст злого тата-

рина: худое, плоское лицо, раскосые глаза. Только не простой это был татарин, ох, не простой, лицо его, необузданное даже неподвижностью камня, било какой-то безумной, исступленной энергией, какой-то воинствующей одухотворенностью. Подошел прочесть мелкую надпись – автопортрет Микеланджело. А странная Пьетта – его последняя, предсмертная работа...

19.2.2000

Дорогой Наум!

Свершилось. 15 февраля «Ханаанские хроники» хлынули в свет.

Выглядят – просто заглядение. Весит примерно 400 гр. (15х18 см). Переплет под новомодной неблестящей матовой пленкой, привезенной из Японии! В типографии это делали впервые, поэтому боялись, но получ. очень хорошо.

Тираж будет готов на днях, пошло завтра по почте экз. для вас.

Поздравляю всю обетованную, наконец-то они узнают о себе что-то новенькое.

У нас интересные вещи происходят. Меня вот обозвали на улице 1 – черножопым, 2 – жидочком, 3 – потребовали, чтобы я в Израиль убирался (это уже в публичной библ.). Но никто мне в обетованной не поверит, что я подвергался три дня гонениям. Жизнь становится воистину интересно, тем более, это мне сообщили милые на первый взгляд полубезумные старухи.

Ваши НК

Дорогой Николай!

Только что прилетел из Италии (5 дней во Флоренции, 3 – в Милане, «Изгнание из Рая» видел, кстати, если есть оцифрованный текст вашего эссе об этой фреске, то перекиньте!), обожрался, пардон, искусством до изнеможения, чуток утресется, напишу поподробнее. Ну и, как вы догадываетесь, бросился к компьютеру: есть письмо! Ну что, обрадовали вы меня, да. Спасибо. И за то, что книжку послали.

И вообще спасибо. Трудно мне представить ощущения издателя, но кажется, что автор и издатель в своем отношении к вышедшей книге находятся в таком родительском симбиозе... Так что и я вас поздравляю. Надеюсь, что в грязь лицом не ударим.

Мою часть тиража отправляйте в Москву. Там уже все организовано. Только укажите откуда забирать. Я вам предлагал оставить у себя, для любых личных нужд, полсотни экземпляров (из мой части). Если есть в этом необходимость, то предложение остается в силе. Ну, а если нет, гоните все в Москву. Деньги вас дожидаются (обворожительная игра слов, особенно для новоявленного жиды, кстати, я не понял, на какой почве старушки на вас взъелись, на почве вашей литературной или издательской деятельности, или все на той же, «на датской»?).

На этом пока закруглюсь. Еще раз поздравляю вас и благодарю. Сердечный привет и поздравления Марианне, а также вашему «подельнику», то бишь компаньону.

Всегда ваши

Наум

От Ф: Как-то мне тяжело без тебя, без твоих писем. Я словно наркоманка осознаю свою зависимость. Стремление к независимости – от силы или от слабости?

Приедешь – напиши!

Целую

Только что прилетел. От впечатлений еще не очухался...

Книга вышла!

Завтра будет суматошный день, накопилось всякого. Может, во вторник увидимся. Как прошла твоя лекция?

Целую

20.2.2000. От Ф: *Как я рада, что ты прилетел, и полон впечатлений, надеюсь, во вторник встретимся, расскажешь. Поздравляю с выходом книги!!!*

Завтра еду в Белинсон¹² на проверку. А лекция будет в пятницу, впрочем, сегодня я ездила в Ашкелон «обкатать».

Целую и очень скучаю

Р один раз сказала «родной» и два раза «любимый». «В постели я тебя точно люблю». Встречу и книгу отметили черной икрой с пивом. Как обычно вернулись на стоянку у вокзала (расставание ей всегда дается с трудом), и я пошел к своей машине. Нет зажигания, мертвый аккумулятор. Забыл, мудильяни, выключить фары. С утра был рассеянный, забывал разное, нервничал... Клянусь последними словами. Пошел к сторожу, посоветоваться, он говорит: да любого таксиста у вокзала поймай, он тебе за двадцатку зарядит. Вышел я со стоянки и смотрю: машина ее у обочины. И она смотрит на меня. Вот уж я обрадовался!

– А ты чего тут делаешь?!

– Тебя жду.

– А как ты догадалась, что у меня аккумулятор сядет?!

– Я просто ждала, хотела еще раз на тебя посмотреть.

– Вот здорово! Неожиданно. Ну, поедем, заведем машину.

– А у тебя есть эти, как их...

– Кабели? Есть. Мы это мигом.

Конечно, быстро завели машину, и такие оба были радостные, так это было здорово, когда тебе человек нужен, и он тут как тут, ну не чудо ли?

– А может, – говорю, – вообще домой не поедем? Пойдем куда-нибудь...

– Нет, надо ехать.

Договорились, что в четверг утром позвонит, может, встретимся.

22.2

Наум, привет!

Я проявил самостоятельность и послал тебе еще книгу «Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. От Тацита до Артемидора» М/Иерусалим: Гешиарим /серия «Библиотека Флавиана»/, 2000. Это второй том из намеченных трех. «Пошёл на риск», исходя из следующих соображений: 1) первый том был тобой в свое время заказан и мною выслан; 2) книга, по идее, должна быть актуальна в связи с твоими занятиями: хороша ложка к обеду; 3) удачно подошла по весу; 4) бойко расходилась, хотя и недешевая. Если подобные инициативы не приветствуются, дай знать. Во всяком случае, если ты подтвердишь «право на умеренную самостоятельность», обещаю им не злоупотреблять.

Две книги: 1) Делёз. Марсель Пруст и знаки, 77 р; 2) Коломбина десятих годов, 26 р – куплены, но не прошли по весу.

Список №26

Андрей Белый. Душа самосознающая. /Книга состоит сплошь из неизданных философских трудов, публикуемых по архивам: «Основы моего мировоззрения», «Путь самосознания», «История становления самосознающей души» (более четырехсот страниц), «Философия

¹² больница

культуры», «Пути культуры» и др./ М.: Канон (серия «История философии в памятниках»), 1999 – 560 с – 94

Николай Олейников. Стихотворения и поэмы. /Включены все известные стихотворные произведения самого остроумного из обэриутов/ СПб.: Академический проект (последняя новинка серии «Библиотека поэта»), 2000 – 272 с. 82

Когда ему выдали сахар и мыло
Он стал домогаться селёдок с крупой.
...Типичная пошлость царила
В его голове небольшой.

Федор Степун. Бывшее и несбывшееся. Изд. второе, дополненное. /Мемуары/ СПб.: Алетейя, 2000 – 651 с – 130

Гегель. Лекции по эстетике. В 2-х тт. /Переиздание прежнего четырехтомника с новым предисловием/ СПб.: Наука, 1999 – 622 с +603 с – 270 р за оба тома.

Ангелус Силезиус. Херувимский странник. Остроумные речения и вириши. /Великий немецкий мистик XVII века. Впервые по-русски/ СПб.: Наука, 1999 – 320 с – 83

Илья Ильф. Записки. Первое полное издание. /Почти вдвое превышает по объёму предыдущие выпуски «Записных книжек»/ М.: Текст, 2000 – 607 с – 100

Эрих Ауэрбах. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской лит-ре. В 2-х томах. /Переиздание прежнего однотомника/ Благовещенский гуманитарный Колледж им. Бодуэна де Куртене, 1999 – 312 с +552 с – 164

Бронислав Малиновский. Научная теория культуры. М.: О.Г.И., 1999 – 206 с.45

Евг. Шварц. Дневники и письма в четырех томах. 1) «Я буду писателем» – 576 с; 2) «Позвонки прошедших дней» – 608 с; 3) «Бессмысленная радость бытия» – 592 с; 4) «Предчувствие счастья» – 656 с. М.: Корона-принт, 1999 – 325 р за все четыре тома.

Кстати, мне интересно было бы получать информацию о получении тобой бандеролей (сколько времени они идут, зависит ли это от почтамта, приходят ли одновременно, если высланы сразу, в каком виде и т.п.). Так что, если нетрудно, посылай мне «подтверждения получения» (как говорят англичане, acknowledge the receipt).

Остаюсь всегда твоей

Матвей

Матвей, привет!

«Право на умеренную самостоятельность» подтверждаю. Бандероли идут около двух недель, но обещаю впредь посылать «подтверждение получения».

«Ханаанские хроники», как утверждает Кононов, «в течении недели будут в Москве, в издательстве БСГ ПРЕСС, это в центре, почти на самой Сухаревской площади».

Что касается твоей антропологии и философии искусства, то я, гуляючи по Италии и заглядывая на ночь в «Архаический ритуал» Топорова, надумал вот что.

Я готов согласиться с тем, что «точкой бифуркации», как ты любишь выражаться, «моментом» рождения современного человека, «человека спасающегося» (опять же по твоему определению), это момент его выделения из рода. Родовой человек – еще животное, а индивидум (осознавший себя таковым) – уже человек. Отделение от рода есть и отделение от мира. Отныне пути человека и мира расходятся, и путь человека определяется все возрастающей индивидуацией. Человек начинает строить свой мир, то, что называют ноосферой, или миром культуры. А это – мир знаков. Образы действительности мелькают и в воображении дикаря, но у человека они как бы отделяются от него и пускаются в свободное плаванье (включая возможность попасть в голову другого человека). Одновременно возникает знаковая система,

с помощью которой обозначаются всякого рода образы, а также и понятия – ведь вместе со знаковой системой возникает и новая сфера деятельности: рефлексивное мышление. Человек начинает «производить» понятия, то есть познавать, и создавать новые образы, непосредственно не связанные с действительностью (возникают «наука» и «искусство»).

Этот момент разрыва с миром действительно исторический, он же, кстати, и начало истории. И этот разрыв проходит «через человека», буквально по словам Гейне: третица мира проходит через сердце поэта. И если «родовая жизнь», как и жизнь природы, циклична, то жизнь ноосферы – линейна, а то и экспоненциальна: это процесс постоянного и все убыстряющегося накопления информации и продуктов творчества. Тут подойдет образ дерева: корнями он (человек) уходит в природу, а ствол и крона – в небеса: полу-животное – полубог, не случайно в языческой мифологии так много странных животных, обитающих в двух стихиях: летающие змеи, лошади, те же кентавры.

И, наконец, ритуал. У Топорова он начало и основа всей человеческой культуры (в широком смысле): «начало искусства, науке, философии как институализированному умозрению», и даже начало языка («знаковых протосистем»). Топоров выделяет те же психологические эффекты, возникающие в ритуальном действе («взрыв положительных эмоций – радость, восторг, чувство особой полноты переживания мира, свободы и другие признаки праздника»), и «двойкий аспект, возникновение которого связано с индивидуацией». Но он видит эту двойкость не в двух стратегиях спасения (Жрец и Маг), а в двух планах бытия: «человек – мир». И соответственно религия у него – продолжение ритуала («только в ритуале достигается переживание целостности бытия и целостности знания о нем, понимаемое как благо и отсылающее к идее божественного как носителя этого блага»). И он не видит в ритуале механизма Спасения. Для него ритуал – подражание миротворению, некое повторение, инсценировка миростроительства. По его схеме происходит постоянная амортизация, стирание, ослабление жизненной энергии (можно назвать это энтропией), и ритуал необходим для «восстановления сил». Конечно, в этом есть и функция спасения мира, но она не единственная, да и акценты расставлены иначе: ритуал не лечит разрыв между человеком и миром, а восстанавливает убывающие силы жизни. Похоже, но не одно и то же. И в этом плане твоя идея ритуала как спасения от муки разрыва и возникающей «невыносимой легкости бытия», и схема двух стратегий (Жреца и Мага) – все это кажется мне более точной схемой. И что именно из такого рода двойственности ритуала возникает дальнейшее разделение на религию и культуру. Я представляю себе все это таким образом: ритуал есть начало и фундамент строительства ноосферы. А в ней очевидны две линии осмысления мира, представления о нем, условно говоря, материалистическая и идеалистическая. И дело не в правоте того или иного подхода, просто один как бы тяготеет к земле, к истории и реальности, а другой – к будущему, к тому, что строится, причем никто не знает что именно строится. В этом плане борьба материализма с идеализмом не имеет никакого смысла, обе составляющие будут вечно присутствовать в представлениях человека о мире. Если соотнести это с твоими понятиями Жреца и Мага, то можно сказать, что Жрец – материалист, а Маг – идеалист. Только я бы не стал называть результат жреческой стратегии спасения «культурой», это слово уже оккупировано, может, назвать «искусством»? Тогда уместней будет употребление таких понятий, как «катарсис», «эстетическое переживание» и т. д. Только я бы не стал из твоей философии искусства, ориентированной на Спасение, выбрасывать, как ты это делаешь, «красоту», как нечто непонятное и не имеющее к спасению отношения. Может, это штука и непонятная... хотя, вот на ходу могу предложить определение: красиво то, что делает представляемое доходчивым. Красота – степень доходчивости. Она достигается особым, интуитивным пониманием того, как сделать тот или иной образ доходчивым.

Об Италии – опять откладываю, оно, конечно, и времени нет, но и сумбур какой-то в голове. «Типичная пошлость царил в его голове небольшой». Кстати Кононов «перекинул

мне свою статью (эссе?) о фреске Мазачо «Изгнание из Рая», если хочешь, я тебе ее «перегоню» (три страницы), но она мне активно не понравилась, даже как-то не ожидал от него. Вообще у меня сложился, из нашей с ним переписки, образ человека весьма и весьма незаурядного, а тут – абракадабра какая-то.

Всегда твой

Наум

От Л: *А ты книгу уже видел? Я купила тебе Кассия, томик где о Тиберии, когда получишь, сообщи, где-то через пару дней, по моим подсчетам, должны прийти. А мы во Флоренции были неделю в гостинице Джоконда, где хозяин говорил по-русски, был в плену, как в «Подсолнухах», а в Альпах цвели эдельвейсы, тоже где-то в феврале.... Беллини помню хорошо, он в «Фонде Вернса» даже есть...*

Во Флоренции, как на сцене?!

Огромное спасибо за Кассия. А Агнон для тебя еще не пришел. Книгу еще не видел. Италию еще не осознал.

На кухне жена с тещей:

... – Все! И чтобы этого больше не было! Я работала всю жизнь, а он и... не нервирую меня!... я к тебе пришла... к тебе не за этим... а почему я за него должна платить, он мне чужой человек, он вам отец, а мне он чужой человек! Он... нахал! Он лезет мне на голову! Он квартирант! Я его ненавижу! И нечего не... потому.... я его в глаза не хочу видеть.... у него остается еще 500 шкалим я его не намерена содержать... значит семьдесят у него, а семьдесят он мне еще остался должен... ты мне не предлагай, если бы я была здорова, я бы побежала на работу только чтобы его не видеть!... Я имею право на себя а он ни на что не имеет право! ... в первый раз я заплатила... ты из меня не делай... всю жизнь я... сто восемьдесят.... он мне никто, никто!... он задором у меня живет нет ты не должна... он идет и покупает... ты посмотри что он покупает... вонючее, он уже разжирел... я не хочу, он мне отвратителен!... я с ним разведена... и тащить с этими тарелочками... он мне противен... он мне никто... я его не терпела... я ему ничем не обязана... я уже давно от него удираю... а он как он был всю жизнь на моем иждивении... мне надоело... я не уважаю... и он мне всю жизнь... вранье... когда его нет, мне легко... я ни у кого никогда не брала копейку... я одевала его... я не буду его содержать... так может вести себя только женщина неуважающая себя... вы заставили меня... вот все... я думаю о моей свободе... я болею... я ему ничем не обязана... я простить ему не могу... я не могу кастрюлю поднять из-за него, он не пропустил меня... нет не дело случая, он никогда меня не пропускал... я правду говорю... я люблю правду в глаза... мне страшно только его видеть... столько сколько я страдаю, я не знаю какая еще женщина страдала как черт знает что... он эгоист такой... я справедлива... а брат твой еще хуже... (плач) почему он вписал его за моей спиной в эту квартиру... почему... он же орет что он половина квартиры... я к чертовой матери... я не имею права для своей жизни... я тебе еще раз сказала... потому что он обманывает... ему не хватает потому что он шахматистов своих содержит... я никто ему, никто!!... ни помощи ни доброго слова... он глухонемой, он со стороны, его ничего не интересует, умирай не умирай... а то что он сделал мне с рукой?!... он вор, он вор, он нечестный человек... для меня он подонок... я никогда никого не обманула и никому не дала пощады... заплатить за телефоны... что он плачет, он всегда и везде плачет...

– Ладно, мама, давай посмотрим фотографии...

... – я не хочу с ним жить, для меня пытка... я за ним не гонялась... я не знаю... я больше так жить не могу... повесили на меня мертвый камень, мертвый груз на моей шее, 50 лет я была слишком доброй, я хотела его переделать (плач), я ни в чем не нуждаюсь, я нуждаюсь

только в сочувствии... если я сказала нет, значит нет! я знаю что я говорю! К чертовой матери заберите его от меня!... он мне признается: я тебя люблю, так любят? уходит черт знает куда... он уходит – я счастлива, как только он приходит... из головы его вон вышвырнуть... я его выгоню в форточку... половина его! как это его половина?! когда я купила (навзрыд) ... ты помогла Игорю

– Мама, ну давай смотреть фотографии...

... – не надо меня сравнивать с такой дрянью как он... он от меня не заслужил вот так... минимума внимания... он нахал и тиран... нет, она всегда врала... ну, так я не хочу чтоб он открывал свой вонючий холодильник... вы же мне не дали я сама могла... вы же мне не дали, вы меня приковали к нему... я не хочу его знать, он мне совершенно чужой человек, который не стоит моего мизинца, ногтя моего не стоит...

– Вот видишь, это собор во Флоренции, а это...

От Л: прочитала похуяровско-питерское эссе. Как ты выражаешься, рыгает цитатами. Показалось немного «вымученным». «Но история искусств показала нам, что из мистифизма рождается только шизоидные Блаватские чертежи. А нам любезна простая право-полушарная идиотия»???

Сейчас позвонил муж, заказал в Мадриде гостиницу, переделанную из Bordello 17 века. В комнате ванна на ножках в центре и зеркала на потолке...

В день рождения буду в Барселоне... а ты небось забыл когда?
а как здоровье твоего малого треугольника?

От Ф: К сожалению я вспомнила, что у нас в четверг до 4-х собрание. Так что остается вторник. Если ты можешь, я постараюсь перенести психолога на 12. Ты давно мне не присылал никаких отрывков...

Целую

Матвей – Науму

Эрих Ауэрбах был евреем, который смылся из Германии от Гитлера и был занесен куда-то аж в Александрию (если я ничего не путаю: к сожалению, я «утратил» первое издание книги, о чем не перестаю горевать). Поскольку Ауэрбах был отрезан от научной жизни и даже от библиотек, он просто взял несколько «великих» текстов – от Гомера до Джойса – и проанализировал их на материале отдельных фрагментов. Он проявил чудеса герменевтической изобретательности, «восходя» от скрупулезного стилистического анализа к крупным обобщениям – словом, не растерялся и сделал из нужды (отсутствия «аппарата») добродетель. Это, без дураков, классика литературоведения XX века. Перевел книгу А. В. Михайлов, безусловно лучший наш (ныне уже покойный) германист, глубоко философски образованный (ему принадлежат лучшие переводы из Хайдеггера и Гуссерля, на что способен, согласись, не каждый «литвед»). Так что это еще и классика перевода. Единственный недостаток нынешнего двухтомного издания тот, что, в отличие от прежнего добротного «кирпича» в ледерине, эти тома в мягкой обложке. Но первое издание стало библиографической редкостью, я себе бы купил, если смог; и непонятно, сколько оно могло бы стоить. Книги, действительно, становятся все дороже, но и доллар потихоньку растет, так что для «иностранца» это, по-моему, пока не смертельно.

Предлагаю еще роман Г. Джеймса «Послы» («The Ambassadors») относится к позднему периоду творчества, когда Джеймс был одержим идеей «точки зрения». Джеймс был американцем, но презирал родину за «вульгарность», жил в Европе (дружил в молодости с Тургеневым и Флобером), окончательно осел в Англии. Он придумал такую теорию (кстати, он был родным братом американского философа Вильяма Джеймса, придумавшего «прагматизм»

и «поток сознания»), что автор не должен вести повествование «с точки зрения всеведущего Бога», а должен вести себя скромнее, т.е. каждый раз «переселяться» в того или иного персонажа, не выходя за пределы его «точки зрения». В «Послах» этот принцип выдержан с редкой чистотой. Идеи Джеймса и его поздняя проза оказали колоссальное влияние на теорию литературы (в особенности на американскую «новую критику», но не только) и на многих «элитных» писателей (его называют «писателем для писателей») – от Конрада до Джойса. Даже фокусы типа «Расемона» из далекой Японии в каком-то смысле навеяны если не самим Джеймсом, то «модой на Джеймса». Ранее в тех же «Лит. памятниках» был издан другой роман Джеймса – «Женский портрет». Если заинтересуешься, его можно достать. Если надумаешь с этими (или какими-нибудь еще) книжками, сообщи сразу: вдруг придется выезжать в центр, так уж заодно...

Всегда твой

Матвей

Позвонил Ф. До двух занята. Будет на Алленби.

– Давай встретимся в книжном?

– В том самом, где мы познакомились?

– Да, пойдем, погуляем куда-нибудь в «Йеменский виноградник...»

– Хорошо.

Одета как всегда строго: серый костюм, походка скованная. Красивая, но глаза какие-то птичьи. Смотрит как бы с любовью, но за двойной кружок-ободок зеленоватого, зернистого глаза, как через двойные стены замка, не перебраться. В Сезан Делаль зашли в новый ресторан, неплохо, и мясо было недурственно, надо с Р. сюда сходить. Выдули бутылку красного. Выдул я в основном, она и стакан не допила. «Ой, я пьяная...» Рассказывал о Флоренции.

23.2. Наум, привет!

...Текст Кононова я прочел, спасибо. Должен сказать, мое впечатление совпало с твоим: эссе мне активно не понравилось. Может быть, я ханжа, но гея и христианина в одном флаконе мне перенести еще труднее, чем по отдельности: больно уж забористый получается букет. Что же касается интеллектуального потенциала Кононова как «теоретика искусства» (а он явно не лишен амбиций на сей счет), то, по моему крайнему разумению, он равен нулю. Единственное, что я извлек для себя из присланного текста, так это представление о принятом в их тусовке способе изъясняться – кокетливым, жеманном и интеллектуально безответственном («я разрыдался там в увядающем розарии», – это, брат, как-то уж совсем... того...). Я с ними, как выражается наш мэр Лужков, на одном гектаре не сяду теоретизировать. Хотя поэт он местами занятный.

Остаюсь всегда твой

Матвей

24.2.2000. Ночью накрапывал дождик и корт был мокрый, но потом распогодилось. Давно уже я не выигрывал у адвоката два сета. Ровно в 7.30 Р. позвонила.

Сегодня, – говорю, – не получится.

– Нуу, – захныкала.

От Л:

Я улетаю 27. 2. Оргию, говоришь?... Потом отпишу, пока не знаю, но придется, а как же еще отмечать 50-летие?! Тем более, что ты до сих пор не помнишь когда... И перевел наши функциональные отношения в статус дружбы. Но чувствую, уже хочешь обратно. Хочешь ведь? Почитай из «Квартета» в Бальтасаре стр. 109...

Никаких дружб, родная, никаких дружб. И никаких «обратно». Все то же, всегда было все то же, просто спады и подъемы, подъемы и спады, нам не привыкать.

До «Квартета» руки все не доходят.

От Ф:

Я сообразила, что можно встретиться в четверг утром, в 8 с половиной.

А пока шлю на твой строгий суд лекцию, там куча материала, моего и чужого, судя по настроению своему и публики буду по ходу дела выбирать. Это – не литературный текст, а «опорные пункты». Дочь моя прочитала часть, а дальше, говорит, скучно. И забавно, что скучно ей стало, где закончился мой текст, и началось списывание. Впрочем, когда я говорю, все равно пропускаю через сердце, поэтому меня это не тревожит. Почитай, может, успею что изменить, если что-то совсем не так. Кстати, в Ашкелоне двое человек рассказывали о своем прохождении клинической смерти после моего рассказа.

Целую

Несколько цитат из конспекта: Болезнь и смерть становятся «табу», чем-то неприличным, поражением, неудачей

Нам кажется естественным, что цветок вянет, лето заканчивается, но смерть не кажется естественной, воспринимается как насилие и несправедливость.

Смерть отнимает у нас иллюзию, что человек – повелитель жизни, природы.

Страх неизвестности: есть ли продолжение, а если нет – то в чем смысл нашего существования?

Чтобы отобрать у смерти ее самое большое преимущество перед нами, давайте отнять у смерти ее чужеродность, давайте знакомиться с ней. Нам неведомо, где ожидает нас смерть, поэтому давайте ожидать ее повсюду.

«Овладеть смертью – значит овладеть свободой. Тот, кто научился умирать, научился быть рабом». Монтень

«Страх смерти может стать мудрым советчиком, напоминая, что действительно важно в нашей жизни». Кастанеда

Если жизнь – это Сознание, то мертвым можно быть и при жизни, превратив жизнь в бессознательно выполняемый набор привычек.

Все, что у нас действительно есть в жизни – это Время. Секунда за секундой исчезает отведенное нам время Жизни. Мы размышляем, как вложить деньги, но мы так редко задумываемся, как распорядиться единственно истинным богатством, которое у нас есть – Временем

Для меня Время стало не абстракцией, не понятием из физики, а синонимом Жизни в тот день, когда я узнала о своем диагнозе. Я помню, как возвращаясь из Иерусалима, смотрела на дорогу и думала, что начался отсчет мгновений до конца и всматривалась, всматривалась, думая, что может, это последний раз я смотрю на поросшие соснами горы. Время стало истекать из меня, как кровь.

Я осознала неизбежную конечность существования и это наполнило невыносимой ценностью каждый миг с одной стороны, с другой стороны я поняла, что количество обманчиво, иллюзорно. По сравнению с вечностью что такое год, сто лет... Я осознала, что важно не количество секунд, отведенных мне для жизни, а та глубина океана Вселенной, в которую я с помощью этой секунды, как в батискафе, опускаюсь.

Я поняла, что мне уже не надо учить английский язык... Я рассматривала полки с книгами, понимая, что не успею их прочесть.

А что действительно важно сделать в то короткое время, что у меня осталось?

Я училась со смирением принимать, что не смогу сделать в жизни все, что хочу, свою ограниченность, ограниченность времени, способностей, возможностей, и поняла, что Мудрость – умение выделять главное в жизни и следовать ему.

<...> Я осознала, что тело – сосуд, а Я – нечто другое, независящее от сосуда.

В тот момент своей жизни я чувствовала себя в начале пути, после отчаянной борьбы мне казалось, что я начинаю обретать цельность, смысл...

<...> Самое страшное – это ощущение бессмысленности, случайности, значит, несправедливости нашей жизни.

Философия – поиск законов, значит, смысла. Несмотря на боль, день ото дня, я училась искать смысл в том, что со мной случилось.

.....

Надоело переписывать. И какую же «философию спасения» предлагает ихнее тайное общество?

Вселенная – единая живая сущность... Древние полагали, что все проявленное существует благодаря великому Макробиосу, огромной живой сущности. Индусы называют его Брахма и представляют, что он то засыпает, то просыпается, то вновь засыпает. Подобная легенда о Короле Мира существует и на Западе. Поэтому древние философы полагали, что Вселенная не является порождением случайности, она подобна огромному живому Существо... Галактики, звезды, планеты – жизненные части этого великого Существа, который подобно человеку тоже где-то начал свой путь, так же развивается и куда-то идет.

<...> «Природа жизни едина и источником ее может быть только одно вечное Единство. Это организм, в котором все природные вещи пребывают в симпатии. Все есть плод единого мирового созидательного усилия».

<...> Жизнь – это универсальный вездесущий принцип, и нет ничего, в чем бы не было жизни. В некоторых формах жизнь действует медленно, как например в камнях, в органических веществах она действует быстро. Человек – часть Единой жизни

<...> Человек – стакан воды, зачерпнутой в океане Вселенной. И если мы начинаем ощущать себя частью этого огромного мира, то понимаем, что цветы распускаются и опадают, чередуются дни и ночи, люди рождаются и умирают, а великий Поток жизни продолжает свое движение. Это осознание дает огромную силу и уверенность. Мы учимся осознавать свое единство с этим Потокom...

<...> Нельзя развиваться, не изменяясь. Чтобы перейти из одного места в другое, мы должны оставить место, где мы находились. Принимая некоторые идеи, мы оставляем старые, мы меняемся. И смерть – это изменение.

<...> жизнь и смерть – аспекты единой жизни...

как смерть, так и рождение являются лишь проходом из одного цикла существования в другой. Смерти не существует. Это выдумка тех, кто хочет напугать нас. Ничто не умирает, все трансформируется, все меняется.

Утешения немудреной философией. И таким макаром эти антропософы зарабатывают на хлеб. И не только. У них отделения и школы по всему миру, даже в Израиле...

Для Ф:

А «двое из Ашкелона» пережили это состояние вследствие твоего рассказа?

От Ф:

Я по-твоему в состоянии довести человека до клинической смерти своими рассказами?

Для Ф:

Шучу. А вообще, есть впечатляющие кусочки, особенно там, где описываются собственные ощущения и переживания.

Штука вся в том (так мне кааца), что никакой цели или смысла жизнь не имеет.

А магические повторы типа «жизнь и смерть две стороны одного и того же...» мне кажутся бессмысленными, хотя, возможно, и целебными. Ну, допустим, Вселенная – Единый Организм, что из этого следует? К чему обязывает такая «картина мира»? Ну, есть Бог, что из этого следует? Кодекс воина Кастанеды? Надо с достоинством встречать испытания? Лучшие, конечно, чем визжать в истерике и пугать соседей. Но во что конкретно предлагается верить? В то, что «вольемся в океан»? Станем «всем»? И это «знание» помогает жить? Не знаю.

Наум, привет

Если тебе действительно все равно, какими порциями получать свою книгу и расходы на транспорт не пугают (может, ты их слабо себе представляешь? впрочем, я тоже...), то я, пожалуй, прошивырнусь в ближайшее время по книжным и pošлю тебе бандерольку – хотя бы потому, что потом не всегда найдешь то, что нужно, и выйдет, что зря возился со списком...

Насчет Кононова. Сразу после того, как я послал письмо, мне, по правде говоря, стало немного стыдно за свой «гетеро-шовинизм». Вообще-то я не испытываю никаких негативных чувств по отношению ко всяким таким вещам, гадам буду. Просто я неточно выразился. Мне в высшей степени безразлично, какой Кононов «по жизни». Я имел в виду «гейский» характер его текста, причем не столько концептуально (у меня и против этого никаких возражений нет: иначе пришлось бы «отвергнуть» почти всех французов – от Барта до Фуко), сколько по части стилистики. А тут уж, батюшка, воля ваша, как ещё прикажешь понимать такие, например, пассажи: «/Адам и Ева/ расходятся в разные стороны, чтобы «стоять порознь»; разнонаправленные векторы их движений действуют на зрителя обескураживающе, как эдипальная травма, которую нельзя излечить; Божий гнев постиг их /за коитус/; они словно подвергнуты двойному отрицанию по закону банальной логики де Моргана, и стали сами собой – страдающими, одинокими, неслиянными. Правда, и в раю Адам и Ева обитали отдельно – он среди животных-самцов, она – среди самок.» Там ещё сюжет про женоненавистничество Вл. Соловьева, известного гея. И т. д. и т. п. Насчет переписки Кононова с Золотоносовым. Хотя я и не лишен любопытства (исключительно теоретического, с «жизнейским» у меня напряженка), все же лучшие ты мне ее не посылай. Дело в том, что у меня Internet работает крайне плохо, постоянно самопроизвольно отключается (хотя, конечно, дареному коню в зубы не смотрят), и, бывает, приходится изрядно попотеть, пока получишь письмо большого объема. Разумеется, к «формату» нашей переписки это не относится.

*Напоминаю, что за тобой «Итальянские впечатления». Остаюсь всегда твой
Матвей*

Матвею

Я как раз считаю, что Кононов очень верно подметил «разнонаправленные векторы движений» Адама и Евы, я, например, не обратил на это внимания, а это глубокая мысль. Возможно, ему легче было обратить на это внимание в связи с общей нетрадиционной направленностью (все об этом трещат, а у него между тем есть жена и сын), но тут есть и идея раздвоения первоначального андрогинного начала, которое так любили русские декаденты. Кстати, уже потом почитав про Мазаччо, я подумал, что он ведь, пожалуй, был тоже неоднозначной ориентации, в этом смысле не совсем понятны его отношения с Мазолино... И насчет Вл. Соловьева не все так просто: дружил он в основном с женщинами (его ближайшие эпистолярные конфиденты), и даже был влюблен, мне, кстати, когда-то читали его похабные стихи с матом...

25.2. От Л:

«для Иисуса Христа было большим счастьем, что он был Богом. Как человеку ему не хватало характера»... Барбе Де Орвилли (это я у Волошина вычитала). А у тебя есть Пятигорского «Вспомнишь странного человека»? Хотелось бы почитать. Чего делаю? Похоже ты меня тоже толкаешь на подвиг... Напишу, когда прояснится... Как обстоят дела с подопечным? Как твой локоть, уже выигрываешь в теннис?

Да! Это началось еще перед поездкой, а теперь я вообще «несу» всех подряд. И рука меньше болит, и спина, и мышцы на ноге не сводит!

Жду «испанских впечатлений». Ну и поздравляю с днем рождения. Обнимаю и целую.

А подвиги, конечно, зависят от настроения, но большие от обстоятельств, вдруг что-то иногда подворачивается...

Эту книгу Пятигорского не читал, хотя она у меня есть. Могу послать, потом привезешь.

27.2. Эх, гостиница моя, ты гостиница...

... – Ты будешь смеяться, мне такое приснилось... Про книгу. Ага. Что я, наконец, держу ее в руках, и она так здорово сделана, во-первых, суперобложка, и на ней не твои эти глиняные горшки, а много таких веселых, счастливых лиц, и бумага такая... шикарная, я подумала надо же, такая дорогая бумага, знаешь, как у старинных книг, в общем, так здорово! Да, и внутри картинки, фотографии, а потом я наткнулась на те твои фотопортреты, которые мне ужасно не понравились, и я подумала, ну вот, все-таки вставил, и в ужасе проснулась, ха-ха-ха!

... – Любимая...

– Хоть и врешь, но повтори еще раз.

– Родная...

– Нет, ты мой родной...

– И мне очень хочется сделать что-то значительное, чтоб ты мною гордилась...

– Да? Странно, у меня нет такого чувства. Это, наверное, чисто мужское... А я хотела бы быть для тебя на десять лет моложе.

28.2. От Ф:

Во вторник еду встречать мужа, так что встретиться не удастся...

Вот и славно. Может так, плавненько, и тут перейдем в друзья. Тем более, что наметились философские разногласия.

29.2.2000. Наум, пересылаю тебе статью Урицкого

Прочитал в «Солнечном сплетении» рецензию Сошкина на тебя. Если тебя она задела, не торопись огорчаться. Впечатление она производит странное – похоже на продолжение каких-то неведомых мне внутри-литературных разборок, особенно в сочетании с рецензией на Гольдиштейна. Сошкина, как впрочем, и Гольдиштейна, напиравшего на то, что это современные хроники, зацепил только внешний слой, сиюминутная разогретость материала. У меня, как у читателя, фора – я далеко и потому многого не знаю и мне без разницы, кто и что. Мне интересны сами интенции и их художественное воплощение. Я думаю, что так как я, текст читают большинство читателей.

А в Данию, к сожалению, еду не гулять, а работать, что меня огорчает. Предпочел бы просто пошляться по стране.

Сергей.

ПОПЫТКА ПОЛЕМИКИ

Может ли критик узурпировать право на окончательный диагноз?

Андрей Урицкий

...Но что уж говорить об отдельных писателях! Немзер игнорирует явления целиком. Цитирую: «Серьезный русский писатель 90-х <...> ориентирован на саморефлексию». Так и есть, и ярче всего «ориентация на саморефлексию» выразилась в текстах мемуарного, автобиографического, дневникового характера. 90-е годы отмечены появлением значительных сочинений такого рода – «Трепанация черепа» Сергея Гандлевского, «Альбом для марок» Андрея Сергеева, «Бесконечный тупик» Дмитрия Галковского, «Щель обетованья» Наума Ваймана (стремительная и злая, предельно откровенная проза русского израильянина, доступная пока лишь пользователям Интернета). В новомировской же статье Немзера речь идет только о беллетризированных воспоминаниях Анатолия Наймана, по силе и выразительности заметно уступающих вышеперечисленному.

Дорогой Сережа!

Спасибо, что перекинул статью, тем более что она меня порадовала – уж очень лестно высказался Урицкий. Меня радует именно тот факт, что текст читается с интересом без всякого вовлечения в «кто есть кто», я именно на это и надеялся, и именно поэтому решился на «раскрытие псевдонимов».

Всегда твой

Наум

Наум, привет!

С удовольствием прочел порцию твоих итальянских впечатлений и, ловя тебя на слове, настаиваю на продолжении.

К сожалению, я никак не смогу поддержать разговор о живописи (если фрески – это «живопись») «на равных» из-за скудости своих эстетических впечатлений, хотя и являюсь здесь, в России, усердным посетителем выставок и музеев. Тем не менее, моя любовь к живописи (равно как и к музыке, в отличие от философии) представляется мне хотя и искренней, но отчасти безответной... Поэтому мне остается, может быть, только сосредоточиться на затронутых тобой общеэстетических вопросах (полностью отдавая себе отчет,

что смогу сделать это в исключительно абстрактной и «суммарной» форме, но ведь и она имеет определенный смысл, не так ли?)

Мне показалось особенно интересным сопоставление Ренессанса со «Сталинским стилем» и вопрос о «заказе». Я вспомнил, что у меня появлялись сходные ощущения, но в другом контексте – в плане сопоставления Ренессанса с Серебряным веком. Особенно поразила меня Врубель (была юбилейная выставка в Третьяковке). Я-то привык считать его «навскидку» одиноким гением, безумным жрецом-отшельником, а тут выяснилось, что он почти не писал «бескорыстных картин»; приступая к работе, Врубель имел перед «духовным взором» либо церковный ансамбль, либо особняк какого-нибудь «олигарха»-мецената, либо интерьер гостиной; он не брезговал даже (а, вроде бы, наоборот, очень это любил) изготовлением рисунков к разного рода приглашениям, билетам, поздравительным адресам и т. п. Сходные черты наблюдаются и в творчестве других представителей «русского модерна»: Борисова-Мусатова, Добужинского, Нестерова, Головина, Бенуа, Лансере. Они буквально «набросились» на театральные декорации, книжные иллюстрации, мебель, прикладную скульптуру, игрушку. (Как я выяснил – к своему стыду, совсем недавно – об этом великолепно писала Зинаида Гиппиус в статьях под псевдонимом Антон Крайний). В западном «модерне» то же самое. Однако сравнение с Ренессансом наводит на мысль, что если сходство и есть, то очень условное, поверхностное. Ты, я думаю, совершенно прав, возражая против тривиальных трактовок Ренессанса («профанация сакрального»). Но и «сакрализацией профанного» я бы это искусство не назвал, тем более – «возвышением бытового реализма до уровня религиозных мифов». Этим как раз занимался Караваджо, но ведь ты сам записал его (думаю, правильно) в аутсайдеры и диссиденты. Я полагаю, что ренессансные мастера находились где-то посередине между двумя этими крайностями. На самом деле титаны (и нетитаны) Возрождения имели установку именно на катартику (и, следовательно, на «жречество»), но в Италии (в отличие, скажем, от Англии, где катартическое поле структурировалось вокруг театральной сцены) это самое поле структурировалось в архитектонике интерьера базилики. Эти люди просто не мыслили категорией «картины» или «произведения искусства» – скорее категорией общего аффекта от внутренней архитектоники храма; но это не значит, что они целиком «магичны» или «некатартичны»; просто катарсис вызывается не единством отдельного произведения, а единством совокупного впечатления. Конечно, это еще не «чистое искусство» (гораздо менее «чистое», чем трагедия Шекспира или даже античная трагедия). Живопись стала «чистым художеством» (обрела чистоту Рампы) лишь с того момента, когда стала ориентироваться на абсолютно абстрактную архитектонику музея (в этом отношении Хуан Миро – довольно «типичный представитель» такой ориентации). А вот Серебряный век ориентировался на множество «частных архитектоник», он «внедрялся», «вносил искусство в жизнь», именно, как ты выразился, «сакрализовал профанное» и был нацелен на то, чтобы «всю жизнь сделать красотой». Это магия, которая перерастает в супер-магию в прожектёрстве таких деятелей, как Вяч. Иванов или Скрябин, которые, как написал (по другому, правда, поводу) Борис Парамонов, «впоследствии оказались опасными чудаками». Никаких сходных тенденций я в классическом Ренессансе не вижу.

Вообще я полагаю, что дело вовсе не в «тоталитаризме», «заказе» или поточном методе «художественных школ». Всё это – следствия, а причина – в установке на ту или иную ипостась «родового единства». Если есть ориентация на родовое единство, получается художественная школа большого стиля «ренессансного» типа, если нет – «барочного» (если пользоваться терминологией Вёльфлина). Для Ренессанса такой родовой ипостасью был «человек как таковой по своей природе», для «русского ренессанса» – классовый человек (как это ни прискорбно).

Всегда твой

Матвей

Наум, дорогой, привет!

Книги завтра отправляются в Москву, я вам сообщил все координаты, ваш человек-таки может их трогать с четверга-пятницы. Хорошо?

Мы рассылает 30 экз. критикам-ебителям. Ваши 470. Рассылка – из нашей части тиража.

За деньгами мотается Саша, я не рискую. Так что дайте знать.

У меня вышел вслед за Вами роман «Похороны кузнечика». Пошлю на днях. Книжки, думаю, вы вот-вот получите, так как почта авиа.

У меня радикулит, хожу, думая о земле.

Всем привет, Ваш НК

Какие-то необычные ощущения: как будто одни ворота проходишь, а там, в конце коридора, вторые, они узкие, не пролезает, толкаешься, толкаешь, хоть полголовки просунуть, и чувствуешь, за ними – пустота, ничто, провал, и так хочется высунуться в этот провал, и толкаешься, царапают узкие ворота, и, наконец, проливаешь туда, в черную бездну, за вторые ворота...

– Как хорошо ты мне там натер...

2.3. Ну вот, пришла книжка. Шрифт мелкий, бледный. Ужасно. Обложка так... Картинка красивая, но... В общем, чего-то грустно...

Матвею:

Только что получил книгу. Проверил, все вроде в порядке. Так что я даю им твой телефон, жди звонка. В обмен на турики ты должен получить справку-расписку, где будет указано, что сумма уплачена за покупку 500 экз., а также право изъять со склада 470 книг.

Должен сказать, что вскрыл почтовую обертку с волнением. И был немного разочарован. Обложка показалась не такой уж «великолепной», как воображалось. А главное: очень мелкий и бледный шрифт. Вот. Буду рад, если беспристрастно выскажешь свое мнение, когда сам увидишь.

Ну что ж, книжка пришла, мемуары можно сворачивать. Может от этого грустно? «Исторический» роман заглох. Л в Испании, и вообще, между нами все порвало и ногами растоптано. В Сетевом «ящике» пусто, и «Философ» молчит. Только Р, дорогая моя шалава, осталась. Да верная жена. У нас очередной виток медового месяца...

Матвей, привет!

Книжка пришла, она довольно маленькая. Я так понимаю, что легче всего отправить уже готовые пачки по десять книг.

Сильно огорчен плохим шрифтом. Неужели, гад, пожалел бумагу? Ладно, бог с ним.

Всегда твой

Наум

4.3. От Ф:

Здравствуй, дорогой.

На работе теперь не попишешь, а дома бываю редко.

Была на уроке рисования у очень интересной женщины, один «недостаток» – она занимается Каббалой, тусуется с равом Лайтманом, а я из другой «школы».

Она учит не столько технике, а «видению». И одновременно с рисунками в домашнее задание входит написание стихов.

Я не знаю, где я возьму на все время... На работе тоже навешивают проект за проектом... Ладно, главное – ввязаться в бой, а там видно будет.

А лекция была не очень удачной. Слишком много мне хотелось в нее впихнуть.

Почему тебе не пишется?

И ты обещал философскую переписку прислать...

Целую

Твое письмо меня обрадовало: давно не получал весточек. Спросишь: а сам-то чего молчишь? Не знаю... Чего-то «кислый» период. Простудился, как всегда перед днем рождения...

Вот, получил книгу. В общем-то, сносно, но я почему-то вообразил себе бог знает что и в результате разочаровался. Во-первых, очень мелкий и тонкий шрифт, как-то бледно, неудобно читать.

В «Независимой газете» в Москве была статья критика Урицкого, там есть обо мне и весьма лестно, я тебе посылаю.

Философская переписка за мной. Надеюсь на той неделе увидимся

Целую

А Каббала – это тоже интересно, надо и другие «школы» изучать.

5.3. Два дня гнал простуду теннисом. Кажись, выгнал. Отметили день рождения. Хвастался книгой

Завел с М разговор о скрипачке, выяснил, наконец, ее фамилию. Попробую найти телефон в справочнике.

От Ф: Дорогой, поздравляю с днем рождения

Я вот дни рождения люблю и использую повод остановиться, подумать откуда и куда бежим.

Год ведь был интересным, правда? Вот и книжка вышла, и пишут о ней хорошо. Значит, был искренним, а талантом, умом и сердцем чувствительным тебя Бог наградил. Хочу тебе пожелать, мой дорогой друг, в этом году удовольствия от работы над романом, и сердце мне подсказывает, что это будет удивительный и прекрасный роман.

Целую

Ох, не могу это читать...

Похвастался Володе. Поздравил меня. Сказал, что составляет («между запоями») книгу об Анечке. Ее тексты и его комментарий. «Там будут скандальные вещи».

Позвонил Гольдштейну. Поздравил меня, сказал, что это настоящее событие. Первая книга, как первая женщина, сам он теперь делит свою жизнь на «до книги» и «после». А я поделился ощущением, что эта книга вывела меня из литературного небытия. Он сказал, что так и есть, что мое имя скоро будет на слуху. Ну, не знаю...

В гостиницу не хотелось, но куда податься в такую рань... Книжке она очень обрадовалась, но сказала, что обложка ужасная, фиолетовый с розовым – ужасно. Может, это повлияло, а может еще что, но стало тоскливо. И как-то не было особого желания... Аппаратура работала нормально, но... без энтузиазма. То ли ей передалось это настроение, то ли обиделась, что я ей книжку не дал («А ты все-таки жмот»), хоть я и объяснил, что это единственный экзем-

пляр, подожди еще недельку. Заторопился, надо, говорю, рано возвращаться, гости придут. В последнее время стараюсь не залеживаться.

– А я тоже домой поеду, скажу, что удрала с курсов.

– Да, тем более, их у тебя столько... Даже есть настоящие.

Рассмеялась. Но не весело.

Еще минут пятнадцать погуляли у моря, посидели на скамеечке. Вдруг все стало чужим и ненужным. Когда выходили из номера, я замешкался в дверях.

– Ну, иди уже, – чуть не вытолкала.

– На фиг, – продолжил я.

– Ты иногда удивительно точно читаешь мысли. Только я, ты знаешь, выражаюсь резче.

Хотели отпраздновать книжку, день рождения, а получились какие-то проводы.

Подарила набор косметики от Готье. Двадцать раз подчеркнула, что «от Готье». Мол, не хрен собачий, и она не такая жмотка, как я. Это верно.

От Зуса: *ХОККУ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ НЁМЫ*
дни рождений
череда за чередой

слившихся точек

вообще это сепрю 5 7 5

zus

HAIBUN FOR GENRIKH SAPGIR
family picture
parents smile

not the baby

When I look at my daughter sometimes I wonder where her spirit was before she was conceived. I imagine the infinity of the Universe and get frightened.

My daughter is three years old. How nice her brightly colored books are! On one of those books the author's incongruous name is printed – «GENRIKH SAPGIR».

Definetly a Jewish guy, I decide. The majority of the half million of Moscow Jews have German, Polish or even Russian last names. The author's name is so Hebrew that it cannot be recognized as a Jewish one

even by experienced employees' officers who have a task to discriminate against Jews.

Genrikh Sapgir does not need a pseudonym.

Twenty five years later he is a star of the First Moscow Festival of Poets.

summer-99

the evergreen Kremlin dome

painted brown

Genrikh Sapgir walks with a cane and reads his lucid incantations. «The language pronounces us», he says. And he rhymes

I wake, I shave, I knot my tie

I won't notice that I will die

These particular lines strike me.

When we meet accidentally at the new Turgenev Library a month later I make a compliment to him. He smiles. A week later Radio Liberty announces his sudden death.

*falling asleep
this fall trying to catch
taste of the void*

6.3. От Ф:

Как ты себя чувствуешь? В смысле простуды и в смысле настроения?

Жаль, что шрифт неудачный, но никогда нельзя все предусмотреть, и главное, что она вышла в свет. В следующих изданиях изменишь... Есть новые отзывы?

Так по тебе соскучилась, все бегу куда-то, что даже некогда вспомнить, как хорошо лежать на твоём плече и слушать тебя, и как мне тебя не хватает рядом.

На работе к интернету не добраться, а дома – не бываю. Так что не сердись, что меньше пишу, надеюсь, временно

Целую

Матвей, привет!

Я позвонил Боре Штейману, он выразил готовность помочь и даже попросил твой телефон, который я ему и дал, но машина его не на ходу. Так что смотри сам. Его телефон:... Время ему, во всяком случае, потратить не жалко и может «постоять на атаке». Тем более что «потребовал свою долю», предлагая раздать всяким знакомым, и я общал ему десяток экземпляров. Так что отложи ему, пожалуйста, пачку из моих «запасов». Таким образом, ты мне посылаешь теперь только 390 книг. Кстати, еще раз подумай, может, сочтешь нужным оставить себе, скажем, 100 экз., у меня нет возражений, даже наоборот. А у Бори есть приятель с машиной, которого можно на это дело подвинуть, спроси. В общем, действуй, как тебе удобно.

Мне привезли из Москвы две газеты, «Независимую», где про меня, и «Литературку», где огромная хвалебная о Гандлевском (прямо классиком стал) и полупоносная на Юзефовича, тоже моего знакомого, и еще одна странная статья: «Израиль, как русская провинция». Я уж было подумал, что вот, как раз на тему, но статья удивила старомодным антисемитизмом (подписана: Николай Березовский), то есть в ней утверждается, что русская культура «в ее театральной, кинематографической и телевизионной составных (?) сделалась за последнее столетие насквозь еврейской». И это при том, что главное утверждение этой культуры, во всяком случае, многих ее деятелей, в том числе и автора статьи, состоит в том, что «национальность» определяется языком, мол, даже те, «кто отойдет в Землю Обетованную (небось, мечтает, чтобы просто „отошли в землю“) ... останутся все же русскими до конца дней своих». А это особенно смешно: «если театр, кинематограф, ТВ и прочее... можно отождествлять уже с еврейской культурой, отчасти привитой народам, населяющим Россию, то русская литература была и остается русской...» – не отдадим, блин, святое! Все это анекдоты со столетней бородой. Впрочем, тональность статьи «спокойная» (мол, ничего не поделаешь, а может и к лучшему).

... Что касается моих рассуждений о том, что великое искусство – функция стремления к роскоши негоциантов и завоевателей, то единственное, что независимо от «заказа» рвется к реализации, к освобождению – это индивидуалистический бунт. И вообще, когда видишь столь ярко проявляющую себя, даже в классических образцах, творческую индивидуальность, возникает сильное сомнение в правомочности таких абстрактных схем, как «ориентация на родовое единство». И вот я подумал, почему же мне так неизменно и неослабно

«мешает» классификация художников и культурных эпох по степени их ориентации на «родовое единство». Такая «ориентация» вызывает инстинктивное сопротивление, потому что каждый художник, даже «классический», носит со своей индивидуальностью, как с писаной торбой.

С другой стороны, искусство всегда жмет к стенам религиозных храмов, и получается, что искусство без религии останется оформительством, а религия без искусства вырождается в доктрину... То есть тут симбиоз, сообщающиеся сосуды... А катартика – там где жертвенность. Мне, например, кажется, что христианство не возникло в результате проповеди Иисуса, а как миф, выстроенный по классическому катарсическому сюжету жертвоприношения, и именно поэтому оно столь преуспело...

Наум

Вдруг Р позвонила. Видно, последняя встреча ее тоже смутила. «Ты не представляешь себе, что мне стоило тебе позвонить! Но так хотелось...»

Сегодня резкое похолодание. Тучи, и море беспокойно. Ф уже ждала в машине во дворе гостиницы. И, как всегда, физическое наслаждение – острейшее. Возможно она так распалает тем, что вся замкнута, даже губы не раскрывает, а хочется выпустить всех ее чертей на свободу... Только постанывает иногда, стиснув зубы...

– Боже мой, как я по тебе соскучилась... Я чувствую, как во мне бушует огонь, и рвется наружу, и боюсь, что не удержу его... Все бегаю, ношусь, ни на что времени нет... Ну, работы стало больше, художница, английский, в Школе контрольная по брахманизму... Я такая ленивая, мне ничего не хочется делать, только так вот лежать на твоём плече... Скажи мне... а что та женщина, которой ты писал стихи?..

Сказал, что сейчас не хочется говорить об этом, завел про параллельные миры, она тоже когда-то легко жила в параллельных мирах, но теперь не может, теряет себя. Если у человека, говорю, есть некий центр тяжести, то ему эти блуждания в параллельных мирах не опасны, даже в кайф, договорился до признания, что отношения с женщинами никогда не составляли центра моей жизни. Она загрустила. Сказала: «Пора». Уехала первой, я за ней. По дороге остановился у моря. Пена волн начиналась далеко от берега, за ней море было свинцовым, и тучи свинцовыми, только на горизонте светлело...

8.3

Report

Наум, привет!

7 марта передал П. под расписку \$ и получил от него 472 книги (59 пачек по 8 книг).

Из них послал в тот же день 400; у меня осталось 72 книги для раздачи.

36 пятикилограммовых бандеролей (по 11 книг) плюс 1 двухкилограммовая (остаток 4 книги)

36×171 (стоимость пятикилограммовой) = 6156

$6156 + 85,5$ (стоимость двухкилограммовой) = 6241,5 р

$6241,5 + 1560,4$ (25%) + 10 (обычный транспорт) = 7811,9 р: 28,4 (курс на сегодня) = 275,1 \$

$275,1 + 30$ (грузовой транспорт) = 305,1 \$

Твой остаток на сегодня – ... \$

Внешность у книжки не только приятная, но и привлекающая внимание; нестандартный формат придает ей «элитарную своеобразность». Конечно, ирифт мог бы быть покрупнее, а печать погуце, но это все в пределах нормы. (Это сказала мне со всей ответственностью Лена-издательница, у которой случались книги в этом отношении намного хуже).

Жаль, конечно, что человеку с подпорченным зрением читать ее будет трудновато, но будем считать, что «читатель Ваймана» имеет (как чекист-путинец) орлиный холодный глаз, горячее сердце и непотные руки.

Ну, Матвей, ты – гигант! Ты меня просто восхитил своей оперативностью! Я аж задохнулся. Ну спасибо, ну порадовал!

Чувствую, что тебе нужен небольшой отпуск, отдохни. Потом при желании расскажешь, как прошло все: передача денег, отправка книг и т. д.

В общем, огромное тебе спасибо. Обнимаю тебя. Слов нет, колоссально... А еще любит жаловаться на свою неделовитость!

Ну, а если на твой взгляд и на взгляд Лены книга выглядит сносно, то и тут мне легало.

Ладно, кончаю излияния. Будь здоров.

Всегда твой

Наум

Портос позвонил, поздравил с международным женским днем

– А я тут причем?

– Ну, ты тоже блядь порядочная.

9.3. Ф: во мне чувство опустошенности

Бараш позвонил. Поздравил. Он тоже хочет издать книгу. Может, у Кузьмина. Распрашивал про Кононова. Предложил идею организовать «на крыше» презентацию-концерт, чтоб каждый спел что-нибудь или стишок рассказал, взобравшись на стульчик, «будет очень современно». Но чуть позже, «когда теплее станет». И просил напрямую с Олей не связываться, он сам с ней обговорит это дело.

Неожиданно позвонил Пепперштейн, пригласил завтра на выставку (совместная, его и Гринмана) в Иерусалимский музей. Дело хорошее, поедем.

10.3

Ездили в Иерусалим, на вернисаж Пепперштейна. По дороге встретил Бараша с Ирой, она несла в рюкзаке младенца. Бараш был настроен доброжелательно: подарил последний номер «Зеркала» и даже лишний пригласительный подарил. Удивлялся «ловкости» Пепперштейна: «Другие жизнь кладут, чтобы в Музее выставиться...»

Я расфуфырился, надел флорентийское пальто, направо и налево хвастался книжкой. День был солнечный, но прохладный, славный денек. В саду скульптур тусовались, вино на халяву и прочее. Я изображал сияние успеха и фотографировал. Бараш стремился попасть в кадр с великими. Бочком-бочком.

На выставке встретил Дану с Некодом, показал книжку. Вдруг увидел, что такое черная зависть: аж почернела, онемениехватило, столбнячок. Собравшись с силами, полистала. Наткнулась на слово «Сингедрин». «Сингедрин, вместо Сангедрин», – обращаясь к Некоду. «Наверное, опечатка...», – это уже мне, ласково-снисходительно, мол, вы же не могли так ошибиться, вы же не идиот, правда? Но мое наглое добродушие не было поколеблено: «А черт его знает!» – и я подмигнул Некоду. Даже захотелось хлопнуть его по плечу, но решил, что это будет излишне. Он передернулся в неразрешенной улыбке, а Дана, выронив презрительное

«поздравляю», отвернулась. А я вспомнил, как она меня поддела с «эц юхасин»¹³, эпизод отражен в книге, отражение отражений... Потом встретил Сошкина. Похвастался ему еще и статьей в «Независимой», что меня рядом с Галковским упомянули.

– Я его как раз недавно прочитал, – заметил вечно серьезный Сошкин. – Заставил себя. Чудовищный пошляк. Какие-то скучные антисемитские пассажи. Целую трагедию развел по поводу того, что ему в детстве пиздюлей не жалели, и правильно, кстати, делали.

Я был весел и на все согласен. Ире Гробман всучил стихи Кононова, попросил провентилировать насчет публикации.

Похвастался и Тане. Аркадий Гринман, напарник Паши (это была парная выставка), оказывается ее муж, а я и не знал. Оля долго держала свою руку в моей. Теплая такая рука, мягкая, обнимающая. Есть такие женщины: стоит до них дотронуться, они на тебя прям проливаются. Нишпехет, как говорят на иврите.

А сама выставка – странная. Бестиарий такой в стиле «фэнтази» на стенах, с текстами аля Толкинен, «лабиринт» с озеленением, мол, «защита окружающей среды», мы ж с понтом «зеленые»... По мне: так ни уму, ни сердцу. Но оч. современно...

11.3.2000. Для Л:

книжку получил, сигнальный экз. Простовато вышло и шрифт мелкий и бледный. Матвей уже послал мне 400 книг, через две-три недели придут. Была статья в «Независимой газете», посылаю тебе. Так как «испанские оргии» в ванне на ножках?

Дорогой Наум!

Поздравляю с выходом книги!

Вид у нее достаточно броский, но не аляповатый. Увидев на прилавке, обязательно возьмишь посмотреть, что это. Только поддержав книгу, оценил ее «вместимость» просто по количеству текста. Сначала немного огорчился шрифту, но воткнулся в сам текст, и шрифт заработал, заставив забыть про свое начертание. Текст затягивает. Утешаю себя тем, что при другом шрифте не получилось бы такого компактного и вместительного издания.

Вчера встретился с Мотей и взял у него двадцать экземпляров и тут же раздал коллегам-критикам – как раз было собрание академии, а потом церемония и банкет по поводу вручения аполлоновской премии (в этом году ее получил Соснора). Приятно было то, что половине критиков не нужно было объяснять, кто такой Вайман, они или смотрели текст сами в Интернете, или слышали о нем.

Еще раз поздравляю!

Сергей

Дорогой Сережа!

Огромное спасибо за все

Мечтаю выбраться в Москву, надо ж обмыть это дело. Может, к лету.

А, может, повезет, и еще повод представится: вдруг текст прорвется в какой-нибудь «лонг» или даже «шорт» чего-нибудь такого премиального-симпатичного (Кононов сказал, что издательство на Букера выдвинет), тогда, как говорится, сам Бог велел... Али тебе случится в наши края заглянуть?

Будь здоров. По возможности держи меня в курсе рецензий, если таковые появятся.

Всегда твой

Наум

¹³ Генеалогическое древо (ивр.), что я однажды сдуру перевел как «дерево Юхасина»...

Наум, привет!

Должен сообщить тебе, что у меня дела с интернетом – полный швах. На простой выход в интернет приходится тратить несколько часов; представь себе: с утра (а ближе к вечеру вообще труба дело) – полдня омерзительного треньканья, не дающего ни на чем сосредоточиться, после чего аппарат отключается в процессе получения (или отсылки) письма. При этом адская машина устроена таким образом, что, недополучив хотя бы одно сообщение (скажем, получив 1 из четырех), потом по второму, третьему и т. д. разу получаешь уже полученное, а до неполученного никак не доберешься, так что сообщения просто накапливаются и скоро достигнут (если уже не достигли) критической массы, после чего я вообще никогда уже ничего не получу.

Поэтому так вышло, что я получил твоё сообщение со сведениями о Штеймане уже после того, как провернул всю операцию с пересылкой. Сегодня попробую повозиться с интернетом среди ночи (ставлю будильник на 4 часа). Если не получится, переищу письмо через Сергея, с которым завтра встречаюсь, чтобы передать твои книги для раздачи «критикам-ебникам». Так что если получишь письмо через Костырко, это будет означать, что с прямой Е-перепиской придется завязать – хотя бы на время. (Боюсь, на продолжительное, так как я с каждым днем становлюсь все беднее, и впереди в этом смысле – никакого просвета. Эх, мне бы израильскую пенсию, да что делать: сам знаю, что не заслужил).

Два слова по поводу Березовского-публициста (не родственник ли олигарха? – было бы забавно). Я ничего такого давно не читаю, но от мыслительных (с позволения сказать) «ходов» подобного рода не отвыйк. «Нормальных» евреев я в России, кроме себя самого, не знаю практически ни одного. Остальные – либо ассимилянты на подножном корму, либо пассионарии разных степеней параноидальности, как-то: пылкие православные христиане, грязные дельцы-«олигархи», политики – русские патриоты и прочая плесень, которая повылезала из всех щелей и сделала образ еврея, живущего в России, карикатурно-провокационным (как будто их сочинил, изготовил и дергает за ниточки какой-нибудь кукловод-Шульгин). А еврея без креста на брюхе так и вовсе днем с огнем не сыщешь – это кроме шуток. Родится такой выблядок – его крестят, женятся – венчают, отдаст концы – отпевают, как наместни твоего знакомого-бабника Сапгира (не будучи представлен, сужу исключительно по Тексту). Вот, к примеру, характерная картинка «Из новостей литературной жизни»: «поэт» М-д, бездарный графоман-плагиатор, выпрыгнул по пьяни из окна, переломал себе все, что смог – и в больнице «принял христианство», т.е. крест на жирное брюхо навесил на всякий пожарный случай, поступил, так сказать, «на окормление» к шастающим по палатам попам. Изъясняется на эти темы исключительно посредством мычания, ибо не только Библии, но и Евангелия никогда не читал и «слов не знает». Ныне размышляет над предложением поехать в Израиль лечиться (добавлю от себя: единственное, что мне не нравится в Израиле, – так это неразборчивость относительно таких «светочей культуры», если их угораздило родиться евреями): и хочется на халяву, и колется – как же я, русский православный поэт, буду там среди нехристей. Какая-то во всем этом пошлость уже запредельная, зашкаливающая, и очень хочется, прямо-таки до боли, чтобы М-д этот (прости, Господи) просто подох поскорей... для своего же блага.

Что же касается русских, то ты точно отметил (но как бы не «сфокусировал») очень характерное противоречие: зоологический, геббельсовского толка антисемитизм и – «спокойная тональность», которая, на мой взгляд, свидетельствует о том, что человеку и в голову не приходит, что он антисемит; он, пожалуй, и обиделся бы на такую «инсинуацию», а то и драться бы полез. (Писатель-деревенщик Василий Белов как-то изрек по подобному поводу: «Да что вы мне всё тычете „антисемит, антисемит“, я скоро за такие слова на дуэль вызывать начну»). Именно поэтому русский антисемитизм неуязвим и бессмертен (настолько, насколько «бессмертно» русское самосознание). Меня как-то однажды поразила выступав-

шая по телевизору ученая немка, сказав примерно следующее: «Считается, что немцы пока-
ялись. Это, конечно, так, но не следует забывать, что они покаялись только в 60-е годы,
когда стали хорошо жить». Думаю, к этому же «архетипу» можно причислить и покаяние
японцев и, отчасти, итальянцев (покаяние «в католической аранжировке»). Нашкодившие
нации оказываются в положении «лишенцев», и им остается только, стиснув зубы и затя-
нув пояса, работать, забыв о национальной гордости, воинской чести, собственной «свято-
сти» и тому подобных шаловливых проказницах. Когда настает время поднять голову, огля-
деться и сменить пояса на подтяжки, оказывается, что живут они совсем неплохо – лучше,
чем раньше, – и тут наступает пора коллективного прозрения и покаяния. Так вот, русских,
в силу ряда непреодолимых обстоятельств (прежде всего, из-за величины территории, а глав-
ным образом из-за непоправимой порчи генофонда), нельзя завоевать (или хотя бы побом-
бить от души, как славно побомбили-таки их дружбанов-единоверцев сербов, потешили меня,
старика!), расчленив и заставить работать из-под палки, забыв о тухлой бредятине наци-
ональной мифологии. Поэтому они не могут накопить благосостояния, необходимого для
«коллективного прозрения» и покаяния. А без покаяния не могут накопить благосостояния.
Получается замкнутый круг. Русским оказали бы большое благодеяние, поставив их на колени
и принудив вкалывать, но, похоже, никакой цивилизованной внешней силы (даже совокуп-
ной силы Америки и Европы) на это не хватит, а внутренних сил на такой подвиг не хва-
тит ни у кого – по определению. Выходит, пока Россия будет существовать, она останется
рассадником самой гнилой и омерзительной юдофобии, а именно – «духовного» (религиозного
в своей основе) антисемитизма. Кстати, ни один русский никогда не признается самому себе
в том, что это Россия заразила Германию вирусом «духовной» юдофобии, а не наоборот. Рус-
ские искренне считают себя спасителями евреев, хотя сгинувшие евреи, по моему разумению,
на совести не только (и, может быть, не столько) тевтонов-завоевателей, сколько населе-
ния тех стран, на территории которых они отлавливались. Прости, если говорю банально-
сти; не моя это «сфера научных интересов», а просто моя заноза – как выяснилось, неизвле-
каемая и со временем только сильнее загнивающая и отравляющая «весь организм». Хуже
всего то, что при такой настроенности трудно найти какой бы то ни было смысл или оправ-
дание в писании по-русски (единственная, но явно жульническая отговорка: Я больше ни по-
каковски не умею. – Ну и заткни пасть, долбоёб!), а это парализует волю и сводит на нет
последние остатки амбиций, без которых в нашем грязном деле далеко не уедешь. Как ты уже
догадался, весь этот пассаж сочинен для того, чтобы продемонстрировать, как пишется
слово «долбоёб»; можешь говорить что угодно, но ошибки, особенно в сфере «телесного низа»,
сильно портят впечатление. Я, признаться, надеялся, что корректор поработает более доб-
росовестно. В остальном же текст, при просмотре в книжном варианте, выглядит вполне
достойно.

Покровский при встрече просил тебе передать, что с рецензиями «дело на мази»: точно
напишут Золотоносов (ты его вроде бы знаешь) и Виктор Топоров (записной антисемит,
между прочим, но пишет хлестко, «заставляет себя читать», а вашему брату, как я пони-
маю, все впрок, лишь бы побольше шуму...)

Всегда твой

Матвей

На пикник поехали только Мирон с Настей. Весна, травка зеленеет, персиковые сады
в цвету. Плынешь среди розовых нежных цветов...

Привез Мирону второй том «Гэндзи моногатари», говорит, что совершенно бессмыслен-
ный текст, но все же он решил снова за него взяться и дочитать. Я говорю, что поскольку
японцы, как и китайцы, в отличие от европейцев, не преобразователи мира, то их жизнь (в гла-
зах европейца) абсолютно бессмысленна, а раскрашивает ее только «эстетика», какие-то изощ-

ренные изящества, поэтому японцам хорошо удаются «малые» жанры: стихи, дневниковые записи, а роман – не их жанр. Роман – это процесс становления, преобразовательного движения, личности или народа, потому европейская личность всегда богоборческая, мятежная. А для японцев это не тема, на Востоке нет становления, все вечно и неизменно, у них и богов нет.

Мирона поразило в этом огромном тексте, что в нем не описываются никакие реальные события, даже про войну ничего нет, только любовные приключения, и то очень своеобразно, у японцев весьма извилистые границы «дозволенного» и «запретного», вроде того, что можно переспать с женой императора, но нельзя видеть ее лицо. И еще его порастил пietet, почти подбострастное отношение ко всему китайскому.

Я рассказал ему о выставке Пепперштейна, и тут же «вспомнил», что вот и Паша не любит «реализма», и обожает китайские романы про лисиц, и вообще на Восток ориентируется.

12.3.2000. Утром отвез Юваля в «бакум»¹⁴. Он прошел ворота и побрел куда-то. Вот и младший стал солдатом. Я окликнул его. Он обернулся. «Голову прикрой», – показал я ему жестами. День был солнечный, а он постригся наголо. Отмахнулся, да ладно, мол...

13.3. Встретились с Р. Поехали в Яффо. Вдруг вспомнила мой рассказ «Как меня женили».

– Но теперь ты не жалеешь?

– В общем-то, нет.

– А я тоже быстро вышла замуж. Через неделю. Ему надо было уезжать. Я говорю: ну, приедешь через пару месяцев, тогда и поженимся. А он говорит: через пару месяцев я тебя уже не найду. И был прав.

Я стал рассуждать, что, мол, инстинкт в таких делах – главное.

– Не знаю. Я много не думала, увидела хрен до колена и решила, что подходит.

Метафора, конечно, но задело меня заявленьице. Уточнять, однако, не стал.

Погоуляли в порту. Рассказала, что мало часов дают на следующий год, о зарплате поговорили, о пенсии, и вдруг:

– А вообще мне скоро и этого не понадобится, в моей жизни произойдут серьезные изменения...

– Решили уехать?

– Нет, не это. Просто мне надоело нищенствовать. Я хочу приличный счет в банке. Мне надоели минусы...

– Ты ж вроде закрыла...

– Он опять уже разбух.

– Так что, замуж собралась? (Шуткую, а у самого сердце куда-то провалилось...)

– Ну, зачем замуж.

– Таким же макаром, что и тот минус закрыла (взяла деньги у спонсора)?

– Ну, есть много способов.

– А именно?

– Может, я в лотерею выиграю. Или наследство получу. Или еще что.

Поднялись по каменным лабиринтам наверх, забрели в район магазинчиков: антиквариат, ювелиры, художники. Увидела янтарные бусы, зашли, стала мерить (дочке купить).

– Я люблю янтарь... Вот это и мне бы пошло...

– Хочешь, я тебе подарю?

– Подаришь?! Как это?

¹⁴ центральный мобилизационный пункт

– Очень просто. Нравится?

– Да.

– Бэри дарагая!

Раз так – она взяла два ожерелья, но я заплатил за одно.

– Ну, ты меня удивил! Надо было на алмазную биржу пойти, раз у тебя такое хорошее настроение, ха-ха-ха!

Зашли в ресторанчик на башне, в котором были месяца полтора назад. Никого. Еда на троечку. Чуток вина. Море за окном искрится. Катерок маневрирует. Чайки. Рыбаки на моле. Картина застывает и становится образом. Любви? Прощания? Она держит мою руку и целует средний палец. Чувствую им прохладу чуть влажных губ, пальцем целую их в ответ. Прячет лицо в моей ладони и качает головой. И я вроде почти забыл про ее грядущие перемены и всякие хренации до колена...

Оказывается, то, что я не позвонил тогда в среду, как обещал, ее «просто убило».

– Я сидела около телефона до трех, пока муж не пришел. Ох, как я разозлилась. На себя, на себя. Что сидела, как дура. Я и в воскресенье поэтому была не в себе.

– Не любишь ты ждать...

– Не люблю, когда мною пренебрегают.

Рассказал, что с «той дамой» («Что стихи тебе писала?») вроде затухло дело. И что «та самая, из книги» тоже на меня обиделась...

– Ты так всех своих старых подруг разгонишь... и найдешь себе молодую...

Было бы неплохо, подумалось.

От Л:

обидно конечно, что книжка разочаровала, но главное, что ее можно будет читать. А текст сам за себя говорит, за твою предательскую книгу. Испания: борделло-катедрало-поело (поело – это еда так называется, вроде плова). В Мадриде замечательный Босх. Толедо напоминает Назарет. Там в катедро есть капелла Эль Греко с прорывом в небо – луч света, а на нем, в небе на иврите написано Йахве, есть музей Эль Греко с одной картиной и есть старинная синагога, переделанная в собор. Эта синагога, такая строгая красавица, и отравила мне все. Никаких признаков не осталось, а вместо Торы иконостас... и так мне стало горько и больно, что этот прорыв эльгрековский показался стрелкой с указателем...

14.3.2000

Читаю новый номер «Зеркала».

*принцесса была и теперь ее нету
принцесса погибла в расцвете летом
принцесса ложилась спать с арбалетом
принцесса мечтала заняться балетом
принцесса терлась по туалетам
принцесса страдала страстью к минетам*

Это Могутин сочинил про Диану, фулюган. «Принцесса Динамо» называется. Эпатажно!

Новый роман Гиршовича «Суббота навсегда» – заявленный пересказ «Похищения из сераля» (см. оперу Моцарта). Писать умеет, но... не могу читать, неинтересно это все.

Гольдштейн с Пепперштейном о «русском концептуализме». У Гольдштейна он вызывает тоскливое недоумение, протекающее из того, что словесность этого склада не имеет ни малейшего касательства к моей жизни, ... я не нахожу в этом искусстве содержания. Паша реагирует довольно раздраженно (как и в нашем тогда разговоре в Вади Кельт) и старается

уколоть Гольда за его садо-мазохистские томления: *Высказанные вами претензии в самом деле немного наивные, детские. В стремлении питаться страданиями, превращать их в культурный аттракцион, в жажде мучительной подлинности я вижу нечто очень несимпатичное, потворствующее неконтролируемой либидинозности. Мы же знаем, что нет ничего страшнее этой подлинности, требовать ее от литературы не следует, она не нужна. Что значит не нужна? Всегда может возникнуть человек, который скажет, что ему она необходима, но мы ему посоветовали бы навестить садо-мазо-клуб...* Вот так, просто, послал товарища в садо-мазо-клуб... Запахло драчкой. Но Гольдштейн не забияка. Теперь я понял, почему он мне жаловался на Пепперштейна, что тот «и в интервью хотел одержать верх».

А ведь его сексуальные склонности не имеют никакого отношения к бессмысленности того, что делает в искусстве мусьё Пепперштейн. Требование подлинности (неизбежно связанной со страданиями) не есть «стремление питаться страданиями». Другое дело, что никакой подлинности у Гольдштейна и нет, а есть игра в страдания, включая и смакование, тут Паша прав на все сто. Даже можно понять его возмущение: зачем ему эти игры.

И в диалоге о «мыслях перед сном» Пепперштейн признается, что *человек посубтильней, вроде меня, от таких размышлений («о любви, смерти, деньгах») просто не заснет. Он должен прибегнуть к мыслям, которые помогут ему заснуть. Обычно это фантазмы, создаваемые для облегчения жизни.* Тут Гольдштейн должен был бы сразу послать его в клуб курильщиков опиума, или любой другой наркоты, где вечно околачиваются всякие субтильные типы, убегающие от жизни в область фантазмов. Но драки, как уже было подмечено, не его стихия.

Далее шелковые умники переходят уже непосредственно к русской литературе. А.Г. выдвигает тезис о «задушевности» русской культуры, а П.П. тут же ловко подхватывает: *де концептуализм... заведомо апеллирует к непониманию, априорно обращается к русской культуре как к непонимающей его. Это его революционный шаг, даже футуристы... не шли так далеко.* А вот и «откровение»: *Невротический ужас перед потерей непосредственности и теплоты, испытываемый культурой старшего поколения, не свойственен психоделизированной молодежи. Они (молодежь эта) обладают биохимической гарантией того, что экстаз у них не отнимут, ... что «экзистенция» и «тотальное понимание», и «слияние души» находятся в препаратах...* Ну, и на кой ляд тогда литература? А и не нужна, отвечает Пепперштейн, ваша стариковская литература «теплоты», «подлинности» и всякого такого барахла, а вот наша – нужна народу, как порнография: *И вот эта глубинная порнографичность концептуализма действует очень терапевтично, она соприкасается с психоделической культурой...* Да чего там скромничать, она ею, психоделической культурой, и является. Но Пепперштейн, конечно, не хочет признаваться в том, что весь этот его «концептуализм» – просто литнаркота, он начинает заливать о том, что в этом самом его концептуализме «закодирована» потребность *не только получить доступ к различным типам переживания, экстаза, но так же и быть от них независимым, чтобы не зависнуть на каком-либо биохимическом варианте, а иметь возможность скольжения, освобождения, драйва.* Мол, мы, наркodelьцы от искусства, полезны, мы отвлекаем молодежь от наркоты биохимической! Еще немного и он попросит государственной поддержки (предел его мечтаний!).

А вот еще «шаве цитут¹⁵»: *Человеку, который читает Пастернака и вдруг видит, как его юная дочь возвращается ночью со странно блестящими зрачками, уже легче примириться (смириться!) с концептуализмом. Концептуализм способствует тому, что в Америке называют «birth of the Cool». «Cool» обозначает одновременно «холодно» и «классно»...*

¹⁵ стоит процитировать (ивр.)

16.3.2000. От Бараша: *Слушай, я тут развил бурную деятельность в TENETA-2000. Нет ли у тебя чего-то, что ты хотел бы предложить – точнее будет, по обстоятельствам, из прозы? Из нового?*

Жду ответа, как паркет балета

S.

От Л:

Статью Урицкого я прочитала. Очень меня обрадовала статейка. Давай засылай продолжение записок, читать нечего. А ты Агнона получил? И пошли «Альбом для марок» Сергеева, пожалуйста. Хотелось бы поподробнее о книжке.

Я пошла «записки» – суди сама. А про книжку чего уж, скоро придут посылки, тогда пошла (а заодно и Агнона), сама увидишь.

С философом все «ушло». А как твои подвиги?

Поехали с Р полюбоваться цветением окрестных садов. Недоумевала

– Это слива? Нет... и не вишня... Может яблони? Яблони вообще белым цветут. Хотя и розовые бывают. А ты знаешь, какой у нас был сад?! Все к нам приходили, собирали фрукты и ягоды, такое было изобилие! Я так люблю на земле возиться!

Гуляли в этом весеннем раю. Полсада было с голыми ветками, одетыми в розовые цветки, а на другой его половине ветки в зеленых листьях, а цветки уже опали. Сорвала орешек, уже начинавший вызревать на месте цветка, надкусила... – Ты знаешь что это? Это абрикос! Точно абрикос!

Мне было без разницы. Около одной ветки она остановилась:

– Посмотри!

Оторвавшийся бело-розовый лепесток как-то странно танцевал вокруг ветки.

– На чем он держится? На паутинке? Не видно...

– Да, нить паутины, вот, я вижу.

Иногда эта невидимая нить вдруг вспыхивала на солнце и вновь пропадала. Обнимались-целовались.

– Поедем в гостиницу? – предложил я.

Покачала головой:

– Не хочу...

Повезла меня обедать в свой любимый китайский ресторан около Рамле. Потом поехали в кино на «Американ бьюти».

– Я так надеялась, что не будет никаких убийств. Он должен был закончить так, чтобы все разошлись с улыбкой, это же такой легкий фильм. Но с самого начала ясно было, все эти кровавые лепестки, что кончится плохо...

Когда в фильме герой-кинолюбитель показывает любимой девушке «самое красивое, что он видел (заснял) в жизни»: как танцует под слабым ветерком пустой целофановый мешочек, я нагнулся к ее уху:

– Помнишь тот лепесток в саду?

Она, улыбаясь, кивнула. Ей было холодно, и она не снимала мой пиджак. Когда вышли из кино дул сильный ветер. Добежали до машины. Целовались. Я опять предложил поехать в гостиницу. Опять покачала головой. Потом, вернувшись в «деревню», еще долго сидели в машине и целовались.

– Я могу тебя целовать все время. Все время...

17.3.2000. От Л:

Спасибо за записки, еще не читала. О подвигах потом напишу, ведь нужна дистанция?

Для Л: В воскресенье пошлю «Альбом» и Агнона

От Ф:

Дорогой мой, надеюсь, ты на меня не сердишься из-за моего молчания, мне и так очень тяжело.

Ты написал, что понимаешь меня, но проблема в том, что я себя не понимаю.

Что было, есть и всегда будет, это осознание, что ты человек очень близкий и дорогой.

Наши отношения – это то, что принадлежит нам обоим, поэтому ответственность за них и право определять их судьбу – наше, вдвоем.

Обиды здесь ни при чем.

Ты пишешь, что тебе «тяжело». Я это понимаю так, что раз ситуация стала тягостной, ее надо менять. Люди должны приносить друг другу радость, а не заниматься поднятием тяжестей. Мне, во всяком случае, этот спорт уже не по возрасту. Наши отношения с самого начала были теплой дружбой. Давай вернем их в это состояние. Мне показалось, что ты понимаешь все это так же как и я, поэтому и написал «понимаю».

А что мне уж действительно не понравилось, если хочешь знать, так это какие-то, извини меня, угрожающие напоминания об «ответственности» и о «правах». Я хочу быть – и тебе искренне того же желаю – свободным человеком, и иметь возможность самому выбирать друзей и формы отношений с ними.

18.3. От Ф: Ты действительно понимаешь. Спасибо

Ответственность я понимала как то, что не могу просто замолчать и исчезнуть. Твое же право выбирать друзей и отношения неоспоримо. Как и мое. Так что зря ты рассердился. Твои отношения – тебе строить. Я же могу принимать или не принимать свою «роль», и только свою.

Попробуем вернуться к теплой дружбе.

Френдли секс тоже не помешает. Время от времени...

От Л:

Мне сегодня приснился длинный сон с тобой, твоей супругой, Р и даже с Наташкой... я привезла лесную землянику из Испании (там, в Барселоне на рынке видела сверкающие бусинки лесной земляники, с ее неповторимым запахом детства) мы с Наташкой радуемся ей, потом помню мы в каком-то странном замке, в Ерушалаиме, там ортодоксальный херомант нам что-то объясняет, и ты со мной, а потом приходит Р, и ты подходишь к ней и показываешь мне, очень смешно показываешь, на пальцах, что у нее грудь больше моей, а Наташка возражает, потом мы с тобой у фонтана голые и светает, нам нужно успеть одеться потому что приходит твоя жена и мы с ней разговариваем, она почему-то мне очень рада, как старой знакомой и говорит про какой-то бизнес ее и еще не помню что...

Ай-да сон... Мы во Флоренции тоже набросились на землянику и малину...

А меня позавчера Р пригласила в свой любимый китайский ресторан и вдруг туда заходит наш с тобой старый дружок А-Поц А-Гадоль¹⁶ с какой-то бабой, тоже смутно знакомой. Как всегда сделал вид, что не узнал-не заметил. Ну, я тоже обниматься не полез. Но все-

¹⁶ Великий поц

таки как-то взволновался. Вот есть такие люди, их не так уж много, слава Богу, что когда встречаешь их – как будто наткнулся на что-то мерзостное и весь в нем перепачкался.

А еще «астральное тело» взбунтовалось было, аж напугало. Но вроде присмирело. Пришлось-таки злобно оскалиться...

В лесу, когда дамы пошли погулять, Мирон продемонстрировал фотографии своей любовницы в голом виде. В ванне, из ванны...

– Вот я снял ее новый домик, это она с матерью...

– А мамаша тоже ничего...

– Да, без лифчика ходит. Она мне тоже говорит: не подглядывай...

Мы с Аркадием одобрили – хорошенькая.

– Она выглядит младше своих лет (36). И фигура мальчишеская: маленькая грудь (мы запротестовали), но зато крепкая попка, поэтому кажется...

Тут не только хвастовство, но очевидное сексуальное возбуждение. Он уже показывал мне когда-то фотографии жены и предлагал свинг. А Аркадий рассказал о Полонском:

– У Полонского, новая подруга. Ему уже семьдесят, а ей, как ты думаешь? Тридцать семь!

– Ну, это нормально, – говорит Мирон. – Вот если бы ей было семнадцать.

– Оля хадаша¹⁷, с ребенком, – продолжает Аркадий.

И мы с Мироном дружно: «Аа!»

– Абсорбирует, значит, – съязвил я в адрес прославленного сиониста.

Потом пошли гулять, в тот сад на краю леса. Набежали тучи, ветер. Цветы персика (или абрикоса?) обильно облетают под ветром, как редкий розовый снег. Дорожки между деревьями усеяны лепестками.

Я вдруг стал жаловаться, что бабы надоели. Даже с женой как-то...

«Нуу! – они дружно осудили меня. – Жена – святое дело! Во-первых, это твоя обязанность, так сказать супружеская...» – «Вот именно что обязанность», – продолжаю хныкать. «Нет-нет, жене нужно оказывать уважение. А то уж совсем...»

От Л:

У меня было такое предчувствие, что не может это само улетучиться и еще будет продолжение, но почему злобный оскал? Астральное тело, оно же сама эротика?! А поц был с русской бабой? Все хочу спросить, а с Володей ты так после ссоры и не виделся? Мне понравилось из письма, что натура твоя чувствительная и легко ранимая вся «разнюнилась, закрипела стариковскими обидами»... а когда книжку получишь?

С Володей виделся и не раз говорил. Ссоры как бы нет, но нет и прежней близости. А насчет оскала... В следующей порции записок.

Да, поц был с русской бабой, такой кудрявой блондинкой, может, ты ее знаешь, тоже училка.

Р все удивлялась, чего это я за ними подглядываю из-за горшка с фикусом.

19.3.2000

... – Ты не знаешь что произошло! Моего «Тёму» поранили. Вот такое у меня было чувство, когда я увидела: как будто у родного человека открытую рану видишь! Я никогда не думала, что такотреагирую. И я знаю кто это сделал. Один злобный эфиоп, когда я его выгнала, у него рожа была просто перекошена от злобы.

– Странно только, что тебе раньше машину не портили.

¹⁷ Новая репатриантка

– Вот и директорша говорит. Мне только в первый день, в нашем доме кто-то нацарапал на багажнике, но я не поняла что...

Настроение у меня было не боевое. Грусть какая-то.

– Почему ты все молчишь? Ты сегодня какой-то молчаливый.

– Не знаю...

Вдруг спросила:

– А ты хочешь, чтобы женщина тебя безумно любила?

– Нет.

– Нет?!

– Нет ничего ужасней.

– А сам хочешь любить?

– Нет. Хотя легче когда сам любишь, чем когда тебя.

– Мне тебя жалко. А чего ты боишься?

– Любовь это плен. Рабство. Когда сам любишь, то ситуация все-таки под контролем, а если тебя – караул.

– Мне тебя жалко. А если взаимная любовь?

– Это самое страшное. Это начисто разрушает.

– Разрушает?!

– Ну вот ты с тем.., вы же любили друг друга? Так что ж ты убежала? Он же хотел жениться?

– Ну, во-первых, я уехала не только поэтому... А потом... я чувствовала, что если мы поженимся, все кончится. И он был... немного простоват... И ужасно ревновал. Делал мне такие сцены, что даже муж никогда... Он мог просто убить.

– Ну, видишь! Свобода для тебя дороже любви! Поэтому ты мне и нравишься.

– Я первое время чувствовала себя ужасно, даже физиологически, ужасно. Я даже не могла спать с мужем. Прошло много времени, пока я успокоилась... у меня была подруга, она мне оставляла ключи. Ну, я ей, конечно, делала дорогие подарки, помогала подзаработать... Но все равно я не жалею, что это у меня было. Будет о чем перед смертью вспомнить.

– Выходит, ты живешь только для того, чтобы было о чем вспомнить?

Промолчала.

– А у тебя не бывает так, – говорю, – что нет уже на всех душевных сил, усталость... ведь на каждого себя тратишь...

– А на что еще себя тратить?

Опять приставал к ней, чтоб рассказала про своего Мики.

– И опять я живу на два дома... Я когда приезжаю к нему, то уже чувствую себя... хозяйкой.

– Вы с ним выходите?

– Очень часто. Обычно в рестораны. Иногда он берет меня на свои деловые встречи. Говорит, что я ему помогаю. Учит, что и когда сказать надо для пользы дела.

– А чем он занимается?

– Деньги делает. Строит, импорт, все что хочешь... А иногда мне так от него тошно...

– Так зачем...

– А что у меня еще остается? Чем мне жить? Чужой жизнью, сплетничать?

– Вот и получается, что мужчина в жизни женщины – это все. А женщина в жизни мужчины...

– Во-первых, не мужчина, а мужчины, а во-вторых, не всё. Я очень любила математику, серьезно занималась...

Переключаю тему:

– Ну что, посмотрела фильм?

– Какой фильм?

– Ну, ты рассказывала, что мужик приглашал тебя посмотреть фильм об экскурсии...

– А ты как думаешь?

– Думаю, что посмотрела.

Засмеялась и закрыла лицо руками.

– Ой, тут ко мне попросились Люська и говорит: «Мне так нравится как ты одеваешься, но я хочу тебе сказать, только ты не обидишься? Правда не обидишься?» Ну, пришлось пообещать. «К черному костюму, – говорит, – нужны черные чулки, а не светлые, два цвета делят фигуру, укорачивают ноги. Я ей говорю: это нужно учитывать тем, у кого ноги короткие и толстые. Я плохая, да? А чего она цепляет?

Я смеюсь. Ноги у нее действительно классные.

Любимые игры с членом:

– А можно потрогать? Можно? Можно? А чего ты боишься? Думаешь, я сейчас вот так отвинчу?

– ... ну посмотри, ну посмотри! Чего ты смеешься, ну посмотри, какой красивый! В следующий раз возьму фотоаппарат и сфотографирую! Для твоего Мирончика, ха-ха-ха!

Перед этим рассказал ей, как Мирон показывал фотографии своей голой любовницы.

20.3.2000. От Л: *Я тут почитала Пепперштейна в тенетах, интуитивно понятно почему ты в нем разочаровался. Слушай, а где эта ваша деревня, в которой так хорошо зимой? Я сегодня видела тягостный сон, мы там вдвоем и собак мой с твоей Клепой, и ты всё с моим мужем говоришь о делах, хочешь дом купить в лесу на речке. А он говорит, что около нас есть дом на продажу. А стоим мы почему-то в Рамле, помнишь, где мы на лодке катались в подземном водохранилище Ибн-Рашида, и мы гуляем, и вдруг потрясающий вид открывается, как в Барселоне на горе, там есть на горе крепость, кот. была построена на месте еврейского кладбища...*

Давай записки дальше

*Пурим сámeах!*¹⁸

Позвонил Бараш, и опять припомнил, что я написал про 15 человек на его вечере. Так и хотелось ему сказать: нудный ты, Эпаминонд Максимыч, ох, нудный!

Просил, чтобы я Кононову написал, может стихи его возьмется издать.

Сидели с Р на скамейке, смотрели на море, на закат. Она все поеживается – холодно. Но мой пиджак не берет: «Замерзнешь». Мы в дауне: разговоры о любви, воспоминания.

– Я так ждала твоего звонка! Я утром вставала с улыбкой, зная, что мы встретимся! Уроки в тот день пролетали! Мне даже училка та, с которой я подружилась, сказала: «Ат нирьет меушерет»¹⁹. Как я была увлечена! Сейчас не то. Но все равно...

21.3.2000. Поехал один в Иорданию. Жена не могла, а Р я не стал рассказывать, сам погуляю, может что-нибудь подвернется. Пересекли границу у Бейт Шеана, на пропускном пункте пусто, буднично. Поднимаемся в горы, карнавал цветов. В основном зеленый и ярко-желтый. Три женщины достойны внимания. Очень милая девушка-экскурсовод с прямыми длинными волосами цвета стали, и такие же стальные глаза, губы «неправильные», с дырочкой посередине, очень милая, и одна черненькая, лет двадцати пяти: короткая стрижка, красивые умные глаза, но толстая, и с мамой, у той такие же тяжелые бочки пониже спины. И одна

¹⁸ «веселого Пурима» (ивр.) – праздничное пожелание

¹⁹ Ты выглядишь счастливой (ивр.)

дамочка лет за сорок, но ничего, только курит все время и неприятные складки от углов рта к подбородку. Может и под пятьдесят. Дамочка клюет.

Крепость Аджалун на вершине. Построил какой-то полководец Саладина в 12-ом веке, или отнял у крестоносцев. Наверху холодно. Мелкий дождь.

Герат. Марк Аврелий сидел тут три месяца. Мощные улицы, огромная площадь, окруженная колоннадой, храмы, театр, триумфальные арки. Руины моста уводят на ту сторону оврага, где муравейник арабского города, и мост завис над мечетью... Досмотреть не дали, повели жрать. Я не пошел, пробежку сделал по античности. Успел вовремя вернуться к сборному пункту. Чернявая сказала: «Вот умный человек! А мы жрать пошли, как идиоты». И добавила: «Молодец!» А мамаша мне: «Я вам только скажу, что получить от моей дочери такой комплимент совсем не просто!» Дочка сверкнула черными глазами.

Бегая по Герату, познакомился с англичанином, крупным мужчиной лет пятидесяти, говорящим медленно и степенно, с абсолютной уверенностью в вескости своих слов. Тоже восхищен Гератом, но не согласен с тем, что человечество за последние две тысячи лет деградировало. Деградация шла, он готов согласиться, до того момента, как был изобретен транзистор. С транзистора началась новая эра, мы пошли вперед семимильными шагами.

Гора Нуво. Обетованная земля внизу, в тумане. Сеет мелкий дождь. Развалины византийской церкви, мозаики. Вечереет.

Амман – большой город, новые дома, огромные гостиницы, потоки машин. Отель – пять звездочек, шик без изыска, но и без прижимистости. После ужина группу повели в ночной клуб, а я пошел спать. Дамочка сидела в фое. «Вы разве не пойдете в клуб?» – «Нет. Устал (чистая правда). Пойду спать». Надо было ее пригласить, думаю, но промолчал. Группа собралась (в вечерних туалетах!) и отправилась в ночной клуб, на фолклор. А у меня просторный отдельный номер. Расположился в одиночестве под пуховым одеялом, представил себе поочередно всех троих в огромной постеле, потом поразвлекся с Ясперсом (взял с собой «Ницше и христианство»). Но, как говорил один осёл: песок плохая замена овсу. По ТВ ловился только второй израильский канал, там какой-то стендапист изгибался. Жарко, нещадно топят. Плохо спал.

22.3. Утром за завтраком чернявая Ифат спросила:

– Что ж вы не пошли вчера в ночной клуб? Было очень мило. Ципи (дамочка) нарядилась в бедуинку...

Я сослался на усталость. «Кроме того, – говорю, – книжка была интересная».

– Да? Какая же?

– «Ницше и христианство», – сказал я высокомерно. И добил ее:

– Ясперса. Был такой философ.

Она уважительно покачала головой. Спросила:

– А чем вы занимаетесь?

– Как вам сказать... Вроде как писатель, да. Звучит громко, но так оно и есть.

Она проявила еще большую заинтересованность. А когда я признался, что пишу о Христе, потребовала разъяснений и подробностей. В автобусе мы сели рядом (мама косилась с явным беспокойством), и я вдохновенно предался любимому занятию: распускать хвост перед случайной бабой. Оказалось, что Ифат тоже не лаптем щи хлебает: студентка, учит философию в Иерусалимском университете, мы увлеклись разговором, не слушали объяснений и не замечали дороги. Благо туман был густейший, автобус полз в направлении крепости Монтроалья. Первоначально намеченный маршрут на Крак де Моав, разбойное гнездо Рено де Шатильона, отменили голосованием, народ боялся, что останется мало времени на Петру. Я оказал слабое сопротивление, мол, именно из-за Шатильона и поездку затеял, а мне объяснили, что крепость Шубак, она же Монтроалья, «красивее» и лучше сохранилась. Наш иорданский гид даже пытался рассказать, какой плохой человек был Рено де Шатильон, караваны грабил,

плевал на все и всех, «бед гай», а я ему: «ай лайк ит». Бунт на корабле поднял Одед, который оказался еще и левачком в придачу, говорил мне, что верит нашим генералам, которые хотят отдать Голаны, потому что «они там кровь проливали», а я ему про Петэна рассказывал, как он за Францию кровь проливал, а потом отдал ее Гитлеру. Но тут я его поддержал: ему не нравилось, что мы уклонились от плана, мол, он заплатил за Крак. Его успокоили, а я тоже не стал скандал поднимать, уступил им Крак, но разозлился. И все свое вдохновение злобы излил на бедную Ифат, мол, евреи не воины, отсюда и Катастрофа, да-да, именно евреи виноваты в Катастрофе, а не немцы, она говорит: получается у вас, что женщина виновата, в том, что ее насилуют? «Быть женщиной, как и быть евреем, это уже провокация. А быть привлекательным и слабым – провокация вдвойне. Слабость – это провокация и вина. Человек обречен сражаться». Я был в ударе, рассказывал ей о самураях, о том, что быть воином не противоречит утонченности, и дело тут не в воинственности, а в самоотверженности. Она сказала, что это эстетизация смерти. «Конечно, конечно! – соглашаюсь. – Это же вызов смерти! А победить смерть можно только полюбив ее!» Девушка была «готова». Мамаша даже подошла и пожаловалась, что дочка ее бросила. Та ласково, как больную, ее успокоила. Вдруг автобус остановился, и мы вышли в туман, из которого торчала небольшая пожелтевшая колонна. Оказалось, что тут кусок римской дороги, причем двухполосной! Так странно: посреди пустыни – следы великой цивилизации, двухполосная каменная дорога с желобками-рельсами для телег...

Спросил у Ифат, нет ли у нее знакомых в литературном мире. Хочу, мол, книгу свою на иврите издать. Обещала разузнать.

Когда подъехали к крепости, туман чуть рассеялся, но еще висел в долинах внизу, и крепость выросла из него, как огромный щербатый гриб... Туман цеплялся за голые ветви редких деревьев, и грубые каменные скиты напомнили зимние пейзажи старика Брейгеля.

Опять разозлили всякие рассуждения объяснялки о том, что крестоносцы строили крепости для своих коммерческих шашней и угнетали местное население. Да посмотрите, говорю (круглые башни вставали из тумана, и крепость вместе с горой будто плыла гигантским кораблем вдоль ущелий), разве такое воздвигнешь ради шашней?! Тут дух завоеваний, тяжба с неизведанным! «А вам не жалко тех бедняг, которые тут камни тоскали и умирали?» – спросила сердобольная Ципи. Да все, говорю, умирают, рабы и господа, а вот это остается. Попытался перевести ей (спор шел на весь автобус) «рабы, чтобы молчать, и камни, чтобы строить» «великого поэта Мандельштама», но про Мандельштама в автобусе никто не слышал, а «молчание рабов» возмутило Ципи до глубины души (надо было ее все-таки пригласить в мою огромную спальню). «Значит права личности уважать не обязательно?» – язвительно подхватил Одед ее возмущение. Ну все, думаю, опять записали меня в фашисты.

На обратном пути еще лаялись за Косово и Чечню. Одед этот в Америке живет, работает в лаборатории Белла. Такой преуспевающий транзистор.

Петра была тайной набатеев – город, вырубленный в скалах. Идешь долгим, узким ущельем, вокруг сдвигаются щербатые, выветренные горы в черных дырах пещер, они обступают тебя как сказочные чудища, и вдруг, внезапным освобождением, ущелье кончается, выводит на площадь с огромным эллинистским храмом, выбитым в красной горе. Села хаадом²⁰.

Толпы туристов. Старые тайны нынче хорошо продаются...

23.3. От Ф: Как съездил? Петру видел?

Мне трудно представить, переключиться, что завтра уезжаю, вся в буднях и заботах. Так глубоко нырнула, что и не вынырнуть, кажется. Купила Юнга «Алхимия и философия», и оставила в книжном проспекты своих лекций, вдруг кого заинтересует.

Все пропахло весной, здорово и тревожно.

²⁰ Красная скала (ивр.)

А как сын в армии?

Петра – тайна, засиженная мухами-туристами

Сильнейшее впечатление – Герат. Почти целый античный город, заложенный еще Александром Македонским. Руины моста через овраг ведут в никуда, в однообразную тесноту-мельтею плоских арабских крыш.

Да, весна...

Сын жалуется на безделье – не дают им повоевать (слава Богу). Настроение нормальное.

Хочу надеяться, что по возвращению увидимся.

Позвонил Р. Рассказал о путешествии

– Я очень рада что ты позвонил. Неожиданно. Я уж как-то и не жду теперь...

24.3. Жена утром щебечет:

– Я позавчера, когда к курицам пошла (на работе), а там у нас кошки, их от мышей держат, так одна кошка, огромная такая, вдруг стала так ластиться, я прям поразились, об ногу терлась, хвост трубой, я ее погладила, так она от меня не отходила...

– Кот, наверное.

– Может быть. Такой ласковый, я прям поразились. Я вообще кошек никогда не любила. У нас была в детстве кошка, она однажды взбесилась, залезала по занавескам под потолок, порвала занавески, и сидела там орала, ее потом в старую сумку запихнули и отвезли на вокзал, а она через день вернулась...

Ходили на японский балет, «Санкай Джуку». Игры света и тьмы, странная музыка. Большие стеклянные круги-тарелки, висящие на тонких тросах. Когда их покачивают, летают блики. Танцоры лежат на них, сворачиваясь и разворачиваясь, как цветы. Фиксирован каждый момент движения. Скульптурность. В европейском балете прыгают, бегают, крутятся, летают, а здесь – медленно плывут. Балет не движения, а жеста. Что характерно. Да, еще живой кролик, подсвеченный, в чаше на высокой ножке. Этаким дзен-кролик.

Но слишком много повторяющихся приемов. Как, например, раскрытые рты. Иногда кажется скучным, но все равно хочется смотреть еще и еще. Завораживает.

25.3. Случайно наткнулся на свое имя в каком-то невнятном сетевом разговоре, судя по всему, двух литераторов:

Цырлин: 16 Sep 1999 (12:34:39)

Торин, Вы, что ли, считаете, что если в произведении нет детективного сюжета, всяких хохомчек (типа назойливого сравнения сотрудников с карасями и щуками) надуманных эпизодов итд – то это уже не литература, а всего лишь журналистика?

Материал отчасти интересный, но его надо, тсказать, уметь преподнести

Мне, знаете, что понравилось из прочитанного в последнее время? Наум Вайман, Описание жизни в Израиле середины 90х в форме дневника. Эпизоды из жизни (от быта до политики), параллельно этому – рассуждения автора. Читать достаточно интересно, хотя интриги как таковой нет, а Израиль меня лично интересует заметно меньше, чем, допустим США. (Не говоря уж об общественной позиции автора – нечто вроде израильского Эдички Лимонова. Этаким ебарь-патриот (я конечно извиняюсь). Тоска по древним принципам, разрушаемым злыми либералами в сочетании с неразборчивостью в личной жизни. Думаю, что когда автор очень старается быть увлекательным, забавным, остроумным и т.п., то результат обычно получается прямо противоположным

Торин: 16 Sep 1999 (21:20:21) Цырлину:

Щель обетованья я читал, но писать в таком стиле желания нет. Хотя в Израиле жил 3 года и многое видел. Все люди разные. И восприятие у них разное. И потом, «Кризис» уже написан, к этой теме вернуться вряд-ли.

Левон: я не о любви-нелюбви, я просто не воспринимаю напыщенную одиозность Бараша как профессионализм, хоть Вы меня укусите:

Мне сложно судить.

Пока я вижу только защиту Байтов-Бараш действует вполне грамотно.

Насчет остального.. ну Оля Медведева-Премингер и Наум Вайман, конечно, тартареновски хороши, но у каждого издателя такие есть.

Марику пятьдесят. Подарил ему свою книгу. Если вам за пятьдесят – это ваша книга, как написал какой-то критик...

26.3. Звонил Пете Криксунову на предмет издания на иврите, «посоветоваться». Петя держит дистанцию. Послал ему книгу.

Родная гостиница забита туристами. Побрели по набережной, зашли в первую попавшуюся. Мужик с кавказским акцентом и сломанным носом посоветовал (по-русски) сначала посмотреть номер. Поднялись. В таком убогом логове мы еще не спаривались. Но таскаться в поисках...

– Ну как? – спрашиваю.

– Ну что уж..., – сказала, – ладно.

Я спустился, бросил кавказцу: «Это, конечно, не Рио де Жанейро» (кажется, он не оценил мою начитанность), заплатил за номер и вернулся.

– Да, номер, конечно..., – сказала она.

– Так чего ж ты не сказала?!

– Я думала, что ты уже заплатил.

Но ничего, скоро мы позабыли про эту убогость. Начисто позабыли.

– Если бы я была большим крокодилом, я бы тебя всего проглотила, и ты бы сидел у меня внутри... А знаешь, всё что от тебя в меня вошло, еще там шевелится...

Принес ей книгу. Потребовала надписать. Долго мучился. Тогда она открыла ее на случайной странице: «Вот, прям из книги. Пиши: «Чудо в ней внезапная милость и случайный покой». ... Вот вроде бы обычный день, а какой хороший! Ты мне подарил такой чудесный день! Я уж и не думала, что такой может быть. Как будто я давно тебя не видела. Те два раза не считаются. Значит, я тебя три недели не видела...

Звонила Ифат, дала телефон университетского издательства. Предложил встретиться, но она уезжает в Германию.

От Л:

Вчера ездила в N-Y, на свидание с сыном. День был теплый, солнечный, город красавец. Вспомнила про твою улицу в Милане. Погуляла в централ парке, все цветет, запах весны, посидели в ресторанчике открытом. Потом, к вечеру, пошли в джаз-кафе, он там был и сказал, что подумал, что мне там должно понравится. Джазисты колоритнейшие... потом он меня посадил в электричку. Уже стемнело и в окошке, как в зеркальце потустороннем, я увидела совсем незнакомую тетеньку...

28.3.2000. От Л:

Мне понравилось про фрески во Флоренции и про улицу в Милане, в кот. ты влюбился. Матвея эпиграммка тоже ничего, а от комментариев я давно воздерживаюсь... Ты наметил уже жертву для перевода на иврит? Как дела с Христом? Вот уже и папа Римский полумертв, а ты все тянешь, все оттягиваешься, все у тебя отговорки разные. Не пора ли послать подальше свои развлечения и засучить рукава?

Заехал к Гробманам. Подарил книжку. Написал: «крестным». Мише не понравилось. Мол, у евреев крестных не бывает. Попросил взять в кавычки. Еще попросил поставить число. Серьезно относится. На столике лежала заметка из «Литературной газеты» о «Зеркале» и «Иерусалимском журнале», где журналы названы «близнецами».

– Что за чушь? – удивился я.

– Ну дурак, дурак, – сказал Гробман об авторе заметки.

– Да ладно, – успокоила его Ира, – все-таки реклама. Правда, обосранная...

Рассказала, как по РЭЖе²¹ Вайскопф, Губерман и Окунь против одного Бараша дружно обсирали «Зеркало». Особо подло обсирал Вайскопф. Заявил, что «все их авторы к нам перебежали». Это был в мой огород камешек. Я закинул удочку насчет издания на иврите. Ира обещала помочь. Рассказала о пикировке с Эммой Герштейн в «Новом мире». Показала заметки.

Я еще подарил Гробману книгу Брусиловского. Гробман растаял. Сказал: «Ира... сходи там, принеси...» Ира пошла. Как я понял, за журналом. Молчу, Бараш велел не выдавать. То ли Гробман что почуял, то ли на всякий случай спросил – вдруг не придется расставаться:

– У тебя журнал есть?

Ну не смог я соврать. Не смог.

– Есть, – говорю, и улыбаюсь.

– Ира! – громко крикнул Гробман. – Не надо, у него есть.

Ира уже возвращалась с номером. Неловкость.

– У тебя есть? – переспросила.

– Есть, – говорю.

– Кто дал? – строго спросил Гробман.

И опять я не соврал во спасение.

– Бараш.

Гробман кивнул. Мол, разберемся с этим Барашем.

Уже у выхода, Гробман вдруг:

– Давай я тебе какую-нибудь книжку подарю, вот, про лысенковские дела, 47-ой год.

– Спасибо, Миш, не стоит, все равно я читать не буду, нет у меня времени.

– Ну давай чего-нибудь... вот, Пушкина, хочешь? «Евгений Онегин»?

Книжка была без обложки и первых листов.

– Ладно, давай.

Не отстанет ведь.

– Это, как газета, – объяснил он, – в метро читать.

Спросил у Гробмана, как ему выставка Паши? Язык у Гробмана, конечно, чесался, но рано, рано было сводить с Пашей счеты.

– Ну, можно сказать, что нет в ней ничего стыдного. А по нынешним временам это не мало.

Я не согласился. Сказал, что очень мало рисунков, как-то чересчур скромно и чересчур концептуально, то бишь идеологизировано, не искусство, а какой-то набор лозунгов. Гробман вновь промолчал.

²¹ Израильская радиостанция для репатриантов

От Л:

отпусти меня, старче, в синее море! Ведь и мне надо как-то жить дальше. Как Остап Бендер говорил – вчера на рынке мне предложили вечную иглу для примуса, и я отказался. Не хочу ничего вечного...

А желания кто исполнять будет? Причем три!

А у вас с сыном прям роман... Как тебе это удалось? Позавидуешь...

А как «дистанция», образовалась уже для рассказа?

Наум, привет!

Список №28

1. Сергей Булгаков. *Агнец Божий*. /Книга вышла в Париже в 1933 году тиражом 700 экз. (с тех пор не переиздавалась) и вызвала травлю со стороны церковных иерархов и теологов-ортодоксов (типа Вл. Лосского): Булгакова обвинили в том, что в его софиологии София трактуется как четвертая ипостась, что нарушает принцип троичности. Данный труд является вершиной творчества Булгакова, но не только. Цитирую предисловие (игумена Иннокентия): «В лице «Агнца Божия» мы имеем не только, пожалуй, самый значительный богословский труд XX века (рядом с ним могут быть поставлены разве что «Догматика» Карла Барта и «Систематическое богословие» Пауля Тиллиха), но и несомненную вершину русской софиологии, которая в свою очередь может рассматриваться как вершина всего греко-православного богословия». От себя добавлю, что, по моему разумению, русская софиология представляет собой завуалированное гностическое учение. Привожу названия некоторых разделов: «Христология единства (монизм)»; «Христология двуединства (дифизитство)»; «София Божественная»; «София тварная»; «Боговоплощение»; «Эммануил и богочеловек»; «Уничтожение Господа (кеносис)»; «Богочеловеческое самосознание Христа» и т.п./ М.: Общедоступный Православный Университет, основанный протоиереем Александром Менем, 2000 – 464 с – 112

2. Ги Дебор. *Общество Спектакля*. /Книга вышла в Париже в 1967 г., накануне молодежных волнений, которые отчасти спровоцировала. Автор – левый радикал крайнего толка; был обвинен в убийстве соратника (Жерара Лебовичи), после чего (правда, через десять лет) застрелился. Выработал учение о пассионарно-церемониальной негативности (противопоставление буржуазной спектаклярности свободной игры индивидуального конструирования ситуаций). Был самопровозглашенным лидером Ситуационистского Интернационала: радикальный потлач (этнологический термин Мосса), праздник дарения, не имеющий конца как образец грядущей революции. Книга имеет определенный интерес и для теории Рампы (автор – ярый рампоборец). М.: Логос (Радек), 2000 – 184 с – 55

3. Ханс Зедльмайр. *Искусство и истина. О теории и методе истории искусства*. /Автор (1896 – 1984) – выдающийся австрийский теоретик, последователь Ригля («художественная воля») и постоянный оппонент либерального Панофского. В 1932—33 годах был членом нацистской партии, за что ему после войны было запрещено преподавать и публиковаться (все работы 1946—48 годов вышли в свет под псевдонимами). В зрелом возрасте «канализировал» свою пассионарность в пылкий католицизм и привлек в интерпретацию опыт сакрального /«история искусства как история религии (и как история культа особенно) способна объяснить несравненно больше фактов, чем история искусства как история социума или история рас»/. Автор двух наиважнейших книг (по типу амбициозности сходных с «Закатом Европы»): «Утрата середины» (1948) и «Возникновение собора» (1950); в первой провозглашается «приговор-утрата», во второй – «синтез-возникновение» (спиритуализованный вариант «истории духа»). В данном сборнике представлена теоретическая квинтэссенция его идей. Есть ценные соображения, близкие к нашим «итальянским мотивам»: «Является ли то, что в своей мате-

риальной связности кажется нам целым произведением, действительно замкнутым целым – как, например, настоящая „станковая картина“ – или это лишь частичная целостность в большем целом, в которое мы должны мысленно вернуть произведение. Внешним границам произведения искусства – например, рамам станковой картины – нет необходимости совпадать с его „сущностными границами“. М.: Искусствознание, 1999 – 367 с., 10 илл. – 65

4. Макс Брод. О Франце Кафке. Франц Кафка: Биография. Отчаяние и спасение в творчестве Франца Кафки. Вера и учение Франца Кафки. /Незаменимый первоисточник. В «Приложениях» приводятся (впервые по-русски) наиболее интересные воспоминания других лиц о Кафке/ СПб: Академический проект, 2000 – 505 с – 104

5. Фр. Л. Йейтс. Джордано Бруно и герметическая традиция. /Крупнейшая современная специалистка (Англия) по ренессансному оккультизму, автор изданных по-русски книг «Искусство памяти» и «Розенкрейцеровское Просвещение»/ М.: НЛО, 2000 – 528 – 112

Во вторник, 21 марта, ко мне приходил, после довольно длительного перерыва, Миша Файнерман. Я отдал ему экземпляр твоей книжки, так что если ты еще ему не выслал по почте, то и не надо. Миша, конечно, выглядит плоховато, но, сколько я помню, он хорошо никогда и не выглядел. Во всяком случае, по его собственному ощущению, он вроде бы пошел на поправку (относительно, конечно); курит, по крайней мере, намного меньше. Чуток «пофилософствовали», но Миша очень скоро устает и больше лежит молча на диване, нежели «аргументирует».

На сегодняшний день я раздал уже больше 30 твоих книжечек.

И мне, наконец, передали (на дискете) твое письмо о Ренессансе. Отсутствие интернета причиняет все же массу неудобств.

Остановлюсь на нескольких моментах.

Самый интересный (по проблематике) раздел твоего письма касается «симбиоза» искусства и религии. Я полагаю, здесь сказывается тот огорчительный факт, что продвинувшись (с большим скрипом) в каком-нибудь важном направлении (например, в осмыслении схемы: Синкретическое единство – Жрец и Маг – Культура и Религия), – мы бросаем тему и не делаем тех выводов, ради которых было начато обсуждение. А суть выводов, которые, по моему разумению, с неизбежностью следуют уже из тех моментов схемы, с которыми ты вроде бы согласился, состоит в следующем. Дело не в том, что искусство «жмет к стенам религиозных храмов» (даже если ему самому так кажется и на большее оно не претендует – по крайней мере, осознанно), а в том, что оно обретает в архитектонике храма культовый синкретический хронотоп жреческого типа – и делает это не только независимо от религии магического склада (типа христианства), но и вопреки ему. А религия, пользуясь неосознанностью мотивов художника, контрабандно ставит себе на службу совершенно чуждую стратегию снятия индивидуации. Есть большой резон в твоей идее: христианство не возникло в результате проповеди Иисуса, а было выстроенным по классическому катартическому сюжету мифом, – но я бы переменил акценты. На самом деле христианство таки возникло «в результате проповеди Иисуса»; это была чистая эсхатологическая религия не снятия, а пестования индивидуации, предназначенная не для жизни, а для апокалипсиса – и потому абсолютно чуждая культуре (предназначенной именно для обустройства жизни). И такое христианство существует, но не внутри украшенного фресками храма, а в мистике и иконоборчестве, в регулярно возобновляющемся возвращении к «первоначальной чистоте веры». Что же касается «исторического христианства», то это типичный контрабандно-шизофренический комплекс (а вовсе не органический симбиоз), основанный на попытке спастись сразу двумя противоположными способами: жреческим (синкретическая катартика фресок) и магическим (иконаборческая стратегия «прямого» спасения). Искусство действительно спокойно может обойтись без религии (но не без «воспоминания» о своих жреческих синкретических корнях, которые старше религии). Религия тоже могла бы обойтись без искусства (продержаться на чистой

магии), но только очень недолго – в эпоху искреннего и массового ожидания близкого конца света. Поэт Тютчев гениально уловил в лютеранстве (самом массовом из иконоборческих порывов человечества) его глубинную суть: 1) в христианском храме не должно быть ничего, кроме голых стен (ибо катартика фресок знаменует собой языческое постоянство вечного возвращения); 2) молитва христианина (именно молитва, а не возобновляющийся пластический культ) может быть, по сути дела, только однократной, последней, «пороговой» (то есть анти-катартической).

*...Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.
Не видите ль? Собравшись в дорогу,
В последний раз вам вера предстоит:
Она еще не перешла порогу,
Но дом ее уж пуст и гол стоит.
Еще она не перешла порогу,
Еще за ней не затворилась дверь...
Но час настал, пробил... Молитесь богу,
Последний раз вы молитесь теперь.*

Иными словами, истинно христианская молитва предполагает последующий «прорыв в инобытие», окончательный шаг в потусторонность, а не благополучный возврат к земному благоустройству циклического времени, обеспечиваемый катартикой (в том числе и фресковой). Добавлю, что такие порывы не проходят даром и ведут к не менее мощному откату: протестантизм стал в конечном итоге религией благоразумного и бескрылого обустройства здешнего мира. Впрочем, «конечного итога» здесь быть не может: пример протестантской «диалектической теологии» (Карл Барт, Бультман и др.) показывает, что жив еще курилка – зловерный миро- и человеко-ненавистнический дух проповеди Иисуса.

Когда же апокалиптический пыл угасает, религия становится (как ты и отметил) по большей части катартическим мифом – и наступает эпоха контрабанды и сотериологической шизофрении.

*Остаюсь всегда твой
Матвей*

29.3. От Л:

*сегодня получила книги, Агнона и «Альбом», большое спасибо. Да, с сыном бли айн ра²².
Я давно умираю рассказать, но... боюсь опять не поверишь, как с поцом и натуропатом, тем более, что мне и самой не верится. Давай, говори желания, посмотрим, что я могу для тебя сделать.*

Первое желание – погоди пока с синим морем. А насчет веры... Всегда хочется чтобы рыбка золотая только у тебя бы трепыхалась в ладошках...

Давай, рассказывай.

Матвей, привет!

В связи с моими историческими изысканиями, мне жутко интересно понять тот узел, где завязалась религия Спасения, определившая нашу цивилизацию, и Булгаков в этом плане пригодится, спасибо, и вообще, твои соображения о Христе были для меня очень ценны. Да,

²² Буквально: «без дурного глазу» (ивр.) Русский эквивалент: «тьфу-тьфу, чтоб не сглазить»

все дело в апокалиптике. Иисус был воинственен и неистов, и это «подходит» апокалиптической направленности его проповеди: если конец света за углом, думать некогда, надо решать. У меня вообще сложилась довольно ясная картина того идейного и исторического контекста, в котором он действовал. История долгая, если захочешь, изложу, но вкратце суть дела в том, что эпоха прямого взаимодействия с эллинской, а затем римской цивилизациями, которая началась с войны с греками и закончилась войной с Римом и разрушением Храма (примерно лет триста) была эпохой нарастающих апокалиптических настроений. Котел долго кипел и все ждали взрыва, а многие его и жаждали. Эту перманентную войну с античным миром нельзя было выиграть (слишком неравны силы), но и нельзя было от нее «уйти»: никакие формы «покорности» не каналы, и дело не в степени политических или идеологических компромиссов, просто эллинская цивилизация полностью поглощала. Компромиссов было много, пытались как-то переделать, приспособить религиозные установления, шел процесс ассимиляции в греческой культуре, прежде всего со стороны знати, но постепенно расширяясь, культура эта пленяла не только цивилизационными достижениями, но и интеллектуальной высотой и свободой, это было как оползень. И если не оказать сопротивления, можно было распрощаться и с верой, и с гордой идентичностью избранного народа, детей Бога, а сопротивление вело к физическому разгрому. Осталось только надеяться, что Господь поможет, надеяться на чудо, на пришествие Мессии. И эта отчаянная вера все крепла и накалялась. В конце концов все созрело для веры в Его приход, его искали уже под каждым кустом, и любой смельчак мог объявить себя народным Пастырем, посланным Богом, и таких было много, земля кишела юродивыми и авантюристами, но, как всегда, в этой жесткой конкуренции мог победить только один... Все, что Иисус сказал о себе и о том «царстве Божиим», что он пришел провозгласить, записано во множестве апокалиптических книг того периода, и тексты огромной библиотеки, спрятанной на две тысячи лет в пещерах Иудейской пустыни, убеждают в этом. Он занял готовую нишу, пришел на уже нагретое место, по принципу: вы хотите песен, их есть у меня.

И ведь по сути произошла интересная вещь: духовная мощь сопротивления была так велика и так бескомпромиссна, что эта сопротивляющаяся цивилизация (иудейская) не только заинтересовала греков, но и увлекла их. Тут и перевод Торы на греческий семидесяти толковников, и возникшая литература взаимовлияния (не исключено, что единобожие стоиков из того же источника), и я теперь вижу, что и христианская и гностическая теология вышли из иудейской апокалиптики. А кончилось тем, что греко-римский мир принял иудейского Бога, как своего, а сына его, как своего Спасителя! Так что как бы и неясно, кто в конце концов победил, кажется, борьба идет до сих пор... А разве современная западная технологическая цивилизация не пожирает все своей всеядной свободой? И она так похожа на греко-римскую...

30.3.2000. Пятница

Вчера ездил к Саше К., деньги отдал, подарил книжку. Он полистал, понял, что дневник, и говорит: это удивительно, что ты еще не потерял интереса к себе. Он выкупил у Лейбовича магазин, продает все книги по пять шекелей. Я, покопавшись, отобрал несколько. Они ездили в Испанию и у Веры новая картина: «Ярмарка быков». Понравилась. Мне нравятся ее картины. Такой темпераментный колорит. Хотя ей уже за семьдесят. Саша, провожая, удивил, бросив: «Вообще, надо найти что-нибудь...» – «А вот это, – говорю, – я на сто процентов поддерживаю!» И мы похихикали. А до поездки играл с кабанчиком (задрал его!), и он туда же: после такой игры хорошо бы пару девиц! «Ну, – говорю, – ты к девочкам еще не наладился?» Стал жаловаться, что нет денег и времени. А какую он активную половую жизнь вел лет до сорока пяти! Но рассказ отложили до следующей игры.

От Саши хотел позвонить Р, но не получилось, потом торчал в пробках и поздно приехал... Вот и сосет тоскушенька, хоть стихи сочиняй.

Жена обозвала «творняшкой». Утром гуляли в парке. Держит меня за руку, подпрыгивает, на качелях качается. «Ой, какие большие вороны!» Нюхает только что распустившуюся чайную розу: «Понюхай, как пахнет! Нет, это с ума сойти! А эта, старая паршивка, вроде все тоже самое, а не пахнет. Вот она, жизнь...»

От Л:

он очень похож на тебя, только чернокожий. Веришь? Если веришь, буду дальше докладывать...

Верю, верю

Дю получил, спасибо. Нашел что нужно, перевозжу потихоньку

А вообще грустно мне. С тоски работать подрядился, недели две без продыху. Все равно Христос в тунике. Читаю «Евангелие от Иуды» Панаса. Радует только что я этот «уровень» прошел. Все они опираются на евангельские рассказы, как на костыли. Но это неинтересно. Надеюсь, что созрею для чего-то другого...

А про поца я не то чтобы тогда не поверил, а поразился тому, что казалось мне невозможным (не в смысле твоей «измены», а в смысле «уступки» такому поцу), ну а с парасихом ты же сама призналась, что мистификация. Я был готов поверить, но описание вычурного секса было уж чересчур «литературным»...

Kozin i Barash

Дорогой Николай!

Я рад, что вы вернулись. Козина и у нас певали в семье, вернее отец пел (он и на гитаре брэнчал немного), у него был высокий баритон. Эта «болезнь» перешла и ко мне: я тоже брэнчу и люблю попеть, хотя Бог талантов не дал. А Козина я слушаю минимум два раза в неделю, когда еду на работу, ставлю свою любимую кассету, я ее записал с диска, называется «Осень», интересно, тот ли это диск, что вы купили. Я помню жутковатую сцену, когда несколько лет назад Козину (незадолго до смерти) дали какое-то звание (заслуженный артист России?), и к нему в Магадан приехала делегация во главе с Кобзоном, и Кобзон, «в честь нашего заслуженного», вздумал какой-то романс затянуть (а певец он абсолютно деревянный), так Козин его прервал, говорит, дайте-ка я попробую, тряхну стариной, и запел. Голос-то уже старческий, дребезжащий, одной «душой» спел, но такой был «переход», будто после машины живой человек запел....

А с Сереежей Надеевым я действительно лет десять назад познакомился, через Витю Зуева, обсуждали возможность издать мои стихи. (Кстати, о стихах. Напоминаю вам о своем «запросе» насчет возможности издать стихи Александра Бараша.)

Из вашего замечания о том, что о прозе «говорят всякое», я понял, что не в восторженных тонах говорят, но все равно интересно. Хотя, конечно, важнее что напишут, если напишут... Вот в интернетовском (почти интернатовском) «Русском журнале» (<http://www.russ.ru/krug/vybor/info86.html>) кто-то написал: «Опять-таки произведение, хорошо знакомое посетителям русской Сети; на „Инфоарте“ оно было вывешено под куда более горячим заголовком „Щель обетованья“. На бумаге, чего греха таить, выигрывает: рефлексии вокруг израильского житья-бытья бывших российских интеллигентов лучше читать при мягком свете ночника, а не при зловредном мерцании монитора. Вне всяких сомнений, Вайману удалось эротизировать; если вам за пятьдесят и потенция сбоит — это ваша книга». И на том спасибо. Не понял только слова «сбоит».

А что, французы «рефлексией вокруг израильского житья-бытья бывших российских интеллигентов» не интересовались?

Всегда ваши

Наум

P.S. Привет Марианне. Что с ее планами посетить наши края?

Бараш предложил сделать в следующий четверг капустник на крыше, чтобы каждый что-нибудь выдал в чуждом жанре: Гробман чтоб спел, а Гольдштейн сплясал. Осторожно катанул маленькую, пробную бочечку на Гольдштейна: «Что-то Гольдштейн в последнее время, как отмороженный. А ты с ним общаешься?» Успокоил его, что изредка, по телефону.

От Л:

Ты мне обещал перекинуть кусочки из Толдот Ешу²³. С натуропатом я перепутала Гудзон с Ист-Ривер, а не выдумала... как там астральное тело? И райские куци? Давай записки дальние. Убегаю на работу. Не грустите юноша...

«Я ей сказал, что если она будет путаться с евреями и матадорами...» Откуда это, помнишь?

Я купил сканер, но еще не освоил. С его помощью мог бы перекинуть кусочки из Толдот Ешу.

С натуропатом все-таки было чересчур литературное описание, вся эта лизня промежуточных... Может ты испытывала неловкость, рассказывая мне об этом, какой-то был в «рассказе» излом... Так как идут с ним дела?

А что с негром? Ты влюблена? В каком смысле на меня похож?

Астральное тело пока в подвешенном состоянии.

В следующий четверг (6.4.) у меня будет вечер, вернее, вечеринка, «на крыше».

А книгу ты уже должна получить...

1.4.2000. Суббота. От Л:

Получила книгу! Не понимаю, как можно было в ней разочароваться... тоже мне, отец. Я не хотела чтобы тебе было тоскливо, а хотела чтоб обнявшись посмеяться вместе за пивом.

А шрифт, мать, разве не мелкий-бледный? Перечитывать будешь? Или надоело это все...

Посмеемся за пивом? Не знаю. Хотя сегодня первое апрель...

Ну так что, будем признаваться или будем дурака валять?

От Ф:

Понимаю, сама не люблю хныкать, боюсь быть в тягость, признаваться в своей уязвимости и слабости, боюсь непонимания. Но мне так хочется, чтобы между нами этого не было, и чтобы открытость наших отношений разрешала и пожаловаться на жизнь, если тяжело на сердце.

Как книга? Появляются рецензии? Ты собирался делать презентацию?

А как пишется новый роман? Ты мне давно ничего не присылал.

Муж снова уехал на две недели. И как всегда, когда он уезжает, случается какая-то гадость. На следующее утро меня разбудил крик дочери, я вскочила и увидела нашего кота,

²³ История Иисуса (ивр.)

бегающего по квартире с воробьем в зубах. От этого зрелища завопила и я, и бросилась в спальню. Я-то вопила от неопишемого и необъяснимого страха, ребенка же ситуация очень забавляла, особенно моя реакция. Кот был в упоении от успешной охоты, в нем проснулись первобытные инстинкты, и он угрожающе рычал, спрятавшись под столом. Но воробей, видимо, оказался не таким вкусным, как рыбка, которой мы его балуем, и он выпустил трупик, решив использовать его как мячик, и стал футболивать им по квартире. Тут ребенок его отобрал и выбросил. Я же трусливо стояла под дверью, пока она все не сделала. Представляешь? Я не знаю, что бы я делала, если бы была одна (я почему-то всегда примериваюсь). Так бы и сидела в спальне. Совершенно парализующий ужас.

С 1-го апреля я перехожу на ставку. Да, день удлинили, буду работать до 4-х, а не до 3-х, как раньше, чтобы не работать в пятницу. Меня эта перспектива жутко угнетает.

Две недели подряд буду готовить лекции на иврите, и пока не в состоянии, все откладываю. Обдумываю, но не записываю.

Интересны мои уроки рисования, когда встретимся, покажу стихи. Учительница очень хвалит стихи и ругает картинки. А рисую я пока каждую неделю одно и то же: четыре времени года с помощью одной горизонтальной, двух-трех вертикальных линий и круга. И стих к рисунку. Лаконизм зверский. Так и нужно, чтобы ничего лишнего. И куча технических заданий. А урок – ее рассказ о том, что такое картина, как научиться их видеть, чтение стихов и всякие байки из жизни. Это пока – я сейчас в «подготовительном классе». Очень здорово.

После Пасхи собираюсь снова читать весь курс, но желающих пока – пару приятельниц, я не в ладах с рекламой и организацией публики.

Да, очень хочется увидеться.

Спасибо за длинное письмо. Созрело...

Книги пришли, хочу передать экз. Да, «занимаюсь» ею: рассылаю, звоню, организовываю вечера. А роман «застрял». Может и к лучшему. В воскресенье закончу в пол-четвертого, постараюсь позвонить, может, увидимся. Или можно в четверг днем.

Ты с работы уже не удираешь?

2.4.2000. В переменку позвонил Р – дома. Легче стало. Через два часа, когда учеников спровадил, опять позвонил:

– Я мучаюсь... А ты обо мне не забываешь?

– Я о тебе никогда не забываю. А тут еще книжка, я в тот день как начала читать, так полторы тетради проглотила. Ты все-таки умница.... Скажи мне что-нибудь...

– Мучаюсь я, чего уж тут еще говорить.

– Ладно, я буду считать, что ты сказал...

Домой возвращался веселый.

Дорогой Николай!

Конечно я не против всех этих куртуазных дел с французами, как и с любыми другими. Могу вас уверить, что если что выгорит, то и ИНАПРЕСС в накладе не останется. Ви жэ минэ знаетэ. На хорошее дело мы за ценой не постоим.

Ну а на статейку Топорова я бы все же взглянул, интересно. «Скучно»? ... Черт его знает, в общем-то, развлекательного там мало (особенно если вам не за пятьдесят). А насчет того, что «за большие деньги», это, конечно, грубо. Чтоб у него всю жизнь такие суммы за «большие деньги» считались.

Барашу передам ваш адрес. Могу и «предупредить» насчет денег, если вам это удобно. Хотя он «гордый». Со Сталиным был однажды такой случай: родня его грузинская стала просить за какого-то дальнего родственника, и Сталин, невероятно!, изъяснил готовность

сменить гнев на милость, только, говорит, пусть прощение попросит. Ну, через некоторое время родственники опять пришли, говорят: не будет просить. Сталин улыбнулся и сказал: «Гордый!» Ну и, конечно, секим-башика.

Козин – класс, согласен. Диска этого у меня нет, закажу в Москве. А ведь отец именно эту песню пел, я с детства помню, он с мамой в Куйбышеве познакомился: Волга, Жигули...

В четверг будет такой келейный сабантуйчик для «друзей» -литераторов – надо вроде обмыть это дело, книжку то бишь. Уж и не знаю, чем их развлечь, кроме водки.

Вчера пришли суховеи. Они всегда в начале апреля появляются с одуряющим запахом цветущих цитрусовых... И от них какая-то слабость и мрачность...

А у вас, небось, веселенькая весна...

Всегда ваши

Наум

От Ф:

Жаль, что не позвонил сегодня, в хамисы у меня урок рисования.

Я могу иногда выйти на час-другой, только если нет всяких мероприятий, или уйти пораньше...

3.4.2000

После работы поехал в «Вести», Гольдштейн познакомил с Зайчиком. Редакция похожа на муравейник. У Зайчика закуток за ширмочкой. Большой такой толстый зайчик, довольно доброжелательный, с хитринкой. Предложил дать для газеты «что-нибудь из дневников». «Можно об известных людях. В свойственной вам деликатной манере...» Преподнес ему книгу.

Потом погуляли с Гольдштейном. В одно пустое, уже закрытое кафе впустили две русские девицы, одна – красивая-разбитная за сорок, другая – деревня под двадцать. Взяли по соку. Преподнес ему книжку. Надписал: «Соучастнику». И «с благодарностью за дружбу». И правда, я в последнее время испытываю к нему какое-то особое расположение. И поздравления его искренни и завистью не отравлены.

Красивая-разбитная за сорок тоже располагала.

– Жалко, – говорю, – книжку лишнюю не взял, подарил бы вам, почти уверен, что вам бы понравилось.

– Какую книжку?

– А вот! – Гольдштейн охотно продемонстрировал. – Видите, его книжка!

– Детектив что ль?

– Ну, не совсем, – замялся Гольдштейн.

– Про любовь, – говорю.

– А где, где книжка? – оживилась «деревня».

– Вообще-то, – говорю, – и магазине можно, наверное, купить.

– Нуу, это надо деньги платить, – сказала «деревня».

Бараш звонил. Мурыжил на тему письма Кононову. Да какой он человек, да как себя с ним вести.

– Учти, – говорю, – он в делах жесткий.

– Так что надо поддаваться?

Я засмеялся.

– Ну я тебя серьезно спрашиваю! – обиженно и даже резко одернул меня Бараш. После паузы продолжил:

– А он текст правит?

– В смысле ошибок? Не знаю, есть ли у него корректоры...

– Нет, ну там, может сказать, что вот эта фраза ему не нравится...

– Да ты что?! Название книги – это еще туда-сюда, тут он может свое мнение высказать, но все равно тебе решать.

– А как он...

Долго выпрашивал. Потом о вечере: нет, ничего не придумал и народ пассивный. Спросил опасливо, кого я пригласил. «Никого», – говорю. Расслабился. Сказал, что Дану не пригласил, кажется, она на меня обижена. Сообщил, что Дана с Некодом издали поэтическую антологию, но меня она не включила.

Он сделал паузу, видимо, ожидая грязной ругани.

– Включила своих учеников, – продолжил. – Ну как же, у нее целый такой поэтический кружок, птахи там всякие, Регев – красная шапочка, я тоже у нее один раз читал, свои последние, так там один, Шпарк, или Шперк...

– Шваб?

– ...да, вроде, его там за поэта держат, так он высказался, что это, мол, прозаическое описание путешествий. Да? Вот так, пишешь двадцать лет, где-то там как-то существуешь в литературе, и вдруг приходит какой-нибудь Шпарк-Шперк, ну Шваб, Шваб, да... я ему чего-то сказал, а я, ты не представляешь себе какой был сноб когда-то, это я сейчас добрый и старый, а в молодости... в общем, я ему что-то сказал, так он ушел...

Рассказал («только между нами, да?»), что Ира Гробман хвалит мою книгу («Ты же знаешь, они к тебе вообще-то не очень, да?, а тут прям... говорит лучшая книга о нашей тут жизни, а для них похвалить – ты знаешь это...»). Тут я вспомнил, что надо бы Гробманов пригласить, хоть они о вечере знают, конечно, и придут, но надо пригласить. Позвонил. Ира сказала, что «посмотрела» книгу и нашла, что я много поработал, что стала гораздо лучше, и вообще хорошая получилась книга. Ну, спасибо, хорошо если так.

Не скрою, приятно было.

4.4.2000. Уже тепло. Встретился с Ф, перекусили в порту. Выясняли отношения.

Надо завязывать. И чем резче, тем лучше.

Тоже (как жена) хочет, чтобы мужчина не телом ее интересовался, а душой.

... – Ты был для меня, и сейчас есть, самым близким человеком. Если я думала о ком-то, кого хотела бы видеть всегда рядом, кто был бы мне опорой...

– Ну, тут ты сильно ошиблась, я никогда никому не служил опорой. Я это занятие не люблю.

– Да, я потом поняла... Я тогда, в июле, позволила себе открыть все шлюзы..., но ты, надо отдать тебе должное, ты меня постепенно погасил...

– Значит, экзамен на пожарника выдержал?

– Вполне.

Для Л: *Так ты влюблена?*

Как часто вы видите? Сколько ему лет? Чем занимается?

А насчет свиданыща – я был бы рад.

От Л:

Так приезжай, гостем будешь дорогим, за одно и познакомлю. Он русский знает, в Москве был, на выставке, в Питере, в 77 году, кажется.

6.4.2000. Проснулся рано. Читал Розанова. «Сущность молитвы заключается в признании глубокого своего бессилия...» Это прямо по Ницше: «Когда болит душа – тогда не до язычества».

Позвонил Марк Зайчик

– Наум, я прочитал вашу книгу...

– Как, уже?!

– Да, вчера до пяти утра читал, не мог оторваться. В общем, Наум, я ваш поклонник. Вообще в России она, по-моему, должна произвести фуррор... Принимаю любой ваш материал, без ограничений, кроме, пожалуй, одного: я при слове «трахать» вздрагиваю. Ну что делать, я старый, толстый, больной еврей...

– Да бросьте вы, Марк...

– Ну и топтать кого-то тоже, конечно... А так, все что угодно, о нашей жизни, что-нибудь мускулистое...

Позвонил в Москву Мише. Голос пободрее. Книгу читает. Напишет. Не обиделся («Да я не обижусь, хоть назови меня старым девственником»).

– Наум, ты человек общительный, найди мне жену. Чтоб была добрая, с ребенком или без ребенка, мне все равно. И не обязательно чтоб понимала в современной литературе. Достаточно, если Гоголя читала. Мне нужен человек рядом. А если я женюсь, тогда я к вам приеду.

От Ф:

Почему не пишешь? А я с таким интересом читаю твою книгу, не оторваться. Или она здорово изменилась по сравнению с текстом на интернете, либо мое восприятие так резко изменилось. Но она стала четче, более концентрированной, и более искренней. По-настоящему искренней, от сердца, а не от желания шокировать, «резать» правду-матку. Или демонстрировать интимные стороны жизни. Выстраданной и выпестованной.

И мне тебя не хватает, потому что хочется «бросить реплики», а пока до компьютера дойду, помню не все.. Хоть с тетрадкой читай. Знаешь, а пожарник из тебя никудышный...

Продолжая чтения, я не смогла удержаться «в рамках» объективного читателя, и мелкие чувства типа ревности и обиды стали брать верх. Человеку важно чувствовать свою незаменимость, единственность, уникальность. У тебя же такая мозаика женских лиц и... других частей тела, что мне очень неуютно в этой шумной компании. Кто я для тебя? Еще три строчки в романе?

Я рад, что тебе интересно читать. Ты права, что «человеку важно чувствовать свою незаменимость, единственность» (отсюда и ревность), но мы ж для того и занимаемся философией, чтобы изжить это себялюбие?

От Цветкова:

Наум, на днях беседовал с Сережей Гандлевским, и он видел твою книгу, правда, под другим названием, на московских прилавках. С чем и поздравляю. Если уже есть рецензии – сообщи где.

А пишу я вот по какому поводу. Сережа живет в России, которая мне уже ненавистнее зубной боли, и хотя повидаться с ним хочется, но уж больно неприятно туда выбираться. А тут вдруг известие, что он в составе какой-то агиткультбригады намерен первую декаду июня провести в Израиле. Что даст мне возможность убить всех трех зайцев: побывать в любимой стране, повидаться с тобой и с ним. У вас, правда, об эту пору тепловато, но как-нибудь переживу.

Сообщи, какие имеешь планы на этот период времени. Мои пока неточны – яснее станет к маю.

Леша, привет!

Замечательно! Буду очень рад. Очень надеюсь, что Сережа, став нынче уже просто «маститым», не обиделся на мою «литературу». Тогда мы славно проведем время. Планов у меня никаких нет на лето, в смысле поездки. Буду ждать. Сообщи, когда все уже конкретно наметится.

Если адрес у тебя не поменялся, то я тебе книжку на следующей неделе вышлю. А то и две: помню, что Элла, жена Пети Вайля, в свое время выразила желание ознакомиться.

Привет Краве

Наум

7.4.2000. Вчера меня чествовали «на крыше». Были Гольдштейны, Гробманы, Шамиры, Таня с Аркадием, Боря Юхвец, Шаус, Тарасов. Вместе с нами и хозяйкой дома (плюс годовалая дочь и блаженный муж) – 16 человек. Бараш позвонил и сказал, что у него сломалась машина и подскочило давление. Дико извинялся. Режиссеры застряли на съемках, а Мерлин не потащился вдаль (Иерушалаим – не ближний свет).

Гробман предложил тост за мою следующую книгу. Хлебнув молодого вина и запоздалой славы, я полез ко всем со своей дружбой:

– Я помню, мне Володя как-то сказал: ты что, в литературе друзей ищешь?! (Да, в самом деле, нашел где искать! – послышались реплики) Да..., и я тоже как-то смутился, и подумал, ну, в самом деле. И вот, так получилось, что кроме нашего литературного общения...

– Ты вдруг понял, что литература – это и есть жизнь! – сказала Ира Гробман.

– В общем, я сейчас чувствую, что обрел друзей. Вот за это и хочу выпить!

Я был на грани слезопротия.

– С удовольствием присоединяюсь! – Гольдштейн чокнулся со мной бумажным стаканчиком. Тарасов что-то про него съязвил. Он уже был под мухой, задирался, но Гольдштейн, в последнее время весьма укрепленный в своих силах (поведал Риммке: «У нас очень хорошая квартира»), ответил ему почти вызывающим тоном: «Да, Володя?» Тарасов продолжал язвить, что ему Гольдштейн ответил, я не расслышал, отвлекли. Чо делали? Пили-ели, Риммка колбаски всякие закупила, пирожки, я французского вина натащил, всё, надо сказать, вылакали, от вина перешли к водке, кое-где даже вполголоса о литературе что-то там. Гольдштейн с Шаусом заспорили о Сорокине, Шамир подключился, Ира Гробман рассказывала об идее устроить вечер авторов «Зеркала», у которых вышли книги. Мою (ее внешний вид) все, кстати, хвалили, Шамир заинтересовался, почему я выбрал именно период с 92-ого по 96-ой, Гробман пел частушки: «Шел я как-то камышом, встретил бабу голышом. Здравствуй, баба, добрый день, дай пощупать за пиздень», «Жил в деревне старый дед, делал сам себе минет. Возле каждого куста сам себя имел в уста».

– Опять эрос невозможного, – произнес со вздохом чей-то женский голос.

У меня нервы не выдержали: все-таки литературный вечер, – решил почитать, через полстранички почувствовал в воздухе напряжение скуки и вовремя прекратил. Все радостно расслабились, Шамир сказал: мы тебя любим не за это, ты лучше спой, и Гробман все подначивал, ну я спел, сбился на Есенина, завыл, никто меня уже не слушал, кроме Гробмана с Шамиром – рядом сидели, мы с Шамиром затянули: «Я был батальонный разведчик...» На строчке: «Я срать бы с ним рядом не сел...» Гробман встрял и обозвал это натурализмом, предложил поправку: «хезать», «Я б хезать с ним рядом не сел!», разгорелся филологический спор, собрание становилось катастрофически необязательным. Я заткнулся (тут как раз и на водку пере-

шли). Гробман требовал продолжения пения. Я стал хныкать, мол, не любит никто, не любят меня.

– А ты чего, хочешь чтоб тебя любили? – рассердился Гробман. – А ты чьей любви хочешь, Шауса? Так Шаус тебя так полюбит, что жопу в клочья, или вот мы с Шамиром, мы тебя так полюбим...

Тарасов шипел Риммке: «Я их всех ненавижу!», Оля озабоченно следила за дочкой, чувствовалось, что ей не до сборища, Таня с Аркадием загадочно улыбались, как театральные маски, Юхвец хлестал водку и держал на чреслах кота, Гробман продолжал напевать свое: «Расцвела за городом акация, всюду слышны песни соловья. У меня сегодня менструация, значит не беременная я...», потом сел на этого кота, нарочно сел, кот с визгом удрал, Оле это не понравилось, Шамир, чтоб Олю позлить, сказал, что кот немного сплюснен. Мелькнула догадка: пора отчаливать. Тогда Гробман круто взял «серьезный» тон и повел речь о том, что «останется» тот, кто смог себя выразить, что все уникальны и неповторимы, но немногие могут себя выразить, выразить свою неповторимость, так что давайте выпьем за эту книгу, это удачная книга, и вообще, книга – важное дело, «и учти, Вайман, что ты теперь умер, ты умер, понимаешь? Книга – это смерть. Ты теперь воскреснешь, только если напишешь новую книгу, а пока ты умер, все...»

Позвонил Матвей (он это делает не часто), объяснил свое молчание неполадками с интернетом.

От Л: *Ты обиделся?
Как было на «крыше»?*

*А ты хотела меня обидеть?
Я почувствовал, что ты счастлива и как-то не хотелось «встревать».
Потому что на самом деле я рад за тебя. Надеюсь, что в этом нет ничего обидного.
О вечере прочитаешь в записках, они почти готовы
целую
Да, хотел спросить: он по-русски читает? И вообще, имеет отношение к литературе?*

8.4.2000. От Л:

Я тоже подумала было о переводе книги, но он плохо читает по-русски, не чувствует... и плохо понимает. Как продвигаются дела с Dio? Когда читала записки, там, где «есть реальность и есть образ, который закладывается в память... сильное желание, закрепляющее за собой определенный образ, не соответствующий действительности, но идущий навстречу желанию, и есть вера», вспомнила Набокова – когда мы думаем, что начинаем все понимать, нам пора уходить из этого мира...

Да, работаю. Сегодня встречаюсь с Ароном Амиром, помнишь «Кешет»? Хочу себя на иврите.

Говорят Dio скопировал Грейвз в романе «Я Клавдий», возьму почитать.

От Ф:

А тебе твоя ирония и отстраненность принесли счастье? Я как раз вижу себя излишне отстраненной от жизни, и мне безумно хочется стать ее частью. Я напоминаю себе человека, судорожно вцепившегося в ветвь дерева, склонившегося над рекой, страшась опустить «точку опоры» и поплыть... Прекратить попытки «контролировать ситуацию» и отдать себя воле волн. Страшно, но иначе остаемся на месте, причем ценой гигантских усилий.

И это – отстраненность от течения жизни. Так что может быть отстраненность – от страха перед жизнью?

Если говорить точнее, то мне действительно не хватает отстраненности – от своих эмоций, страстей, я путаю себя с ними.

Кстати, в книге ты замечательно говоришь, что смысл – то, что преодолевает смерть. Но в нашей последней беседе ты сказал, что различие между нами в том, что ты считаешь, что смысла нет...

Противоречия здесь нет. Смыслы мы, хотим этого или нет, придумываем. А ты красивый «образ» придумала: подвешенного над жизнью... И я смотрю на жизнь со стороны, с берега, и в быстрое течение меня не заманишь. Я не люблю в нем барахтаться. Из страха? Скорее от брезгливости...

По дороге домой из Иерусалима заехали с женой на базу в Бейт Хорон, навестить Юваля. Он жадно ел арабскую булку с заатаром²⁴, которую мы ему купили у Яфских ворот, и пиццу. На прощанье крепко обнял меня. Борода мягкая... А потом я у Синявского прочитал цитату из Розанова: «Любовь есть боль. Кто не болит (о другом), тот и не любит (другого)». И не от страха за него болит, а просто... Хотя, конечно, боишься...

Бараш перекинул еще одно «упоминание», сказал, что он на меня «закладку» сделал, периодически что-то высказывает.

Из «Экслибриса».

Наум Вайман: по иисусовским местам с гарнитурой Лузурского

Наум Вайман. Ханаанские хроники. Роман в шести тетрадах. – СПб.: Инапресс, 2000, 414 с.

А ЭТА книжка набрана чудовищно мелкой гарнитурой Лузурского – читать ее практически невозможно. Особенно если учесть тот факт, что речь в ней идет о крошечных израильских пейзажах, где маячется главный герой, записывая историю своей маяты в тетради. На израильских заставах, понятное дело, жарко, воспоминания, само собой, покоя не дают, а тема «Москвич на Земле Обетованной» оказывается на нынешний день абсолютно неактуальной – тем паче, если подаешь ее с лирической, а не с комической точки зрения. Хотя, говорят, эта книга наделала там много шума. Но, наверно, они там лучше знают, кто такая И., которую герой возил «по иисусовским местам». Только нам-то какое до этого дело?

Барашу: *Насмешники, все б им поиздеваться над провинциальными. А шрифт действительно каверзный – имей в виду. Успеха тебе с Кононовым*

А от вечера осталось дурное послевкусие.

От Л: *и я хочу тебя на иврите тоже. Как прошла встреча с Амиром? Давай уже записки*

9.4.2000. В «Апокалипсисе нашего времени» Розанова христианство смыкается с буддизмом: «Силушка – она грешна. Без „силушки“ – что поделаешь? И надо было выбирать или „дело“ или – безгрешность. Христос выбрал безгрешность. В том и смысл „искушения в пустыне“. „И дам тебе все царства мира“. Он – не взял. Но тогда как же он „спас мир“? Неделанием. „Уходите и вы в пустыню“. ... Ах, так вот где корень его».

«Поле зрения, открываемое Евангелием, действительно есть поле „лазарей“, „нищих“, „убогой братии“ и, в общем, какой-то трухи человеческой. Имен, лиц, поколений не видим. Нет

²⁴ Восточная пряность

такого, чтобы человек был подобран к человеку, „порodka к порodka“, чтобы каждое зернышко „хлеба человеческого“ было умыто, омыто, вычищено. В Евангелии проходит определенная борьба против вычищенности. Отсюда-то снисхождение к болезни, изъязну, уродству. Отсюда: сын наследник и сын-гуляка. И гуляка торжествует... (притча о блудном сыне). И вообще отсюда именно, от Евангелия, потекло начало какой-то безродности, в сущности – вырождение и голытьба».

И Ницше о том же.

От Мерлина:

Наит, есть возможность хорошо отомстить: завтра будет презентация «Двояточия» в Иерусалиме. Можешь на нее не приехать, и будем квиты.

От Л:

ночью вдруг метель, и сейчас еще снег лежит. А вчера было 23 тепла и на сирени уже видны цветы... красота – сирень под снегом!!!

нет, он не литератор, он учитель истории, в старших классах и трубач-джазист по совместительству.

Получила записки, спасибо. Но про вечер ничего.

Поздравляю с номинацией на Букера!

10.4.2000. От Л: *вот вспомнила про «американскую красоту». Мы с тобой, когда в Иерусалиме гуляли, в Гиене Огненной видели пакетик целлофановый в небе, как змей воздушный летал, помнишь? так я именно об этом тогда подумала, ты небось и не помнишь уже... так где же про «крышу»?*

От Ф:

Дорогой, ну а как героизм – сидя на берегу? Вчера открыла твою книгу и удивилась – словно продолжаем разговор, но ты искреннее. Могла бы с тобой говорить твоими же цитатами. Хорошо же ты пишешь – если не о бабах.

А в каком смысле о бабах – плохо? В смысле литературы или отношения?

Амир пригласил в его родную забегаловку на углу Дизенгоф и Жаботинский. Я попросил два стакана сухого красного, а они принесли пасхальное сладкое вино, в армии мы звали его «молоток», и кафе какое-то «безалкогольное».

Амир жаловался, что о его новой книге – никто ни слова, нашел кому жаловаться.

Хочет, чтобы я его книгу осветил в русской прессе. Но для этого надо её прочитать. А на иврите читать – тяжкий труд, тем более – ерунду историческую.

11.4. Наум-Матвею

Читаю Синявского о Розанове. И цитаты Розанова, как жемчужные зерна в трухе скошенной (а ведь и Синявский не лаптем щи хлебает). Какой же он все-таки... вот, не знаю как сказать о Розанове. Въедливый, ботанический ум. И даже не от ума это глубочайшее видение – буквально «от нутра». «Нашим всем литераторам напиши, что больше всего чувствую, что холоден мир становится...» Ведь это же простое ощущение, вроде бы многим свойственное, но какая здесь чувствительность! Не ум, опять же, не талант, а чувствительность! И не то, что зябко вдруг стало, мол, век железный грядет и т.д., а тут ощущение, почти предчувствие, страшного космического холода, тень которого уже ложится на землю. (Ну а нынче не «ложится», а уже разлеглась.)

За окном (задраенным!) арабская музыка, монотонно заунывная, чужая, до ненависти. И хамсин обещают сегодня. Встал, заткнул уши ватой...

И вот от этого ощущения холода идет «раскрутка» пытливой и страстной мысли: почему холодеем? А оттого, что кругом «индивидуализм» (вот он последний воитель против него, правда, он скорее не Дон Кихот, а Санчо Панса русской соборности...), «братство» утеснено, узлы рода распались, даже узлы семьи... ты один, свобода, блин! Но это свобода камешка в просторах космоса. Нет рода и нет любви. Впереди гибель. На этот «индивидуализм», на всю эту «соц. демократическую сволочь» он смотрит апокалипсически. И не согласился бы, что ее можно искусством «вылечить». Только религией, «теплой, родовой». Отсюда его увлечение «юдаизмом», пристальный к нему интерес. А форма письма абсолютно личная, индивидуалистическая: обрывочки, опавшие листья, но его собственной неповторимой жизни. Вот и я от того же «танцую». И мне «холодно», и мне приходится самого себя «согреть», с самим собой танцевать, беречь свое тепло (как Соллогуб писал: «улыбаюсь, забавляюсь, сам собою вдохновляюсь»)...

«Родных не помню. Рода нет. Племена нет, нация – одна ерунда. Но вот я довольно талантлив и издаю журнал. Меня запишут в историю русской литературы. Я, впрочем, нигилист и в общем мне хоть трава не расти».

Опять же он, Розанов, родной. И как точно увидел, что христианство – это убийство Бога-Отца, своего рода история Эдипа в космических масштабах.

Розанов называет социализм мнимым братством, искусственным, насильственным. Отмечая при этом, что «сила» социализма именно в иллюзии возвращения этого самого братства. Он идет еще дальше, разоблачает и христианство, как мнимое братство, братство в нищете, а не в роде, братство в отшельничестве, в уходе от мира, в смерти, а не в жизни. Он зовет Бога-отца, зовет «еврея», «ветхозаветный дым на теплых алтарях». И на самом деле сегодня иудео-христианский мир (тот самый Запад) отбросил и то и другое, но не вернулся, конечно, к ветхозаветному дыму, а вернулся к римскому закону, как основе жизни. Америка стоит на «законе». И все «лучшие люди» (соцдемократическая сволочь) поют ему осанну. Но на чем стоит этот «закон»? Пока он покоится как бы на библейских принципах (только не называйте их «христианскими»!), это гигантское здание, эта новая вавилонская башня еще как-то держится. Но свобода индивида уже выше власти рода, холод сильнее тепла (оно и по термодинамике так), и поэтому здание это будет все дальше и дальше уходить ввысь, теряясь в облаках виртуальности, пока... не рухнет. И что есть искусство в этой очевидной глобальной перспективе?

И еще меня бесит преступное скудоумие нашей, израильской «социал-демократической сволочи», их сюсюканье по поводу «универсальных ценностей». И так хочется бросить им в лицо – нет, не «железный стих», а гранату. Стихами их не проймешь.

Нет, я себя с ним не сравниваю, пойми, просто исходные побуждения те же (потому я так Розанова и люблю). Я ведь, на самом деле, розановский эпигон.

12.4

От Ф:

Муж завтра приезжает, а я вместо того чтобы пироги печь, не говоря уж о лекции своей на иврите в пятницу, не могу от книги твоей оторваться.

Читая, чувствую такую близость, нежность к душе твоей мятежной и тоскующей... И от тоски по несбывшемуся сердце сжимается.

От Л:

если еще не поздно, не мог бы ты для меня заказать «Женский портрет» Джеймса и диск Козина? Конечно, если это удобно и не в тягость. Матвей превзошел сам себя. Я его

теперь люблю, как родного. Получается мы таки мыслим синхронно – ты думаешь, что я тебя хороню, а я думаю, что тебе легче меня утопить, чем в море отпустить... я давно не комментирую, но не могу сдержаться и не напомнить, как посоветовала тебе «предохраняться» с Ф и еще у меня есть масса вопросов, но это потом.

Faksy i baksy

Дорогой Николай!

Письмо Гринбергу завтра отправлю, он уже звонил, вроде поблагодарить за книгу (я ему послал), и спросил про ваш «факс» (во, как я его «подогрел»!).

А вам, шаркнув ножской и эдак попятившись, напоминаю о нижайшей просьбе насчет справочки, ваших книг и Козина (см. предыд. письмо), если, конечно, Марианна в наши края соберется.

Что касается моей «склочности», то я в ней не уверен. И не потому что «обиделся», или, тем более, хочу «поправить» (пусть пишет, как видит, может ему и виднее). Вредность, конечно, имеет место быть, как и память злая, но все-таки не склочность. Если бы обо мне что-нибудь толковое написали (вот, надеюсь на Золотоносова), я бы решился высказаться, как сам все это вижу... Кстати, если Золотоносов захочет спросить о чем-нибудь, уточнить, я рад пообщаться.

Всегда ваш

Наум

13.4.2000. В номере сумрачно. Прохладный ветер колышет занавески. Шарав нишбар – хамсин на сломе. Заставила меня читать кусочки из книги.

... – Я иногда так горжусь...

– Хорошо. Я хотел бы, чтоб ты мною гордилась.

– Да я не тобой, а собой горжусь. А тобой я не горжусь, я тебя обожаю. ... А я знаю теперь твою страшную тайну!

– Какую тайну?

– Забыл?

– Не помню...

– Что ты хомячок. Не рыба, а хомячок. А ты знаешь, что хомячки все время делают?

– Трахаются.

– Сам ты трахаешься. Они моются! А знаешь, как они ужасно смешно моются? Вот так, обеими ручками щечки свои вот так... У меня была дома хомячиха, я ее невзлюбила, когда она всех своих детей съела, двенадцать штук..., она любила по занавеси забраться и по палке наверху ходить, а потом мы ее оставили у подруги, когда в отпуск уезжали, и она погибла, упала в фотораствор, а когда подруга пришла, так она уже умерла, а я.., вот ужасно, но я даже была рада, я не любила ее, после того, как она съела. ... А помнишь, в церкви в Яффо было написано: отправляем все требы. Вот ты мне отправил все требы. ... Ой, я вспомнила смешную историю, которую мне подружка рассказывала, она в Москву ехала, скорый Москва-Ташкент, и в купе с ней была одна учительница, уже немолодая, а у подружки была верхняя полка, и вот, говорит, вдруг зашли два таких классных мужика, знаешь, как говорили: в шляпе и с портфелем, такие видные мужики, наверное, командировочные, ну, один тут же ей место внизу уступил, мы, говорит и наверху разместимся, и пошли в ресторан, пришли, конечно, пьяные, этот, что подружке место уступил, хлопнул ее по заднице: а ну дуй к себе наверх, она действительно «дунула», а второй вдруг писать захотел и в уголок пописал, а там эта училка спала, он на нее и написал, прямо на лицо, представляешь?, ну, та стала орать, в общем, милицию вызвали, стали протокол составлять, эта училка в истерике, не может, так подружка за нее протокол писала, а ее милиционер поучает: не написал, а отправил малую нужду, а второй через

сутки очнулся, где товарищ, такой скандал поднял, подумаешь, говорит, ну выпил человек. ... я до сих пор не пойму, как мама могла..., я раз прихожу со школы, мне было лет двенадцать, а сестре лет восемь, а у нас такой шкаф был, сверху книги, а внизу две полки такие, одна моя, другая сестры, там для школьных всяких принадлежностей, у меня всегда была в образцовом порядке, а у сестры куча-мала, она, когда искала чего-нибудь, всегда выгребала все на пол, ковырялась-искала, а потом все так кучей обратно и запихивала... ну вот, прихожу я, а мама сидит на полу, и читает ее дневник, решила ее полку убрать, и нашла дневник, и говорит, ты только посмотри, что наша малая делает, а там была такая тетрадка, разделенная пополам, и подвал такой, и вот она слева записывала всякие события, ну совершенно простые, лет восемь ей было, а справа записывала что могло бы произойти самое худшее, если бы случилось не так, а иначе, а в «подвале» записывала все что могло произойти, если бы наоборот, ужасно повезло, ну и т.д., представляешь? А мне неприятно было, что мама читает, хотя я дневники никогда не писала, я всегда с мамой советовалась, все ей рассказывала, хотя могла и наоборот сделать, а сестра была ужасно скрытная..., и вот я только теперь узнала, что мама ей в конце тетради написала, что мол зачем ты воображаешь самое плохое, ну что-то в таком духе... Представляешь? Это так не вяжется с образом мамы, она была такая деликатная, умная, и дневники читать, да еще написала ей... Сестра с тех пор перестала дневник писать. ... ты знаешь, я когда вошла в Сикстинскую капеллу, то у меня голова закружилась, я как-то потеряла ориентацию в пространстве, это даже не картины, не фрески, а как будто объемно все, прям на тебя свисают ноги, руки. ... у нее была ужасная послеродовая депрессия, и муж ей подарил краски, какой-то психолог посоветовал, и она стала рисовать, и даже в какой-то любительской выставке участвовала, и на эту выставку пришел один директор банка, и ему очень понравилось, и он ей предложил, что она в течении трех лет будет писать ему в месяц по картине, а он их заранее покупает по 600 долларов, ну она, конечно, согласилась, и вот, сейчас, представляешь, ее картины висят в музеях, стоят совсем другие деньги, но она все равно продолжает этот договор с тем директором банка, говорит, что так благодарна ему, что он в нее поверил..., правда удивительная история, про Золушку? А потом еще у одной нашей знакомой была депрессия и муж этой художницы тоже ей подарил краски...

– И она тоже прославилась?

– Еще нет. ... он себе обрезание сделал, на старости лет, ну все ужасно смеялись, требовали предъявить... он вообще очень интересный человек. ... с ним произошла ужасная история, мы вместе собирались уезжать, и даже билеты были на один самолет, и перед самым отлетом у него заболел ребенок, и они отложили, ну, мы сказали, что будем его встречать в Вене... они так и не прилетели, а уже в Израиле мы узнали, что они поехали в Америку... ты знаешь, когда мы в Вену прилетели, мы были единственные, представляешь, единственные, которые повернули в Израиль, все летели в Америку, все нас спрашивали, а что вы там будете делать в Израиле, дыра, ну и всякое такое, и ты знаешь, если бы не дочка, которая раньше нас прилетела и ждала нас в Израиле, я бы, может, передумала, я просто заколебалась... а у них мать его очень не хотела ехать в Израиль, говорила там война, мальчику придется в армию идти, а ему было тогда лет девять, и еще она говорила, что в Израиле плохая вода и мальчик может заболеть, в общем, они поехали в Америку, нормально устроились, и вдруг мальчик этот заболевает лейкемией, и умирает. И вот он решил наверное, что это ему наказание, и решил сына похоронить в Израиле, мы были на похоронах, жена еще держалась, а он..., а потом решил лахзор бе тшува²⁵, стал кипу носить, и решил остаться, а жена не хотела и вернулась, потом они развелись, они вообще-то всегда плохо жили..., он тут тоже устроился, постепенно стал отходить от религии, жениться все не получалось, уж сколько подруг я ему подсовывала, он

²⁵ вернуться лоно религию

вообще такой видный мужчина, в общем, он решил обратно в Америку возвращаться, но перед отъездом вот обрезание себе сделал....

– Чтоб быть евреем до конца.

От Л: *Я твоего Портоса даже зауважала за «8 марта»
целую тебя в глазки*

оп-па, ма кара²⁶?

От Л:

*ма кара ма кара нишибера а кеара²⁷. А что Зайчик теперь вместо Бар Селы?
И кто такой Раймонд де Шатильон, пардон?*

Ты получил вместе с Dio Барселону на русском и Монсерат? Когда поднимались в Монсерат тоже все было в тумане, даже не молоко, а свинец, потому что туча – очень похожие ощущения с твоими от Герата – забыла еще фотки вложить, кот. я сделала. И еще в театре-музее Дали есть мумия-саркофаг, одетая в доспехи из печатных плат (к вопросу о деградации и транзисторах)

Целую тебя в щечки

14.4. Да, Зайчик вместо. Это хорошо
а Раймонд де Шатильон – бандюга-крестоносец, очень колоритная личность. И Монсерат с Барселоной я получил, спасибо.

15.4.2000. Утром позвонил Мирон и сказал, что видел в «Вестях» статью Шамира, где он обзывает меня фашистом и импотентом, сравнивает с Розенбергом, в общем, всякие гадости. Звоню Гольдштейну, он подтвердил, но утешил, что это не в субботнем номере, мало кто прочитает. Жалко, говорю, что не в субботнем, пусть читают, подумаешь, фашистом обозвал.

Ну, говорит Гольдштейн, он еще и о литературных достоинствах отозвался уничижительно, и вообще статья довольно злобная, что особенно странно после вечера, где он был так дружелюбен...

Ну да, и в газете, где мне предлагают сотрудничать. Кто-то решил обосрать, чтоб не задавался?

В лесу было не жарко. И мясо не пережарили. Как всегда гуляли втроем, вспоминали приключения в домах отдыха по профсоюзным путевкам. Мирон говорит: «Это вообще было гениальное социальное изобретение советской власти, на Западе ведь не принято отдыхать отдельно, а тут профком-завком путевку подарил, хошь-не хошь, вот и съезжались со всей страны замужние женщины и женатые мужчины на две недели свободной любви.»

16.4. От Веселова. *Привет, Наум! Поздравляю!*

Страшно рад письму. В нем тепло Вашей страны. У нас этого сильно не хватает – холодно и мутно.

Завтра пойду за «Хрониками». Привет Вашей солнечной супруге.

До встречи.

Саша.

²⁶ что случилось? (кара – ударение на последний слог)

²⁷ Что случилось, что случилось – наша мисочка разбилась (ивр.)

Дорогой Саша!

Спасибо за поздравление и особенно за рисунок (это Фонтанка?) – я ваши рисунки очень люблю.

Всегда Ваш

Наум

Ездили с Р в лес. Завтрак на траве. Лежали, обнявшись, целовались. Потом все-таки залезли в машину.

... – Ой, я уже лет тридцать как в машине не трахалась! ... А ты, оказывается, умеешь быстро!

– Ну, ты же любишь быструю езду?

– Да, если много раз.

– Ну, сколько можно...

– Сколько можно? Не хочу тебя огорчать, ха-ха-ха!

Потом опять лежали, обнявшись, на скатерти, смотрели на поляну с редкими елями. Одна ель засохла, умерла, только на верхушке торчат три ветки с пожелтевшими иголками, согнувшимися вниз, как маленькие желтые балдахины.

Позвонил Гринбергу. Настроен благодушно. Прочитал из книги 50 страниц.

– Могу по этому поводу процитировать: «Они свою образованность хотят показать, вот и говорят о непонятном».

Рассуждения, говорит, примитивные. Но заказал 20 книг для магазина, а пока дойдут – попросил прислать или привезти парочку. По ходу нашего разговора позвонил по другому телефону Эдельштейн, он ему сказал: «Заходи», и мне:

– Министр, а денег, гад, не дает. А еще наставником меня считает. Сейчас придет, займемся биур хомец²⁸, знаете что такое беур хомец? Это допить все, что осталось, что за год не допили.

Кризис средних лет

Израэль Шамир

Только что вышедшая книжка Наума Ваймана «Ханаанские хроники» стоит на стыке жанров. Можно ее читать как литературно-политический дневник человека, активно действующего в русско-израильском обществе, замечающего, социально ангажированного. Так сказать, наш Жюль Ренар и братья Гонкуры. Можно воспринимать как роман о кризисе среднего возраста, который переживает мужчина под пятьдесят, и тогда дневниковая форма – лишь художественный прием. Есть и другие варианты прочтения, о которых – ниже.

Наум, загорелый, фотогеничный и лысый здоровячок средних лет, замечательно поет Есенина под гитару, душа общества, хозяин обширной библиотеки, выпить с ним – одно удовольствие. Милая жена, симпатичные дети. Выпустил несколько книжек стихов. Но достаточно ли указанных положительных качеств для того, чтобы создать интересный дневник? Ведь дневник – будь-то «лирический дневник» или «общественно-политический» дневник – трудный жанр именно в силу его кажущейся легкости. Наступило 12 марта, выпил с Рабиновичем, закусили селедкой. Подумалось: какая все же гнида этот Рабинович! Записал это наблюдение и пошел дальше.

Люди, описываемые Вайманом, русские израильские литераторы, от Александра Гольдштейна до Александра Верника, конечно, замечательны на свой манер, но они пока не снискали такой славы и известности, чтобы поверхностные наблюдения за ними были бы интересны

²⁸ предпасхальная церемония удаления из дома всего «кислого»

сами по себе, как интересны нам любые сведения о Достоевском или Сталине. Все же мы говорим о довольно мелкой окололитературной тусовке. Интересен ли нам искренний дневник, скажем, работника пожарной команды или санэпидемстанции, повествующий о его выпивонах с коллегами? Мне – не очень, если он не открывает глубины человеческих душ, не остроумен, не замечательно написан. В общем, какое нам дело, кто из них с кем пил и спал?

Но, может быть, перед нами – художественное произведение, лирический герой которого, «Наум Вайман», (не путать с автором Наумом Вайманом), мужик под пятьдесят, озабоченный признаком приближающейся старости, тоскующий с собственной приставучей женой, и спасающийся сексом на стороне? Тогда приходится сказать, что образ «Ваймана» Вайману не удался. Перечня сексуальных актов и мест, где оные акты происходили («Третьего утром перехватил ее в Ришоне и поехали в „Императорскую“. Жара была давящей. Выглядела прекрасно. Три пистона хлопнул, потом поехал на работу. Вечером еще один жене, по инерции») еще не достаточно, чтобы ощутить сочувствие и эмпатию. Литература от милицейского протокола тем и отличается, что возникает эффект сопереживания.

Особый интерес для меня всегда представляют попытки передать израильскую речевую стихию, и в частности армейские реалии – средствами русского языка. К сожалению, Вайман пошел по тривиальному пути: длинные цитаты на иврите и прибалтневая русская лексика. Меня она корбит, как и очень грубый пересказ израильской истории, вроде «Менахем Бегин, уродец и фразер, <...> подписал с египтянами жалкий мир». Вайману это кажется «лихим стилем Светония», а мне – арканзасской журналистикой из рассказа Марка Твена.

Политические сентенции Ваймана (или его лирического героя «Ваймана») настолько чудовищны и запредельны, что у меня закралось подозрение: «уж не пародия ли он?» Не хочет ли Вайман создать образ человека, бросающегося в фашизм на почве острой сексуальной неудовлетворенности? Узнав о теракте Баруха Гольдштейна, лирический герой восклицает: “<Он> совершил то, о чем грезились горячечными от ненависти ночами. Надеюсь, что этот герой – не последний». Очень много ненависти – к «черножопым» марокканцам, к «арабчатам и арабушам». В какой-то момент герой книги осознает, что его взгляды – нацистские: «А ведь и я так же <как Гитлер> думаю. Не попал ли я в дурную компанию?» Он держится: «Жгите, суки, клеймом фашизма!». Но его поиски не так энергичны, как у Маринетти, не озабочены музыкой, как у Паунда, а по глубине уступают даже Розенбергу. В его системе мышления, как и у «брatца-Гитлера», «царит монументальная пошлость в сочетании с практической изворотливостью и полной атрофией сострадания и юмора».

В общем, говоря словами Ваймана, «вышло что-нибудь эклектического». Хочется сказать ему, как в песне Беранжера, «ты сударь, пой, а не пиши».

17.4. Наум, привет!

Связь наладилась, и твое письмо о Розанове я получил, причем сразу, в тот же день, когда ты его послал. Тема настолько интересная, что я решил ее не комкать и ответить подробно; думаю, совсем не в том тоне, какого ты ожидаешь. Сделать это сразу не могу, потому что в понедельник, 23 апреля, исполняется последний срок сдачи статьи в академический сборник к юбилею (70-летию) С. Г. Б-ва. Статья у меня готова, но пока сыровата, и я хочу использовать все оставшееся время, чтобы довести ее до кондиции. Если тебе интересно, статья довольно большая (больше двух листов), называется «По направлению к Рампе». Она как бы о Бахтине (Б-ов – душеприказчик Бахтина, хотя известен не только этим; вообще он незаурядный человек), но там я впервые в печатном тексте излагаю свои идеи о Рампе и о Жреце и Маге. Если тебе интересно, могу, когда будет готова, перебросить ее тебе по E-mail’у (если тебя технически не смущает объем; меня уже не смущает).

Американец Алик (Alex) мне позвонил, и мы уже провернули всю операцию, в результате которой я заработал кучу денег (по моим масштабам, конечно): дело в том, что Alex рас-

кололся на авиапосылки (исходя из того, что морем до Америки книги идут очень долго), и в результате сумма вышла существенно больше, чем я рассчитывал. Так что спасибо тебе за столь выгодного клиента, деньги мне, как ты понимаешь, очень кстати.

Всегда твой

Матвей

Матвей, привет!

Статью о Рампе, конечно, пошли! И с нетерпением буду ждать письма о Розанове. Что говорят знакомые о книге? Не бойся передавать мне и «огорчительные» отклики.

А вообще меня книга радует хотя бы тем, что она уже перезнакомила меня с многими интересными людьми.

А у нас Песах на носу, так что – хаг самаех! (То бишь «веселого праздника!»)

Всегда твой

Наум

Позвонил Ифат. Новостей нет. Обещал послать ей книгу и фрагменты на иврите из «Кешета». Обещала за это угостить кофеом.

Жена, сдергивая с меня одеяло: «Где мой мурзилякочка? Вот он, мм-уа!» Целует, снова задерживает одеяло и мне что-то бурчит грубым тоном.

– Вот, с ним ты ласково, а мне грубишь.

– Потому что он один меня понимает

А «понимающий» и рад стараться. Задираю ей ногу: «На тебе его, раз уж ты его так уважаешь». «Оох! Уважаю, уважаю!»

18.4. От Зуса: я привез и израильскую мацу сюда в Японию
*Песах гадоль беарцену*²⁹!

ז.

А ты чего, опять в Японии? С японочкой?!

19.4. Кен³⁰

Вчера проворонил \$2000

Но японочка это 2 миллиона

Как жизнь??

ז.

Это на бирже проворонил?

Желаю удачи с японочкой

А жизнь бьет ключом, в двух словах не расскажешь.

От Л: Ай да Кононов, порадовал стариков, ай да молодец. Особенно про ленту Мебиуса и «вообще уже там у них внутри ничего не осталось»...

*так для кого Укропчик*³¹ *изгаляется?*

²⁹ Великого праздника Песах на нашей родине! (ивр.)

³⁰ да (ивр.)

³¹ Шамир на иврите – укроп.

Звонила Ира Гробман. Говорит, сняла зал в Бейт-Лисине, это насчет той идеи вечера для авторов «Зеркала», издавших книги. «Заезжай, надо обсудить программу». Обещал в начале следующей недели подъехать.

– Ты статью Шамира читала?

– Читала. Ты знаешь, это все-таки лучше, чем заказанная хвалебная статья.

– Да я не обижаюсь, просто он...

В это момент телефон отключился, а когда опять соединились, разговор перешел на другое.

Позвонил Наташке в Гаагу

– Ай вонт ту спик виз...

– Наумчик, ну чо ты выябываешься!

Мило поболтали, пошлю ей книжку.

20.4.2000

От Л: *Вчера стирала пыль с книжных полок, и Цветаева раскрылась на «так встречи не ждут, так ждут письма», и выпал засушенный цветок, из Лутруна...*

мда, оиэнь трогательно... Кстати, как поживает твой барабаник, он же сексафонист? Зажала рассказик?

Гольдштейн считает заметку Шамира некорректной, просто таки злобной. Рассказал, что Гробманы его еще давно насчет Шамира предупреждали, что он из породы тех, кого в квартире одного не оставляют. Я сказал, что так, видно, и есть, он – какашка, но я на его статью не смог обидеться, поскольку весь его яд бьет мимо. Странно только, что настолько не врубился. «Особенно странным мне показалось обвинение в фашизме, – сказал Гольдштейн, – когда я из его собственных уст слышал глубокое сожаление о том, что Гитлер не доделал работу по уничтожению евреев». Поведал, что вечер на крыше прошел «мило», «по-дружески посидели». Хвалил Кононова, мол, очень изощренный. «Он иногда такие кульбиты выделывает, так зависает, что... просто удивляешься». Отметил его редкую по нынешним временам «культурную оснащенность». Жаловался, что в последнее время куча статей против него, во всех газетах. Поговорили об интервью, которое он взял у дочери Сельвинского, о той эпохе, о сказочной жизни советских поэтов и их инфантильной продажности. Усмехнувшись, он бросил: «Они были такие порочные дети...» И в конце добавил, что Зайчик не против насчет интервью со мной, так что, даст бог, в ближайшее время...

Озрик сформулировал методу современной литературы: «Отсосал-записал».

21.4.2000. Для Л:

Мне вчера приснилось, что мы с тобой лежим в траве, но обстановка «не интимная», не одни... А ты раздеваешься догола и так просительно на меня смотришь, а я говорю: «Люди ходят...». А ты говоришь: «Ну пожалуйста, я тебя очень прошу...»

Наум, посылаю тебе текст своего сына, который он напечатал в газете «Алфавит», он там постоянный автор. Текст поначалу казался мне излишне категоричным и резким по отношению к автору книги, но Вася мальчонка с гонором, отца не слушает, и вообще к нашему поколению относится с уважением, подобающим антиквариату (исключение касается только Моти). Надеюсь, что тебя не очень огорчит этот текст.

Другие московские издания пока молчат. Раскачиваются, я полагаю

Сергей

...В первую очередь поражает параллельное существование героя в двух, по меньшей мере, мирах, израильском и московском. Нет ни болезненного раскола, ни трещины в сердце, герой везде адекватен, везде дома. Из закомплексованного еврейского мальчика, собственно-сти тоталитарной державы, он сумел превратиться в воина, полноправного гражданина своей собственной страны. И, тем не менее, не проходит необъяснимая привязанность к Москве, московским друзьям, немотивированное внимание к мелким изменениям российской жизни. Такое ощущение, что герой никогда не уезжал отсюда, да и не мог уехать. Его московские друзья (Миша, Матвей), которые не стали «победителями», «хозяевами» собственной жизни, по-прежнему для него самые близкие люди. Непонятным образом он сохраняет духовное родство с погруженными в созерцание московскими «философами», живущими скудно и странно на окраинах безобразного мегаполиса.

Израиль кажется московскому сионисту недостаточно еврейским. Воплотив в себе все, что хотел, он по-прежнему мучительно ищет «еврейскую идею». Вкусив материального благополучия, новое поколение его сограждан не хочет жертвовать собой, подобно героям сороковых – худым, мешковатым юношам и девушкам с поблекших фотографий. Их не интересует ни Достоевский, ни Бен Гурион, они хотят мира, возможности спокойно зарабатывать. Ваймановский герой обнаруживает, что «русские», «американцы», «алжирцы» и «йемениты» съехались сюда не для воссоздания Храма, а с какими-то по определению неясными для индивида «родовыми» целями, что общееврейские, с его точки зрения, ценности присутствуют в этой жизни в лучшем случае как отработанная ступень ракетносителя, которая уже сделала свое дело и отброшена прочь. Что еврейское культурное наследие и культура – это его сугубо личное дело.

Посему ваймановский герой жаждет очистительных бурь, призванных возродить уходящую героиню. Его устроит лишь новый полномасштабный конфликт на Ближнем Востоке, война с арабами на всех фронтах. Только это спасет государство Израиль. Здесь возникают «розановские» мотивы, мстительное смакование картин последней войны: лето, жара, сад, разлагающиеся трупы арабов. На первый взгляд, романтика вполне баркашевская: жажда подвига, смакование трупного запаха, тоска по мировому пожару. Однако в ситуации ваймановского героя в принципе исключен соблазн превратить свой бред в социальную нишу, в бизнес, возглавить всех больных и куда-то повести. (Ср.: «Бьем жидов, нехристей, крутых.» – рекламный перечень услуг РНЕ.). Наоборот, здесь романтическая поза героя-одиночки. Узнаваем все тот же хрупкий еврейский мальчик из литературного класса, еще не принявший судьбоносного решения заняться боксом.

Беда лишь в том, что у читателя, незнакомого с психологией ваймановского поколения, возникают сомнения в том, что мы имеем дело с литературой, с преодоленным (хотя бы в пространстве текста) и отрефлексированным состоянием. Куда больше это похоже на компенсацию.

Василий Костырко

Дорогой Сережа!

Василий меня здорово порадовал тем, что можно «со стороны» (тем более со стороны «другого поколения») так вчувствоваться в этот текст. Это счастливо подтверждает мою веру в то, что духовная общность, сочувствие – не зависят от возраста, страны и эпохи, и любовь к «антиквариату» это не всегда трогательное коллекционирование отжившего, но горячая любовь к вечно живому. И если мой текст все эти «расстояния» преодолевает (хотя бы в одной душе!) – я свое дело сделал, и это высший комплимент.

Вот тебе, для сравнения, заметка израильского писателя моего возраста (там о книге, как форме «кризиса средних лет»), небезызвестного Израиля Шамира....

И еще, о том же, из письма Кононова «о поколениях»:...

Судя по уже накопившимся (хотя и немногочисленным) письменным и устным отзывам, книга либо кажется «скучной» (мол, дневник, пошел-сказал-выпил и т.д., по такому «принципу» и Розанов скучен), либо шокирует (оставляет в недоумении) даже опытный литературный вкус, так что такой человек, тем более если он критик, предпочтет отмолчаться (пока не сложится «мнение»), либо воспринимается напрямую, от сердца к сердцу. И тогда я «попадаю». Будем надеяться, что таких сердец будет много – не скрою, хочется и успеха, хотя и того, что произошло с книгой, мне достаточно.

Василию передай сердечный привет и благодарность за рецензию. Если ему захочется написать мне – обо всем, что угодно, – скажи, чтоб не стеснялся, я буду очень рад.

Всегда твой

Наум

Кошка в телевизоре замяукала, и Клепа залаяла, бросилась к экрану, а потом к окну. Вот она, сила искусства!

22.4. От Л:

в траве это замечательно, а ты уверен, что это была я?

абсолютно

и очень явственно...

По русскому ТВ выступают артисты, игравшие Ленина в разных фильмах и спектаклях (день рождения вождя!). Жена говорит: «Я помню, как в первом классе до слез спорила, что Ленин в туалет не ходил».

23.4.2000

Заехал к Гробманам. Ира процитировала, как пример ложных, если не лживых воспоминаний, статью какого-то художника (в «Новостях недели»), который написал, что Гробман советовал ему не ехать в Израиль.

– Я могу такое посоветовать? – недоумевал Гробман.

Утверждал, что наоборот, большинство, кто не поехал в Израиль, а двинулся, скажем, в Париж, в результате оказались в говне, то бишь проиграли.

– И вообще Париж уже тогда был художественной провинцией...

Стали вспоминать всяких художников, я напомнил о Панасенко, Ира сказала, что он банален.

– Но есть крик, – говорю.

– Банальный крик.

– Страшноватый... Я так и не купил у него картину...

Замечание было неосторожным. Гробман вцепился в меня: купи картину. Или хотя бы эстамп. Всего 200 долларов. Я брыкался. Но Гробман держал мертвой хваткой. Пока Ира раздраженно не бросила ему: «Отъебись!». Обсудили план вечера. Я предложил подать книги в форме диалога. Ира предложила мне Шауса в качестве оппонента. Шауса, говоришь? Ну черт с ним, давай Шауса. Обсуждали название вечера. Потом они заспешили, кто-то пригласил на международный фестиваль документального кино, на просмотр-презентацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.